

Максим Кузнецов,

заместитель директора Смоленского государственного музея-заповедника, г. Смоленск

ОЧЕРК ВИКТОРА КУНЦЕВИЧА О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ 20-й АРМИИ НА СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1941 ГОДУ

В 2026 г. исполняется 85 лет Смоленскому оборонительному сражению 1941 г. И следует признать, что оно до сих пор является одной из самых малоизученных операций начального периода Великой Отечественной войны.

Череда досадных отступлений, разгром оперативных групп за считанные недели, окружение целых армий и существенные безвозвратные потери личного состава и материальной части Красной Армии заставляли и советских военачальников, и советских историков весьма канонично трактовать события указанного периода. В новейший период исследований ситуация мало поменялась: детализации удостоились лишь отдельные эпизоды Смоленского сражения; достаточно заметить, что на сегодня нет ни одного подробного, объемного труда с привлечением как отечественных, так и немецких документов.

Особо отметим, что и практика рассекречивания (точнее, ее отсутствие) тематических дел в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации не способствует дальнейшему оперативному изучению истории обороны как самого Смоленска, так и всей области: автору этих строк не единожды было официально отказано в рассекречивании ряда дел, касающихся Смоленской оборонительной операции 1941 г. и Смоленской наступательной операции 1943 г.

В этой ситуации публикация новых источников по таким малоизученным темам имеет неподдельный интерес. В данной статье нами опубликован полностью поистине уникальный материал: очерк истории боевых действий 20-й армии майора в отставке Виктора Касперовича Кунцевича, бывшего помощника начальника связи штаба 20-й армии в начальный период войны, который охватывает события с 23 июня по 20 октября 1941 г.

Виктор Касперович родился 19 октября 1914 г. в Минской области, в крестьянской семье «середняков». Окончил в 1931 г. Лепельский педтехникум, а в 1935 г. – Минский государственный педагогический институт. Был призван в ряды Красной Армии в 1936 г. Оставшись на военной службе, прошел обучение в 1939 г. в дивизионной гарнизонной школе в Брянске, затем на курсах усовершенствования командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии и в 1940 г. оказался в должности заведующего делопроизводством войск связи Орловского военного округа в звании техника-интенданта 2-го ранга¹. На второй день войны Кунцевич прибыл с эшелоном штаба 20-й армии на железнодорожную станцию Смоленск, отсюда и начинаются его воспоминания о суровых военных днях.

Должность В.К. Кунцевича предполагала глубокое погружение в оперативную обстановку, так как его землянка находилась рядом с землянкой командующего армией. Виктор Касперович становился свидетелем важных, а иногда и малоизвестных событий: прибытие штаба армии в Смоленск, гибель в Смоленске начальника штаба генерал-майора А.Д. Корнеева, считающегося до сих пор погибшим в Белоруссии, контрудары мехкорпусов от Витебска до Могилева, действие штаба в период сражения за город Смоленск и в «смоленском котле», выход частей Красной Армии из окружения в районе Соловьевско-Ратчинских переправ, битва на Днепре, «вяземский котел» и прорыв из него. Все эти судьбоносные события были им описаны, и рукопись оказалась в архиве Смоленского областного музея.

¹ Техник-интендант 2-го ранга – воинское звание, которое в 1935 г. было введено в Красной Армии для военно-хозяйственного и административного состава, соответствовало армейскому званию «лейтенант».

При написании рукописи Виктор Касперович опирался не только на свою феноменальную память, но и использовал документы архива Министерства обороны, благодаря чему еще во времена отсутствия различных электронных банков данных и интернет-сети он смог собрать и направить в музей часть сведений с именами, должностями и сроками пребывания на них на ряд лиц командного состава 20-й армии, выступить как военный историк, описав и период Смоленского сражения, и ему предшествующие события в Белоруссии.

Публикация данного очерка раскрывает малоизвестные страницы как Смоленского сражения, так и истории 20-й армии – от ее яростных контрударов до тяжелых отступлений и окружений.

Действия войск 20-й армии на Смоленщине сложно переоценить, и, тем не менее, ввиду гибели большинства документов информацию приходится собирать по крупицам. Что говорить, если даже Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко, в период Смоленского сражения заместитель, а затем командующий Западным фронтом, в своей книге «Смоленское сражение» горько констатировал: «Нужно заметить, что очень мало, почти ничего нет в архивах о действиях 20-й армии в Смоленском сражении. Да это и понятно, 20-я армия, находясь в окружении, уничтожила все оперативные документы. Поэтому пришлось по крупинкам собирать материал о боевых действиях 20-й армии, главным образом, через опрос участников боев и походов, отыскивать разрозненные сведения по разным источникам, в том числе и документам врага»². Просто вдумайтесь, как оценивает наличие исторических источников человек, чья должность и слава после войны предполагали доступ к любым источникам информации, не только лично, но и через ветеранов-очевидцев, архивистов, музейщиков, сотрудников военных институтов.

Виктор Касперович долгое время занимался поиском архивных документов, посвященных боевым действиям 20-й армии в 1941 г., переписывался с ветеранами и встречался с ними, собирал воспоминания участников событий, анализировал найденные документы. Результатом этой большой поисковой работы и стал очерк, который он назвал «Воспоминания о боевых действиях войск 20-й армии на земле Смоленской в 1941 году». В действительности, этот труд представляет собой не воспоминания в чистом виде, а синтез документального исследования со ссылками на архивные источники и личных воспоминаний автора, как непосредственного участника описываемых событий.

Очерк был составлен в рукописном виде, он состоял из двух частей. Первая часть была завершена 30 июня 1971 г., вторая – в апреле 1972 г. В конце каждой части стоит авторская подпись и название города, в котором проживал Виктор Касперович, – Оренбург. Не сохранилось сведений о том, каким образом и когда эта рукопись поступила в музей. Вероятно, В.К. Кунцевич высылал части очерка по мере готовности, ныне они составляют два разных архивных дела³, но возможен вариант, когда он сам лично привез обе части рукописи в Смоленск.

Очерк публикуется в полном виде, после каждой части публикатор добавил свои комментарии, необходимые для пояснения важных сюжетов повествования и судьбы самого В.К. Кунцевича. В некоторых местах авторского текста также имеются комментарии публикатора, исправляющие неточности очерка Виктора Касперовича или добавляющие важные пояснения, все они даются в квадратных скобках и курсивом. Авторские сноски с указанием использованных источников даются с пояснением: «Автор ссылается на...» Остальные сноски сделаны публикатором.

Публикуемый текст очерка В.К. Кунцевича имеет небольшую редактуру: для удобства восприятия раскрыты некоторые сокращения, исправлены опiski,

² Еременко А.И. Смоленское сражение. М., 2024. С. 84.

³ 1-я часть очерка В.К. Кунцевича – Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник» Ф. 9. Оп. 1. Д. 95. Л. 1-23; 2-я часть – Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник» Ф. 9. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-50.

орфографические и синтаксические ошибки. Ниже публикуется список общепринятых в армейских документах аббревиатур, которые использовал автор.

Этой публикацией мы отдаем дань благодарной памяти большому труду Виктора Касперовича Кунцевича по изучению истории боевых действий 20-й армии на Смоленской земле. Надеемся, что его очерк даст толчок новым исследованиям начального периода Великой Отечественной войны и более глубокому осмыслению значения Смоленского оборонительного сражения.

Сокращения

ГК – Главное командование
 КП – командный пункт
 мк – механизированный корпус
 мсд – мотострелковая дивизия
 НКО – народный комиссариат обороны
 НП – наблюдательный пункт
 пд – пехотная дивизия
 ПТО – противотанковая оборона
 РГК – Резерв Главного Командования
 сд – стрелковая дивизия
 ск – стрелковый корпус
 сп – стрелковый полк
 тб – танковая бригада
 тд – танковая дивизия
 тп – танковый полк
 УР – укрепленный район

Виктор Кунцевич

Воспоминания о боевых действиях войск 20-й армии на земле Смоленской в 1941 году 1-я часть

26 июня 1941 года начались активные боевые действия в Минском укрепрайоне. Наши войска, сведенные в 13-армию (командующий генерал-лейтенант П.М. Филатов⁴), силами 2-го стрелкового (командир генерал-майор А.Н. Ермаков⁵), 44-го стрелкового (командир комдив В.А. Юшкевич⁶) и 26-го механизированного корпусов⁷ завязали ожесточенные бои с вышедшим в Минский УР 39-м танковым корпусом 3-й танковой группы противника.

К 29 июня положение наших войск еще больше ухудшилось. 47-й корпус второй танковой группы противника прорвался к Минску и соединился с 39-м корпусом. Таким образом, произошло соединение 2-й и 3-й танковых групп врага.

⁴ Филатов Петр Михайлович (18.8.1893 – 14.7.1941) – командующий 13-й армией 8 июля в районе города Могилева попадет под обстрел немецкой авиации и с тяжелым ранением будет доставлен в московский госпиталь, где умрет от ранения 14 июля 1941 г.

⁵ Ермаков Аркадий Николаевич (22.9.1899 – 25.10.1957) – командир 2-го стрелкового корпуса, который, понеся чувствительные потери в ходе Смоленского сражения, будет обращен на формирование 50-й армии в августе 1941 г.

⁶ Юшкевич Василий Александрович (28.2.1897 – 15.3.1951) – командир 44-го стрелкового корпуса в период Смоленского сражения. Следует отметить, что автор воспоминаний не случайно указал звание на момент действий как «комдив»: звание генерал-майора Юшкевичу будет присвоено 7 августа, после контрудара у г. Ярцево, где особо отличился вверенный ему корпус.

⁷ Кириченко Николай Яковлевич (14.01.1895 – 2.01.1973) – генерал-майор, командир 26-го механизированного корпуса.

Войска 13-й армии, действовавшие в Минском районе, с тяжелыми боями отходили на рубеж Борисов, Смоленичи, река Птичь. В результате соединения 2-й и 3-й танковых групп противника восточнее Минска наши войска, отходившие от Гродно и Белостока, оказались в окружении. В частичное окружение попали некоторые части и Минского укрепрайона.

Враг продолжал развивать наступление на восток. Окруженные войска, сковав более шести немецких дивизий в районе Налибокской Пуци, Новогрудок, Столбцов, продолжали в тяжелых боях наносить чувствительный удар врагу.

Заметим, что наши части все вышли из окружения, соединились с главными силами фронта в районе Борисова, Орши, Витебска и так же героически сражались в составе 20-й, 19-й и 13-й армий.

Сплошного фронта в те суровые дни иной раз не было, а имелись отдельные очаги, в которых наши войска стойко сдерживали бешено рвавшегося врага вдоль шоссе Минск–Москва. Определился выход противника к Борисову, Орше, Смоленску.

В такой сложной оперативной обстановке к концу июня и развертывалась в районах Орши и Смоленска 20-я армия.

Управление 20-й армии, сформированное на базе штаба Орловского военного округа, директивой НКО от 23 июня было выдвинуто во второй стратегический эшелон Красной Армии на Западное направление.

Директивой от 27 июня принимается решение часть войск второго эшелона развернуть по среднему течению реки Западная Двина и Днепр с задачей: к исходу 28 июня занять оборонительный рубеж Краслава, Десна, Полоцкий УР, Витебск, Орша, река Днепр до Лоева. Сковать, не допустить прорыва противника в направлении Смоленска с вероятным выходом врага в направлении на Москву.

Предназначенные для этой цели войска объединялись в группу армий резерва ГК во главе с Маршалом Советского Союза С.М. Буденным⁸. В эту группу включались 20-я, 21-я 22-я армии, общим количеством 28 дивизий.

Директивой ГК от 25 июня в данную группу армий была включена 19-я армия генерал-лейтенанта И.С. Конева⁹. Но тогда состав армий, их фронт развертывания и поставленные задачи были другими: 46 дивизий четырех армий должны были создать прочную оборону на рубеже Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, река Десна, Днепр и быть готовыми к переходу в контрнаступление. Директива от 27 июня отменила это решение.

Ставка ГК директивой от 28 июня развертывает оборону второго эшелона Красной Армии на рубеже Нелидово, Белый, верхнее течение Днепра, Ельня, река Десна, Жуковка, Лопушь, удаленном от основного рубежа на 210-240 километров, 24-ю и 28-ю армии (19 дивизий) с готовностью к 5 июля.

30 июня в командование Западным фронтом, сменив генерала армии Д.Г. Павлова, вступил генерал-лейтенант А.И. Еременко¹⁰. Директивой от 2 июля командующим фронтом был назначен нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, штаб которого разместился в Гнездове¹¹.

Управление 20-й армии¹²

⁸ Буденный Семен Михайлович (13.04.1883 – 26.10.1973) – с 25 июня 1941 г. командующий группой армий резерва Ставки ВГК на Западном направлении, куда входит и 20-я армия. 29 июня прибывает в Смоленск и располагается со штабом в Гнездове. Передав армии резерва Западному фронту, на время назначается заместителем командующего Западным фронтом, однако уже 10 июля назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного направления (объединяло Юго-Западный и Южный фронты).

⁹ Конев Иван Степанович (16.12.1897 – 21.05.1973) – на начальном этапе Смоленского сражения командующий 19-й армией, переброшенной с Юго-Западного на Западный фронт. 11 сентября 1941 г. Конев был назначен командующим войсками Западного фронта.

Командующие войсками:

генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов (22.06-28.06)
 генерал-лейтенант П.А. Курочкин (29.06-8.08)
 генерал-лейтенант М.Ф. Лукин (8.08-10.09)
 генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков (11.09-20.10)

Члены Военного совета:

корпусный комиссар Ф.А. Семеновский (22.06-20.10)
 бригадный комиссар В.Я. Власов (2.07-20.10)

Начальники штаба:

генерал-майор А.Д. Корнеев (22.06-25.06)
 генерал-майор Н.В. Корнеев (28.06-10.10)

Зам. начальника штаба, военком:

бригадный комиссар В.Я. Михайлов (22.06-10.10)

*Оперативный отдел**Начальники отдела:*

полковник И.Т. Рясик (22.06-15.07)¹³
 полковник А.Г. Нерянин (18.07-20.10)

*Отдел войск связи**Начальник войск связи:*

полковник С.В. Тищенко (22.06-5.10)

Зам. нач. войск связи:

полковник Н.Н. Лисакович (22.06-5.10)

Зам. нач. по радио:

капитан М.П. Зосин (22.06-3.10)

Старший помощник нач. войск связи:

майор Ф.В. Косенков (22.06-4.10)

Помощники нач. войск связи:

капитан С.И. Кибальченко (22.06-18.07)¹⁴
 капитан М.Е. Кац (22.06-3.10)
 старший лейтенант В.К. Кунцевич (22.06-20.10)

*Штаб артиллерии**Начальники артиллерии:*

¹³ Согласно данным ОБД «Мемориал», заместитель начальника штаба полковник Рясик Иван Тихонович 13 июля 1941 г. пропал без вести, выполняя задание под городом Орша. И.Т. Рясик занимал должность заместителя начальника штаба армии, он же начальник оперативного отдела: приказом Орловского военного округа №01 от 28.6.1941 (Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 373 Оп. 6671. Д. 12. Л. 4).

¹⁴ Согласно данным ОБД «Мемориал», помощник начальника отдела связи армии капитан Кибальченко Сергей Иванович убит 20 июля 1941 г. при выполнении служебного задания и оставлен на территории, занятой противником, в районе п. Каспля Смоленской области.

¹⁰ Павлов Дмитрий Григорьевич (23.10 1897 – 22.07.1941) – генерал армии, за провалы в начальный период войны 30 июня 1941 г. был отстранен от должности командующего Западным фронтом, 2 июля вновь возвращен на фронт, но с понижением на должность заместителя командующего фронтом.

¹¹ Тимошенко Семен Константинович (6.02.1895 – 31.03.1970) на должности командующего фронтом сменяет генерал-лейтенанта А.И. Еременко, который находился на своем посту до прибытия в войска Тимошенко. 19 июля Еременко вновь будет назначен командующим войсками Западного фронта, а Тимошенко останется его начальником, возглавляя Главное командование Западного направления, 30 июля Западный фронт снова возглавит Тимошенко.

¹² Следует отметить, что даты нахождения на должности ряда командиров имеют различия с официальными источниками, а также отсутствуют инициалы полного имени, которые, по возможности, мы дополнили на основании документов Центрального архива Министерства обороны.

генерал- майор артиллерии В.С. Бодров (22.06-12.07)
генерал- майор артиллерии И.П. Прохоров (15.07-20.10)

Военком:

бригадный комиссар Виноградов (16.07-20.10)

Начальник штаба:

подполковник Успенский (22.06-20.10)

Химотдел

Начальник химических войск:

полковник Н.А. Лебедев (22.06-20.10)

Зам. нач. отдела:

майор Машков (22.06-20.10)

Политотдел

Начальник политотдела:

бригадный комиссар П.С. Афиногенов (22.06-10.10)

Зам. начальника отдела:

полковой комиссар Нарозицкий (22.06-20.10)

Секретарь ПК поарма¹⁵:

полковой комиссар Н.А. Лебедев (22.06-16.07)

полковой комиссар Ф.А. Кровяков (6.08- 20.10)

Помощник по комсомолу:

старший политрук Гурарий (22.06-20.10)

Ответственный секретарь партбюро штаба:

батальонный комиссар Мотыльков (22.06-20.10)

Отдел тыла

Начальник тыла:

генерал-майор Д.И. Андреев (6.07- 20.10)

Военком:

бригадный комиссар Н.А. Лебедев (16.07-20.10)

Начальник штаба:

майор И.М. Исаичев (22.06-20.10)

Стар. пом. нач. тыла:

майор В.К. Фролов (22.06-20.10)

Других начальников отделов и служб штаба армии установить и разыскать не удалось. Поиски продолжаются.

На рассвете 23 июня эшелон штаба 20-й армии прибыл на станцию Смоленск. Здесь же военный комендант вручил командующему генералу Ф.Н. Ремезову телеграмму наркома обороны, которой приказывалось штабу выгрузиться и разместиться в здании бывшего штаба БОВО¹⁶. Сразу же с вокзала генерал Ремезов и корпусной комиссар Семеновский направились в обком партии, а через час или два мы, разгрузившись, разместились в здании бывшего штаба округа.

24 июня Военным советом армии была получена первая директива наркома обороны, подтверждающая телеграмму от 23.06.1941 г.

¹⁵ Сокращения означают: секретарь партийной комиссии политического отдела армии.

¹⁶ Белорусский особый военный округ (существовал под разными названиями: от Минского военного округа в 1918 г. до Западного особого военного округа в 1940 г.) имел штаб в городе Смоленске, который располагался на улице Реввоенсовета, в здании бывшей Смоленской духовной семинарии до 15 сентября 1939 г., когда штаб переехал в город Минск. После перевода штаба в Минск в этом здании размещалось Смоленское военное пехотное училище им. В.М. Молотова (Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник» Ф. 9. Оп. 1. Д. 286. Л. 1-3).

События на Западном фронте развертывались сравнительно быстро. Фашистские войска, неся огромные потери, продвигались вглубь нашей страны.

В это время в городе Смоленске начали действовать переодетые в форму советского офицера провокаторы, ночные мигальщики, ракетчики, в особенности в центре города и на вокзале.

Для борьбы с фашистскими лазутчиками горком ВЛКСМ создавал комсомольские и пионерские команды по 20-30 человек. Они, укрывшись в подъездах домов, магазинах, садах, скверах, днем и ночью бдительно охраняли свой родной город. Всех подозрительных лиц задерживали и доставляли в НКВД или ближайшее отделение милиции.

Одним из таких задержанных тогда довелось побывать и мне. Вот как это было. Средств связи мы тогда еще не имели¹⁷. Узел связи бывшего округа бездействовал.

И вот 23 июня, во второй половине дня мне было приказано полковником Тищенко пойти в областное управление связи и получить там небольшое количество телефонного кабеля, телефонных аппаратов, мобилизовать автомашину и несколько человек связистов¹⁸. Среди мобилизованных было три девушки. Одна из них, кажется, Бендина, остальных фамилии не помню.

И когда я вышел на улицу, заметил у подъезда одного дома группу ребят. Они, перешептываясь между собой, смотрели на меня. Видимо, мое новое обмундирование привлекло их внимание. Я тоже на какую-то минуту остановился, посмотрел на них. И этого было достаточно, чтобы меня задержать. Окружая со всех сторон, ребята подходили все ближе и ближе. А когда осталось совсем близко, услышал команду: «Ребята, хватайте его. Немецкий шпион».

Не успел даже повернуться, как цепкие руки ребят подхватили и повели меня в отделение милиции. И как ни пытался убедить ребят, что я советский офицер, исполняю срочное приказание своего начальника, даже предложил им вместе идти в управление связи или обратно в штаб, не помогло. В отделение милиции так и привели. Один из них, что за командира, дежурному доложил:

– Пионерская команда задержала «немецкого шпиона».

Дежурный милиционер встал, внимательно выслушал доклад командира, посмотрел на меня, что-то записал в журнал, сказал:

– Молодцы! Сегодня уже пятого привели. Смелее действуйте!

Ребята хором отозвались:

– Есть смелее действовать!

Наблюдая за этой необычной церемонией, я с улыбкой и какой-то радостью сказал:

– За бдительность молодцы, а вот пистолет-то у меня не отняли.

Мальчишки и девчонки виновато переглянулись. Но дежурный тут же мне приказал сдать оружие. Потом обыскал меня, проверил, как говорится, каждый рубчик одежды. Даже оторвал подкладку у одного сапога.

Вскоре пришел начальник отделения. И началось... Кто да откуда? Когда и где сброшен на самолете? Какое имел задание?.. Долго длился допрос. И только к вечеру, извиняясь, меня отпустили, да не просто отпустили, а в отдел привел милиционер.

Этот эпизод вспоминаю потому, чтобы нынешнее поколение знало, как дорог был каждому жителю Смоленска свой родной город, своя родная земля, обильно политая кровью отцов и дедов в суровые годы Великого Октября, в годы Гражданской войны, чтобы каждый юноша и девушка, пионер и школьник знали, как их старшие братья и сестры грудью встали на защиту своей любимой Родины в суровом сорок первом. И если кто вспомнит 23 июня, откликнется, я буду весьма рад.

¹⁷ Прибывший в Смоленск штаб и войска 20-й армии остро нуждались в связи (как подразделениях связи, так и материальной части) и топографических картах. 26 июня командующий армией Ф.Н. Ремезов телеграфирует в штаб Орловского военного округа о немедленной высылке в Смоленск частей связи и головного склада топографических карт армии (ЦАМО. Ф. 373 Оп. 6671. Д. 7. Л. 8 (мфк)).

¹⁸ Тищенко Степан Васильевич, 1889 г.р. – начальник войск связи 20-й армии, полковник.

В ночь на 25-е над Смоленском крутились немецкие самолеты, кое-где бомбили¹⁹. Но самая сильная бомбежка города была на 26 июня. Эту бомбежку мне довелось пережить на станции Смоленск. Наверное, пока буду жив, не забуду²⁰.

Утром 25 июня штаб армии перешел в Красный Бор и разместился в дачных домах. Вечером этого дня в Красном Бору и произошло то самое малоизвестное ЧП.

Начальник связи полковник Тищенко приказал мне остаться с машиной и пятью бойцами в Смоленске, свернуть линию связи, собрать по кабинетам телефоны и быстро доставить в Красный Бор. Собрав скудные средства связи, погрузил в полуторку и уже собрался выезжать, но тут на легковой машине ЗИС-110 прибыл начальник штаба армии²¹.

Увидев генерала, я подбежал к нему доложить. Он открыл дверку, выбросив правую ногу, но с машины не выходил. В руках держал темно-коричневую папку. Адьютанта Алексеева с ним не было. Спросил:

– Что вы здесь делаете? Кто кроме вас находится в здании штаба?

Я доложил, что все уехали в Красный Бор. Он больше ни слова не сказал. Уехал.

В метрах 20-30 я следовал за его машиной. Въехали в лес. Вдруг легковая машина свернула вправо, на обочине остановилась. Я тоже остановился. Генерал вышел из машины, закурил, прошелся раза два вдоль своей машины, держа в левой руке ту самую папку, которую я видел у него в Смоленске. Но тут к нему подошел офицер в звании капитана, представился. Генерал поздоровался с ним, а затем предложил ему сесть в машину. Сел рядом с ним на заднее место, уехал, а мою полуторку, пока стоял, перекрыл трактор с прицепом.

Ведь тогда шоссе Смоленск – Орша было запружено войсками, и, конечно, проехать на грузовой машине было не так-то легко. Выбрался я с большим трудом, когда уже темнело.

Полковник Тищенко подошел ко мне, отругал:

– Где вас черт носил весь день?

Здесь же находились полковник Лисакович, майор Косенков, капитаны Кибальченко, Зосин, Кац²². Тут же к нам подошел начальник отдела кадров армии майор Редькин. И вдруг слышим в стороне большака несколько пистолетных выстрелов, а затем крик генерала. Все, кто здесь стоял, бросились бежать на окрик начальника штаба, забыв про круговую охрану штаба.

Майор Редькин бежал впереди. Боец, находясь в охране, заметил, что прямо на него бегут люди, и, он, почти в темноте, не раздумывая, из винтовки «СВТ» дал очередь по первому бежавшему, майор замертво упал²³. Мы остановились. Стрельба быстро прекратилась. Подобрав труп майора, принесли его к узлу связи, на травке положили. А через 10-15 минут бойцы во главе с лейтенантом принесли труп начальника штаба нашей армии.

К нам подошел член Военного совета Ф.А. Семеновский, спросил:

– Что за стрельба?

Ему доложили и показали убитых. Он посмотрел молча, ушел, но через несколько минут вернулся уже с начальником особого отдела армии бригадным комиссаром Воистиновым, старшим оперуполномоченным Гугиловым, бригадными комиссарами Афиногеновым²⁴, Михайловым, полковником Рясиком.

При осмотре трупа генерала в его карманах не оказалось никаких документов, кроме денег 3 рубля. Не было и той папки, которую я видел у него днем.

Вскоре прибыл его шофер Николай Воробьев с машиной, но он был ранен в левую руку и с пробитым ухом. На смотровых стеклах машины имелись пулевые пробоины.

Как докладывал Воробьев Семеновскому, не доезжая до поворота к штабу, на обочине шоссе остановились. Генерал вместе с капитаном вышел из машины. Отошли в сторону, долго разговаривали. Уже темнело. Потом генерал окликнул его, но в это время кто-то по шоферу из пистолета несколько раз выстрелил.

Этот случай взволновал всех нас, штабных офицеров. Все как-то произошло неожиданно, странно, загадочно. Потом нам объяснили, что трагическая смерть начальника штаба – дело рук фашистской разведки...

Днем 26 июня майора Редькина с почестями похоронили где-то на кладбище в Смоленске, а генерала – за первым сараем справа, как идти от большака к дачам, разумеется, того периода.

Все это описал лишь потому, что многие ветераны штаба Орловского военного округа и 20-й армии, ныне проживающие в Смоленске, часто обращаются ко мне с просьбой рассказать о ЧП поподробнее. А может быть, смоленские следопыты попытаются разыскать могилу майора Редькина? Он вполне заслужил, чтобы о нем сказать доброе слово²⁵.

27 июня штаб 20-й армии из Красного Бора перешел на новый командный пункт в направлении Красное и разместился в совхозе имени Ленина. 29 июня – Богушевск²⁶. Теперь уже директивой от 25 июня армия из резерва Ставки ГК выдвигалась в первый эшелон Западного фронта. Включенные в ее состав соединения (61-й и 69-й стрелковые корпуса, 5-й и 7-й механизированные корпуса) не смогли вовремя отомобилизоваться, сосредоточиться. Так, например, из 33-х эшелонов 233-й стрелковой дивизии не прибыло к месту сосредоточения 2 эшелона, 229-й стрелковой дивизии – 18 эшелонов, 137-й стрелковой дивизии – 21 эшелон. Стрелковые полки и гаубичные артиллерийские полки выгрузились на станции Кричев – 100 километров от фронта армии. 7-й механизированный корпус, следовавший маршем из Нарофоминска, был укомплектован по штатам мирного времени. 5-й механизированный корпус война застала в эшелонах, следовавших из Борзы (за Читой) в район Бердичева. Но уже в первый день войны маршрут корпуса был изменен. Пять эшелонов 13-й танковой дивизии и 109-го мотострелкового полка этого корпуса 24 июня выгрузились на станции Бердичев. Совершив 500-километровый марш, погрузившись на станции Хролин в эшелоны, следовали в район сосредоточения частей корпуса.

Доукомплектование и снабжение частей армии происходило в условиях огромных трудностей, под постоянным воздействием авиации противника, выдвижения его передовых соединений к рубежу обороны 20-й армии.

На карте оперативного отдела уже значилось: 61-й стрелковый корпус генерала Ф.А. Бакунина занимает оборону на рубеже Копысь, Шклов, Могилев, 69-й стрелковый корпус генерала Е.А. Могилевчика выдвигается на рубеж Витебск–Орша.

Его 229 сд – Богушевск, 233-я сд – Шила–Казаки–Клюковка, 73-я сд – Высокое–Орша. В большом лесу севернее Смоленска сосредотачиваются части 7-го мк генерала В.И. Виноградова.

Но уже к концу июня командование армии изменилось. 28 июня прибыл новый начальник штаба генерал-майор Н.В. Корнеев²⁷. 30 июня в командование войсками вступил вместо ушедшего генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова в 13-ю армию генерал-лейтенант П.Н. Курочкин. 2 июля был назначен второй член Военного совета бригадный комиссар В.Я. Власов.

К 30 июня передовые части 47-го танкового корпуса противника подошли к Борисову, сходу ворвались на западную окраину города, и 1 июля враг овладел Борисовом, вышел к реке Березине.

В 4 часа утра 30 июня Военный совет 20-й армии приказал командиру 1-й мотострелковой дивизии полковнику Я.Г. Крейзеру к 12.00 30 июня занять оборону по восточному берегу реки Березины на рубеже совхоз Веселово (20 километров северо-западнее Борисова), восточнее Борисова и Чернявки (30 километров юго-восточнее Борисова) с задачей не допустить прорыва противника на участке Зембин–Чернявка в направлении Орша–Смоленск, сосредотачивая основные усилия на шоссе Минск – Москва.

К этому времени на западной окраине Борисова заняли оборону части 44-го стрелкового корпуса комдива В.А. Юшкевича, в самом городе храбро сражались курсанты Борисовского танкового училища корпусного комиссара И.З. Сусайкова (Иван Захарович Сусайков с июля 1938 года по февраль 1939 года вместе с командармом 2-го ранга, а с 12 апреля 1940 года генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым командовал войсками Орловского военного округа. Иван Захарович был членом Военного совета. В феврале 1939 года его сменил корпусной комиссар Ф.А. Семеновский).

В районе Борисова, особенно вдоль шоссе Минск – Москва, разгорелись упорные бои. 1-му мсд во взаимодействии с Борисовским танковым училищем и частями 44-го ск удалось на этом рубеже задержать врага на двое суток. Замысел врага сходу форсировать Березину на широком фронте был сорван. Массовый героизм, необычайную стойкость и железную выдержку проявили наши воины-герои в этом бою. Здесь, в боях на Березине, мужественно сражался лейтенант Рубен Ибаррури. Он был командиром пулеметного взвода 175-го мотострелкового полка.

Как настоящий интернационалист, он считал Советский Союз второй родиной. Рубен защищал ее, не жалея своей жизни. Отбивая атаку за атакой врага, его пулеметный взвод уничтожил до 1000 фашистских солдат, а когда фашисты уничтожили последний станковый пулемет, Рубен с группой оставшихся в живых бойцов, вооружившись гранатами и бутылками с горючей жидкостью, бросился на врага. Враг отступил²⁸.

За мужество и героизм Рубен был награжден орденом Красного Знамени. Будучи тяжело ранен, истекая кровью, продолжал громить врага.

В результате упорных боев в районе Борисова врагу был нанесен немалый урон. За три дня боев враг потерял 70 танков и до трех тысяч солдат и офицеров. Однако обстановка на Борисовском направлении оставалась напряженной: танки и мотопехота 47-го танкового корпуса продвинулись вдоль шоссе, стремясь развить успех в направлении Орши. Комдив силами 12-го танкового и 6-го мотострелкового полков нанес контрудар во фланг врагу, прорвавшемуся к Лошнице. Разгорелся крупный танковый бой, с обеих сторон участвовало свыше 300 танков. В результате стойкости и отваги воинов удалось задержать наступление врага до исхода 4 июля.

В ночь на 4 июля, выполняя приказ фронта, Военный совет 20-й армии представил маршалу С.К. Тимошенко план контрудара полоцкой группировки противника следующего содержания:

«1) 17-й мк (командир генерал-майор В.И. Виноградов) в ночь на 5-е сосредотачивается Вороны, станция Кринки, Хамены, наносит удар на Бешенковичи, Лепель, выход Кубличи (иск.) Лепель, Камень. В дальнейшем корпус наносит удар во фланг и тыл главной полоцкой группировки противника.

2) 5-й мк (командир генерал-майор И.П. Алексеенко) сосредотачивается Высокое, Селище, ст. Осинówka, наносит удар в направлении Сенно, Лепель. Корпус выходит Людчаны, Краснолуки, Лукомль. В дальнейшем наносит удар через Лепель на Зенбин, Докшицы.

3) 1-я мсд (командир полковник Я.Г. Крейзер) со 115-м танковым полком удерживает занимаемый рубеж вдоль реки Бобр и по особому приказу наносит контрудар в направлении Борисова.

4) 69-й ск (командир генерал-майор Е.А. Могилевич) 153-й, 233-й и 229-й сд удерживает занимаемый рубеж Витебск, (иск.) станция Стайки, готовится к выдвижению для закрепления отдельными полками с артиллерией захваченных у противника 7-м мк рубежей.

5) 61-й ск (командир генерал-майор Ф.Н. Бакунин) 73-й, 137-й и 18-й сд удерживает рубеж Стайки, (иск.) Шклов, готовится к выдвижению отдельными полками с артиллерией с той же задачей для 5-го мк.

6) Готовность к наступлению мехкорпусов и отрядов стрелковых корпусов 6:00 5 июля.

7) 13-й армии приказано удерживать во что бы то ни стало рубеж реки Березина»²⁹. Военный совет фронта план контрудара армии утвердил. В 17.00 5 июля в штаб армии прибыл заместитель командующего войсками генерал А.И. Еременко. А в 00.30 6.07 Военный совет армии отдал приказ командирам 5-го и 7-го мк.

«1) Противник, действующий против 20-й армии, главный удар наносит через Зап. Двину в Полоцком направлении.

2) 20-я армия в 5.00 6 июля своими мехкорпусами наносит удар во фланг и тыл полоцкой группировке противника.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Командиру 7-го мк в 5.00 6 июля начать наступление в общем направлении Новоселки (20 км юго-восточнее Бешенковичи), Долгое, Камень, нанося контрудар противнику во фланг и тыл, разбить его и к исходу дня выйти Улла, м. Камень, Долгое. Танковому полку с 186-й сд нанести удар на Улла.

б) Командиру 5-го мк к 4.00 6 июля занять исходное положение Смоляны, Вязьмичи, Росский Селец (10 км северо-западнее Орши) и в 5.00 6 июля начать наступление вдоль железной дороги в направлении Лепель. Совместно с 7-м мк нанести удар врагу, разгромить его и к исходу дня выйти в район (иск.) Камень, Лепель, Иконки.

в) Вслед за наступающими мк стрелковые дивизии выделяют отдельные части с артиллерией с целью закрепления захваченных территорий у противника и содействия мк.

г) Слева от 5-го мк в направлении ст. Приямино с рубежа реки Бобр будет наступать 44-й ск с 1-й мсд и 115-м отдельным танковым полком.

д) Наступление мк поддерживает 23-я смешанная авиационная дивизия и авиация, находящаяся на аэродроме Витебск»³⁰.

20-я армия с утра 6-го июля наносила контрудар мехкорпусами с задачей уничтожить противника в районах к юго-востоку от Лепеля.

69-й и 61-й стрелковые корпуса продолжали подготовку оборонительных рубежей Черногостье, Новоселки. 69-й в 15.00, развернув два дивизиона артиллерии и использовав артиллерию 606-го сп, атаковал противника вторично, но успеха не имел. Корпус перед собой имел пехоту, до пяти батарей артиллерии и около 14 противотанковых орудий врага.

44-й ск в прежнем составе удерживал рубеж река Писса, после авиационной и артиллерийской подготовки был атакован пехотой и двумя батальонами танков противника, к 14.00 отошел за реку Друть.

2-й ск в течение дня вел ожесточенные бои с пехотой и танками противника, форсировавшего р. Березину. В результате кровопролитного боя части корпуса отошли и заняли оборону: 161-я сд – в лесах, к востоку от Жуковец, 100-я – в лесу, к востоку от Журовки. 155-я сд, отрезанная, вела бои в окружении.

7-й мк, наступая в направлении Чашники, встретил на рубеже Гнездиловичи, Липно сильную противотанковую оборону врага, расположенную в междуозерном дефиле, продвинуться дальше не смог. Его 14-я тд имела перед собой три дивизиона артиллерии легких калибров и один – тяжелой артиллерии, 15 противотанковых орудий.

5-й мк, наступая в направлении Оболицы, к 15.00 своими частями вышел в район Сенно, Красное Село.

1-я мсд весь день вела упорные бои с танками и мотопехотой противника, обойденная с правого фланга севернее Толочин, отошла на рубеж река Кривая, где и закрепилась.

Уже первые наступательные бои мехкорпусов показали, что хотя и удалось на отдельных участках продвинуться вперед, но дальше поставленную задачу фронтом и армией не выполнили, далеко не равны были силы. Из-за недостаточной армейской, корпусной и дивизионной разведок корпуса наступали в отдельных случаях вслепую, несли значительные потери.

Для помощи в организации наступления 7-го мк выехал член Военного совета Ф.А. Семеновский, в 5-й мк – командующий П.А. Курочкин.

7 июля 20-я армия продолжала подготовку оборонительных рубежей и развивала частичное наступление на Лепель.

7-й мк, преодолевая тяжелые болотистые места реки Черногостицы, под сильным огнем артиллерии и частыми ударами авиации противника в 13.00 передовыми частями 14-й тд переправился на западный берег реки Черногостица, выдвинув пехоту к Вятище и Стрелище. В дальнейшем, под сильным воздействием авиации и артиллерийского огня противника, неся значительные потери, отошла в исходное положение. 18-я тд по-прежнему вела упорные бои в районе Сенно, продвинуться не смогла.

5-й мк из-за недостатка горючего вел ожесточенные бои на прежнем рубеже. Командарм П.Н. Курочкин, разобравшись на месте, приказал комкору И.Л. Алексеенко организовать слив горючего со всех машин, снабдив таким образом танковый полк горючим, и в 15.00 выслал его в направлениях Лепель, Чарея с задачей захватить эти пункты. Преодолевая упорное сопротивление противника, к 21.00 танки корпуса достигли Чареи, где и закрепились.

1-я мсд, усиленная 115-м тп, одним мотополком и артдивизионом, перешла в наступление, вышла на реку Друть, выдвинув на запад передовые части. Враг, понеся большие потери, в ночь на 7-е начал поспешно отходить на Чарею.

2-й ск в течение ночи на 7 июля под сильным давлением танков противника со стороны Погоста отходил на восток, к утру 7 июля заканчивал сосредоточение: 161-я сд – Денисовичи, Ухвала, 100-я и 155-я – (иск.) Ухвала, Довеница, Клева. Утром на флангах корпуса вновь появились небольшие танковые группы противника. 69-й ск занимал прежний рубеж обороны. Разведка, высланная в направлении Гнездиловичи, Сенно, совместно с частями мехкорпусов вела бои с передовыми частями противника.

8 июля командир 7-го мк генерал В.И. Виноградов докладывал Военному совету армии, что части корпуса с рассветом 7 июля вновь перешли в наступление: 14-я тд с рубежа реки Черногостицы на участке Будилово, Черногостицкие рубежи, имея сильно развитую систему противотанковых препятствий и большое количество противотанковых орудий. Леса юго-западнее Задорожья, Черногостья были превращены противником в противотанковые районы. На этом рубеже враг имел до трех дивизионов полевой артиллерии.

Командир дивизии полковник И.Д. Васильев при поддержке своего артиллерийского полка дивизионного состава и дивизионной артиллерии 153-й сд с утра 7 июля перешел в атаку. Дивизия встретила упорное сопротивление противника. В результате активной и упорной атаки частей дивизия прорвала оборону врага, вышла на западный берег реки Черногостицы, с выходом на рубеж Задорожье, Михачи, Стрелище.

Командир 18-й тд генерал Ф.Г. Ремизов в 14.00 7 июля встретил на западной окраине Сенно до полка мотопехоты противника с дивизионом артиллерии. Дивизия атаковала с юга правый фланг врага. Весь день мехкорпуса вели активное наступление на Сенно, вышли на рубеж реки Усвейки. Части 5-го мк, оттесняя противника, к вечеру достигли рубежей Бояры, Липовичи, заняли местечко Бедняки. 1-я мсд, ведя ожесточенные бои с превосходящим противником, отошла северо-восточнее Каханова.

8 июля мехкорпуса продолжали выполнять задачу, поставленную фронтом, нанося врагу удар в направлении Сенно, Лепель.

7-й мк под прикрытием 153-й сд и моточастей 18-й тд начал перегруппировку своих войск к левому флангу. В это время противник из лесов севернее Сенно атаковал правый фланг корпуса, продвинулся на 6 километров восточнее Сенно, захватил Новое Село³¹.

5-й мк с рассветом занял исходное положение Федеративный, Лозы, станция Климовичи, имея перед собой 27-ю немецкую мотодивизию в районах Вятево, Дидово, отбив на участке Красный Маяк, Озерище атаку около 100 танков противника,

поддерживаемых авиацией, корпус перешел в решительное наступление. Его 17-я тд в ожесточенных боях на рубеже Большие и Малые Липовичи разгромила 36-й мотополк 27-й тд противника. 13-я тд южнее Сенно разбила до двух батальонов мотопехоты 34-го мотополка этой же немецкой дивизии. В этом бою враг потерял батарею тяжелой артиллерии, три легких батареи, пять орудий ПТО и около 600 солдат и офицеров. Гитлеровцы, бросая технику и сотни своих трупов, поспешно отходили на запад.

Но уже к исходу дня 8 июля разведкой было замечено в районе Головчин до 300 танков, севернее Славное – скопление пехоты, артиллерии и танков противника. Стало ясно, что враг готовится нанести главный удар в полоцко-невельском направлении. Однако под угрозой удара наших мехкорпусов противник вынужден был на своем правом крыле перейти к обороне одной танковой и двумя мотодивизиями.

В ночь на 9 июля Военный совет 20-й армии принял решение: обеспечить развертывание армии на направлении Орша и операцию мехкорпусов мотодивизиями с запада и юго-запада на рубеже Низкий Городец, Коханово, Гнездиловичи. Танковыми дивизиями совместно с пехотой продолжать наступление на Лепель с тем, чтобы разгромить Лепельскую группировку врага. Но для обеспечения данного решения следовало бы фронту усилить армию истребительной авиацией. К сожалению, фронт никаких мер не принял. 23-я авиадивизия армии имела 7 МИГов и 6 «Чаек», выполняла еще ряд заданий фронта.

В половине дня 9 июля командир 5-го мк генерал И.П. Алексеенко доложил, что на участке 17-й тд Дубняки–Станюки враг обрушился авиацией и артиллерией, ввел около 100 танков, поддерживаемых до двух батальонов мотоциклистов, прорвал оборону северо-западнее и северо-восточнее станции Бурбин в направлении Минютево, Бочарово, Терebene, нанеся мощный удар по тылу корпуса. 13-я тд в течение пять часов находилась под непрерывной интенсивной бомбардировкой, отбив более семи танковых атак врага, отошла на рубеж Рыжавка, Обидовка, Бобовка.

1-й мсд Военный совет 20-й армии поставил задачу: упорной обороной задержать на оршанском направлении наступление противника и обеспечить развертывание основных сил 20-й армии на рубеже Богушевское, Орша, Копысь, Шклов, усилив дивизию 115-м танковым полком.

Особенно тяжелые бои 1-я мсд вела за город Толочин. Военный совет 20-й армии приказал командиру дивизии ударом сходу выбить врага и овладеть Толочином.

Командир дивизии полковник Я.Г. Крейзер решил нанести удар вдоль шоссе 12-м танковым полком, с севера – 175-м мотополком, с юга – 6-м мотострелковым полком.

Удар дивизии для противника был неожиданным. После короткого боя враг был выбит из Толочина. В этом бою гитлеровцы потеряли около двух тысяч солдат и офицеров. Только в плен сдалось 832 солдата и офицера. Было захвачено 350 исправных автомашин и знамя 47-го танкового корпуса. В течение суток удерживали город. Но враг подтянул свежие силы, обрушился авиацией, артиллерией.

Двое суток продолжалось кровопролитное сражение. Толочин дважды переходил из рук в руки. Не добившись успеха, фашистское командование было вынуждено оставить против 1-й мсд потрепанную 18-ю танковую дивизию, ввело в бой 29-ю моторизованную дивизию, (которая) обошла город, овладела Коханово, двинулась по дороге Коханово–Копысь, намереваясь сходу захватить переправу через Днепр. Однако противник встретил упорное сопротивление 18-й сд полковника С.Д. Свиридова, был остановлен на западном берегу реки Днепр. 1-я мсд, понеся значительные потери, оставив Толочин, отошла на новый рубеж.

Лепельская операция подвижными соединениями 20-й армии хотя и имела значительный успех, но в дальнейшем полного развития не получила. В ночь на 10 июля Военный совет по приказу фронта отвел свои мехкорпуса за оборонительную полосу армии. 7-й мк сосредотачивался в районах Королево, станция Крынки, Лиозно. 5-й мк – Орехи, Селище, Осинстрой.

В 12.00 11 июля командарм П.А. Курочкин докладывал начальнику штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Маландину. Ниже приводится дословно это донесение: «Прошу доложить маршалу:

1) К исходу дня 10 июля на фронте Витебск–Шклов противник в составе до двух танковых и двух мотодивизий при активной поддержке авиации вышел на рубеж Вятище (30 км юго-западнее Витебск), Тепляки, Богушевское, станция Стайки, западная окраина Орши и далее по западному берегу реки Днепр до Шклов.

2) В течение ночи на 11 июля противник подтянул резервы к этому рубежу, сосредоточил танки: Витебск – до батальона, Богушевское – до 100, к Орше – до 250 танков. На рубеже южнее Орши до Шклов – до двух танковых полков. В эти же пункты подтянуто до трех мотодивизий противника.

3) По данным разведки, на витебском направлении действуют части 8-го и 39-го армейских корпусов (моторизованные). В район Сенно прибыло до полка пехоты второй очереди. На оршанском направлении действуют части 4-го армейского корпуса в составе 4-й и 10-й моторизованных дивизий, 18-й танковой дивизии, 11-й дивизии «СС» имени Гитлера и части 7-й танковой дивизии. Всего перед фронтом 20-й армии устанавливается: две танковые дивизии, четыре моторизованные, две пехотные, дивизия «СС» и части 8-го армейского корпуса (81-я дивизия 8-го армейского корпуса действует на Полоцк)...»

С рассветом 11 июля противник после усиленной артподготовки произвел попытку оттеснить наши части на восточный берег реки Днепр. В результате боя к 7.00 враг занял Витебск и Богушевск, к 9.00 форсировал Днепр пехотой до двух батальонов севернее Копысь и до батальона танков южнее Копысь, развивая продвижение к Орше. Командир 229-й сд генерал М.И. Козлов ввел в бой резервные батальоны, поддерживаемые артиллерией. Разгорелись упорные бои. Вскоре противник был отброшен за передний край обороны, но выбить врага из Богушевского Козлову не удалось. 73-я сд отражала атаку за атакой противника, пытавшегося переправиться на восточный берег Днепра у Щетинки. 18-я сд вела напряженные бои с танками и мотопехотой противника, ворвавшегося в расположение дивизии на рубеже Копысь.

Военный совет, оценив обстановку 20-й армии, приказал командиру 2-го ск генералу А.Н. Ермакову во что бы то ни стало восстановить прежнее положение частей в районе Копысь, подчинив ему 18-ю сд и 115-й отп. 5-й мк заканчивал сосредоточение своих войск. Командир 1-й мсд получил задачу в ночь на 12 июля отойти в район Роши (3-5 километров севернее Орши), занять оборону по реке Оршице, на участке от перекрестка автостреды с Витебским шоссе до северной окраины Орши. Командиру 144-й сд генералу М.А. Пронину приказывалось ускорить темп оборонительных работ, особенно на участке Сентюри, Горяны³². 57-я тд полковника В.А. Мишулина сосредотачивалась в лесах Гусино.

Теперь уже к 22-00 11 июля на всем фронте 20-й армии Витебск–Шклов передовые части противника подошли к оборонительной полосе. Попытка врага прорвать передний край войск армии повсюду была отбита. Наступление его на участке Копысь–Шклов было остановлено.

Командарм П.А. Курочкин приказал командиру 69-го ск генералу Е.А. Могилевичу прочно удерживать занимаемый рубеж и всяческую попытку врага захватить передний край обороны корпуса немедленно ликвидировать.

Организовать огневую маневровую связь с соседней 153-й сд полковника Н.А. Гагена и оказывать ему содействие по ликвидации обхода флангов, командиру 73-й сд полковнику А.И. Акимову и соседу слева приказывалось прочно удерживать занимаемый рубеж.

Военный совет 20-й армии в 20.00 11 июля докладывал фронту, что противник, захвативший Богушевское, контратакой 229-й сд отброшен на 5 километров. 5-й мк сосредоточился в Ново-Чемоданы, где приводит себя в порядок³³. 153-я сд, прикрываясь одним полком, под давлением танков и мотопехоты противника отходит за реку Лучесу.

На направлении Копысь противник, переправившийся на восточный берег реки Днепр, отброшен с большими потерями. После усиленной артиллерийской и авиационной подготовки, подавив нашу артиллерию и до батальона пехоты, [противник] вторично начал форсирование Днепра. 316-й сп 18-й сд, потеряв свою артиллерию и до батальона пехоты, отошел. Создалось угрожающее положение. Командир 2-го ск генерал-майор А.Н. Ермаков и его заместитель по политической части бригадный комиссар А.Ш. Мифтахов лично водили подразделения в атаку. Благодаря их личной стойкости, решительности и героизму, совместно с 18-й сд и 115-м отдельным танковым полком к 18.00 противник активные действия прекратил, и на всем участке Копысь враг перешел к обороне.

Командарм П.А. Курочкин и член Военного совета Ф.А. Семеновский просили командующего фронтом С.К. Тимошенко и члена Военного совета Д.А. Лестева дать распоряжение 13-й армии – соседу слева помочь 2-му ск ударом с юга. Однако сосед под воздействием танков и авиации противника отошел и оставил открытым левый фланг 20-й армии. К счастью, противник не воспользовался этим, по-видимому, в его планы не входила такая борьба, хотя сил и средств он имел здесь достаточно.

Член Военного совета Ф.А. Семеновский, находясь в это время в штабе 2-го ск, предпринял действенные меры, чтобы закрыть брешь левого крыла. Он собрал все наличные силы, какие только было возможно, и к 20.00 11 июля опасность на левом крыле армии была ликвидирована частями 2-го ск, 18-й сд и частью подразделений 69-го ск, выходявших из окружения из-под Сенно³⁴.

Весь день 12 июля шли упорные бои на всем фронте 20-й армии. Все попытки противника прорваться на восток были отбиты. Однако положение войск 20-й армии к половине дня 13 июля сложилось крайне тяжелым.

Здесь следует заметить, что, начиная почти с первого дня войны, фланги 20-й армии все время были открытыми, а где и была локтевая связь с соседом, то она зачастую носила временный характер.

К утру 14 июля на правом крыле армии противник пытался обтекать правый фланг 153-й сд танками и мотопехотой в направлении станции Кринки. Враг стремился прорваться в стыке между 229-й и 233-й стрелковыми дивизиями в направлении Бабиновичи.

На левом крыле, в направлении Копысь, Горки, сосредоточив 3-4 дивизии, противник развивал прорыв в восточном и северо-восточном направлении, по-видимому, с целью выйти на коммуникации 20-й армии. 153-я сд 69-го ск удерживала фронт Вороны, станция Заболотенка, река Лучеса, Данилы. 229-я сд этого корпуса без одного полка совместно с 223-й сд и частями 5-го мк весь день 13 июля вела напряженные бои по ликвидации попыток противника прорваться на Богушевское, Бабиновичи. К исходу дня стрелковые дивизии занимали положение: 229-я – Шилы, Гапоны, 233-я – (иск.) Гапоны, Добрино, станция Стайки, (иск.) Селекта, 73-я – река Оршица, (иск.) Селекта, устье реки Оршицы.

18-я сд с 1-й мсд вели упорные бои с обтекающими флангами на рубежах устье реки Оршицы, Сметанка, Zubово, Принцевка. 1-я мсд после упорных боев в районе Козловичи, Лютино отошла, где и сосредоточилась [в районе] Черное, Степково, в готовности к ночным атакам в направлении Турлан, Козловичи, Ермоловка. В дальнейшем наносить удар врагу на Сава, Горки.

Командир 5-го мк И.П. Алексеенко имел задачу обеспечить прочно направление Орша, Красное и частью сил содействовать ликвидации прорыва противника на участке 69-го ск генерала Е.А. Могилевчика.

10 июля к вечеру штаб Западного фронта из Гнездова перешел на новый командный пункт Касня, северо-восточнее Вязьмы.

12 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР образуются три главных направления: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное. Главкомами назначались: Северо-Западным – Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, Западным –

Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, Юго-Западным – Маршал Советского Союза С.М. Буденный. При этом сохранялся Западный фронт, командующим фронтом вновь был назначен генерал-лейтенант А.И. Еременко.

14 июля в 22 часа 40 минут Военный совет 20-й армии докладывал Главному Маршалу С.К. Тимошенко, что противник, ведя безуспешное наступление в центре армии, пытается развить прорыв на ее флангах в направлении: Витебск, Рудня, Шклов, Красное.

69-й ск ведет тяжелые бои: 153-я сд – на фронте Баришино (13 километров юго-восточнее Витебска), Подпорино, Языково, имея против себя до двух пехотных полков противника с танками; 229-я – на фронте Бодяги, Заречье, Осипово. В районе Каспино, Гряда, Речки противник охватывает фланги и прорывается в тыл дивизии. На участке шоссе Лучево – Марусиново появилось до 80-ти танков противника, с которыми дивизия ведет напряженные бои. Против дивизии действует не менее мотомехдивизии противника; 233-я сд – на фронте озеро Дивенское, Каленки, фронтом на север, Кузьмы, Куровщина – фронтом на юг.

5-й мк – 13-я тд ведет успешные контратаки с прорывающимися частями противника в направлении Гапоны, Марусиновка, 17-я тд – в районе Девино, Клюковки, 109-я мсд поддерживает 229-ю сд на участке Каспино, Гряда, Речки.

73-я сд прочно удерживала рубеж реки Днепр, (иск.) Орша, Сметанка, Zubово, (иск.) Принцевка. Дивизия, обойденная со стороны своего левого фланга противником, силою не менее двух мотополков с танками, отрезанная от своих коммуникаций, вела тяжелые бои за Дубровно.

1-я мсд, выполняя приказ командующего армией по уничтожению прорвавшихся частей противника, к 17.00 вышла в район Барсуков и вела бой с противником, засевшим в лесу южнее Барсуков.

57-я тд вела упорные бои с наступающим противником из района Красный на Гусино. 144-я сд прочно удерживала Рудню, дорогу Рудня – Красное и переправу через Днепр, Дубровно, Рассожку, станцию Красное.

Учитывая сложившуюся обстановку на фронте армии, Военный совет решил:

1) 69-й ск ночным действием уничтожить отдельные танковые части противника, просочившиеся на шоссе Витебск – Орша, к 5.00 15 июля закрепиться на рубеже станция Выдрей, Оседки, Понизовье, Клюковка, (иск.) Селекта. Корпусу приказано во всех случаях не допустить прорыва противника в направлениях Лиозно, Добромысль, Бабиновичи.

2) 73-й сд в ночь на 15 июля не менее чем полком с артиллерией ликвидировать прорвавшуюся часть противника в районе Чубаково, Бол. Бахово, (иск.) Дубровка. Остальными частями дивизии прочно удерживать занимаемый рубеж и, особенно, не допустить прорыва в направлении автостреды Орша – Смоленск.

3) 18-й сд не менее чем одним полком с артиллерией в ночь на 15 июля ликвидировать противника в районе Бояры, Добрынь, Рутьковщина и к 8.00 прочно закрепиться в этом районе фронтом на юго-восток и юго-запад. Остальными частями удерживать занимаемый рубеж по реке Днепр³⁵.

[Так как автор ошибочно смешал задачи 1-й мотострелковой дивизии, 57-й танковой дивизии и 5-го мехкорпуса, пункты 4-6 приводим не по тексту автора, а по оригиналу приказа].

4) 1-й мсд ночными действиями уничтожить противника в лесах южнее Барсуки и к 6.00 15 июля закрепиться в районе Цибульская, Лысково, Хаевщина, организовав отряд для захвата Баево, Ленино.

57-й тд ночными действиями захватить Красный. Остальными силами во что бы то ни стало удержать южную опушку леса севернее Красный на фронте Литивля, Карпиловка, Никулино. Передовым отрядом захватить Зверовичи.

5) 5-му мк ночным маршем к 4.00 15 июля сосредоточиться в районе Гусино, Киргеты, Бабиновичи. Обеспечить за собою переправы на реке Днепр на участке Катынь,

Гусино, выбросив передовой отряд для захвата района Ржавка (20 км юго-восточнее Гусино), Григорково. С выходом в район Гусино подчинить себе 57-ю танковую дивизию. Маршрут выдвижения корпуса в новый район – автострада [Минск – Москва].

б) 144-й стрелковой дивизии продолжать укреплять занимаемый рубеж. Не допустить переправы противника на участке Россасно, Клименки, выбросив отряд для уничтожения противника в районе Ляды.

Ввиду сложности подвоза боеприпасов и горючего Военный совет просил командующего фронтом выделить армии два-три автобата³⁶.

Но к исходу дня 14 июля противник прорвал оборону 69-й ск и, развивая наступление в направлении Смоленска, овладел Добромыслью, Одрино, Любавичами, Шубками, перерезал шоссе Рудня – Красное, вышел в междуречье Малая Березина, Березина. Части 144-й сд отошли, заняли оборону – Рудня, по восточному берегу Малая Березина, Приволье, (иск) Гусино.

В ночь на 15 июля была получена шифровка Москвы, в которой приказывалось испытать в бою батарею «РС» и дать заключение, но что такое «РС», в штабе армии никто не знал. Мы, все тогдашние работники штаба 20-й армии, считали и считаем, что первое испытание «Катюш» капитана Флерова проведено именно в этом районе, а не в другом месте, как это сказано в мемуарной литературе некоторых видных военачальников.

[Полковник в отставке В.Е. Александров, в чьем фонде есть краткая машинописная копия воспоминаний Кунцевича, справедливо прокомментировал данное утверждение: «Считаю, что В.К. Кунцевич о первых двух залпах батареи капитана Флерова под Оршей в то время просто не знал и не слышал. Первый залп по станции Орша был произведен в 15.30 14 июля 1941 года... Второй залп по переправе через реку Оршица был произведен через два часа – в 17.30 по просьбе командира 73-й стрелковой дивизии полковника А.И. Акимова. Здесь никто из руководства 20-й армии никаких санкций не давал. Вполне вероятно, что В.К. Кунцевич присутствовал на испытательных залпах батареи (3, 4, 5 залпы) под Рудней, в полосе обороны 144-й стрелковой дивизии...»³⁷].

Пишущий эти строки лично наблюдал первый залп «Катюш». Вот как это было. Утром 15 июля в штаб армии прибыл капитан Флеров. С ним был лейтенант-артиллерист. Конечно, мы тогда не знали ни Флерова, ни лейтенанта. Все это стало известно потом, к вечеру. А тогда я видел, как капитан с лейтенантом в сопровождении коменданта штаба армии майора Сихарулидзе зашли в землянку командующего³⁸. Вскоре к П.А. Курочкину направились член Военного совета Ф.А. Семеновский, начальник штаба генерал Н.В. Корнеев и командующий артиллерией генерал И.П. Прохоров. Минут через 20-30 гости вместе с генералом Прохоровым вышли от командарма и пошли в штаб артиллерии, который размещался в землянках за политотделом.

К вечеру прибыли генерал А.И. Еременко и дивизионный комиссар Д.А. Лестев – член Военного совета фронта. Спустя некоторое время Курочкин, Еременко, Лестев и Семеновский вышли из землянки и куда-то ушли. Потом мы узнали, что генералы пошли осмотреть «эрэсы», стоявшие на опушке этого же леса.

В это время прекратилась проводная связь с 144-й дивизией, которую я, помощник начальника связи армии, курировал. Выехал на линию, проверив все контрольные, прибыл в штаб дивизии и здесь же от начальника штаба подполковника Ф.А. Яблокова узнал, что ожидается приезд фронтового и армейского начальства и что будет испытано какое-то новое оружие. И я решил позвонить в отдел связи армии. С разрешения полковника Н.Н. Лисаковича остался посмотреть залп «эрэсов».

Вечерело. В штаб дивизии прибыли Курочкин, Еременко, Лестев, Семеновский, Прохоров. Вместе с ними все тот же капитан-артиллерист. Потом в сопровождении командира дивизии генерала М.А. Пронина и его заместителя по политической части бригадного комиссара А.И. Власова ушли на НП комдива. Нам, конечно, вместе с начальством идти не полагалось. Яблоков, начальник связи и я шли поодаль. В небольшом

лесочке залегли. Подполковник точно знал, что залп «эресов» будет дан по переправе реки Малая Березина у деревни Шубки, где враг весь день пытался навести переправу, но всякий раз был отбит метким огнем дивизионной артиллерии и 592-м арtpолком РГК, который был переброшен к вечеру 14 июля.

И вдруг до слуха донесся какой-то непривычный и резкий визг. Казалось, будто кто-то гигантскими напильниками провел по металлу, и в следующую секунду на вражеской переправе, на том берегу среди скопившихся машин запылали молнии, потом донесся не взрыв, а какой-то сплошной гул. И теперь уже не было видно ни переправы, ни машин, шедших к ней...

Послышался второй нарастающий визг. Теперь уже нам было видно, как десятки краснохвостых ракет сверкнули в сторону врага, и вновь полыхнули молнии на плацдарме противника. По плацдарму метались немецкие солдаты. Ища спасение, они бежали к речке, бросались в воду...

Вскочили в своих окопах и наши бойцы, видимо, тоже напуганные мощными залпами неизвестного им оружия³⁹.

Тридцать лет прошло с тех пор. Но такое не забывается! На рассвете 16 июля из лесов Богушевское штаб 20-й армии перешел на новый КП – лес Новосельцы–Шилы (10-15 километров северо-западнее Каспли). 18 июля – лес Анципирово. Уже с 12 июля соседом справа была 16-я армия, вместе с которой три недели сражались за Смоленск. Об этом подробно и справедливо описано в небольшой книжечке «Смоленское сражение», изданной редакцией газеты «Рабочий путь» в 1966 г. Повторяться вновь нет необходимости.

Следующий раздел, а вернее, продолжение, будет охватывать: выход 20-й и 16-й армий из Смоленского котла, прорыв вражеского кольца у Соловьевско-Ратчинской переправ, двухмесячная активная оборона на Днепре и вяземская двухнедельная героическая битва в октябре 1941 года.

Бывший пом. начальника связи 20-й армии майор в отставке [подпись] (В. Кунцевич).

30 июня 1971 года

Г. Оренбург

Источник: Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник» Ф. 9. Оп. 1. Д. 95. Л. 1-23.

Комментарий к 1-й части очерка Виктора Кунцевича

Сообщение Виктора Кунцевича в этой части воспоминаний о гибели генерал-майора А.Д. Корнеева, начальника штаба 20-й армии, не в Белоруссии, а в городе Смоленске (в Красном Бору) являлось на тот момент смелым утверждением для исследователей Смоленского оборонительного сражения.

Но почему эти данные, направленные местным исследователям во многих подробностях спустя тридцать лет после описываемых событий (что, принимая во внимание ограниченный доступ к архивам и минимум свидетелей события, не такой уж и критический срок), не были широко вовлечены в научный оборот ни тогда, ни даже спустя 55 лет после их получения?

До сегодняшнего момента в широких кругах исследователей считается, что в период 1941 г. в Смоленске погиб только один генерал: начальник артиллерии 16-й армии генерал-майор Трофим Леонтьевич Власов (1901-1941), который получил смертельное ранение 14 июля 1941 г., командуя артиллерией, поддерживающей активную оборону заслона отряда подполковника П.И. Буняшина у деревни Хохлово на Краснинском шоссе (в настоящий момент деревня Хохлово Смоленского округа в 16 километрах к юго-западу

от Смоленска)⁴⁰. Тяжелораненого генерал-майора Власова направляют в городской госпиталь, но по дороге к нему он скончался от полученных ранений и был похоронен в пределах города Смоленска.

Генерал-майор Андрей Дмитриевич Корнеев родился 1 сентября 1900 г. на хуторе Троекуровка Мосальского уезда Калужской губернии, по социальному положению рабочий-маляр. В Красной Армии с 1919 г., участник Гражданской войны, был ранен, вступил в партию в 1920 г. Перемещаясь на различные должности по службе, 23 июля 1938 г. назначен начальником штаба Орловского военного округа, звание генерал-майор присвоено 4 июня 1940 г.⁴¹ Начало войны встретил в должности начальника штаба 20-й армии, выдвинувшейся из Орловского военного округа в Смоленск.

В историографии начального периода Великой Отечественной войны либо вообще не называется место гибели А.Д. Корнеева, либо указывается (в большинстве электронных информационных источников), что он был убит в районе станции Бурбин, у совхоза Белица, что рядом с городом Сенно Витебской области Белорусской ССР. При этом обстоятельства его гибели трактуются двумя версиями: убит немецкими диверсантами или застрелен своими же военнослужащими.

Главным, наиболее цитируемым документом является запись в журнале боевых действий Резервного фронта (на тот момент группы резервных армий) от 28 июня 1941 г. на 18.30: «Из штарма 20 донесли, что в результате провокационной паники и стрельбы в районе расположения штаба 20 армии своей же охраной убит начштаба 20 генерал-майор Корнеев»⁴².

Таким образом, опираясь на выше приведенную цитату, гибель генерала Корнеева исследователи относят к дате записи в указанном документе – 28 июня.

Заметим, что автор воспоминаний настаивает на 25 июня (дата встречается не только в рукописи, но и в иных материалах Кунцевича, которые удалось обнаружить), эта версия вполне имеет право на существование: при постоянном перемещении штабов и соединений в первые недели войны, а также отсутствии постоянной связи между ними записи в журналах часто делали с опозданием, только при получении донесения или после выяснения всех деталей, в то время как между случившимся событием и получением сведений о нем проходило определенное время. Так, например, штаб Западного фронта 30 июня 1941 г. не имел связи с 3-й, 10-й и 13-й армиями, притом даже штаб самой 13-й армии не знал расположения своих войск⁴³.

Что касается района убийства генерала, то первоисточника данных о месте гибели в районе Белицы Витебской области обнаружить не удалось: данное утверждение попало на информационные платформы в сети интернет без ссылок на какие-либо исследовательские работы. Исходя из данных, что убийство произошло в «расположении штаба 20 армии», исследователям приходилось узнавать местонахождение штаба 20-й армии на 28 июня 1941 г., опираясь, главным образом, на интернет-ресурсы, и, тем самым, вычислять само место неправильно.

Восстановим хронику событий: штаб 20-й армии выгружается в Смоленске 23 июня и располагается в самом городе, в здании бывшего штаба Белорусского особого военного округа. Однако ввиду постоянных бомбежек города и наличия немецких диверсантов, которые могли с легкостью навести вражеские самолеты, штаб армии был вынужден переместиться в пригородный на тот момент лесной массив – Красный Бор у деревни Гнездово.

Но так как обстановка на фронте быстро меняется, штаб 20-й армии в конце июня готовится переезжать в район железнодорожной станции Красное и населенного пункта Красное (сегодня н.п. Красная Горка) у шоссе Москва – Минск, в 60 километрах от Смоленска, в районе которых и располагается на две недели.

В своих воспоминаниях Кунцевич после района Красное упоминает с 29 июня Богушевск, но это ошибка: штаб 20-й армии не покидал территорию Смоленской области до самого своего разгрома в Вяземском котле в октябре 1941 г., Богушевск же был указан

как один из рубежей развертывания войск армии, по которому проходил передний край главной полосы обороны⁴⁴. Вполне возможно, что, когда командование армии или представители штабных отделов выезжали к переднему краю инспектировать войска, Богушевск остался в памяти как место нахождения представителей штаба. Кроме этого, в сводках штаба армии за 28 июня еще указан Красный Бор как место его расположения⁴⁵.

Расположившись возле трассы Москва – Минск, в 8 километрах восточнее населенного пункта Красное (Красная Горка), в деревне Белеи, штаб армии ввел в заблуждение исследователей, не знающих местной топонимики. Точнее, уже в начале июля 1941 г. ведущий журнал боевых действий войск Западного фронта в период присоединения 20-й армии к войскам Западного фронта делает запись от 3 июля, упоминая штаб армии в населенном пункте «Белец»⁴⁶. Так БелеИ стали БелеЦ. Именно это ошибочное название и побудило некоторых современных исследователей искать штаб армии не в тылу, где пункта с таким названием не могли найти от Смоленска до Сенно, а на передовых позициях, на острие танкового контрудара: в результате «Белец» стал «совхозом Белица» у населенного пункта Бурбин, в 13 километрах к югу от знаменитого Сенно, где разгорелись ожесточенные бои. Это притом, что ни 25 июня (версия Кунцевича об убийстве), ни 28 июня (официальная версия) 20-я армия даже не входила в состав Западного фронта.

Следует пояснить, что на момент произошедшего 20-я армия входила в так называемую Группу армий резерва Главного Командования (вместе с 19-й, 21-й и 22-й армиями), находясь в тыловых районах: сосредотачиваясь в них и подготавливая оборонительные рубежи⁴⁷. Именно поэтому информацией о чрезвычайном происшествии располагает журнал боевых действий Группы армий резерва (впоследствии – Резервный фронт), а не Западного фронта, в состав которого 20-я армия будет включена только 2 июля.

Убийство генерала произошло во время подготовки к перемещению штаба 20-й армии, неустойчивости связи. Сам штаб Группы резервных армий с вечера 26 июня начинает подготовку к перемещению в Смоленск (отбывает поездом 28 июня), куда и прибывает к утру 29 июня, встречаясь в городе с поездом командующего – маршала С.М. Буденного и размещается в Гнездове с вполне показательной записью в журнале: «Связь с армиями была восстановлена только к исходу дня вследствие того, что Смоленский узел связи был поврежден бомбардировкой...»⁴⁸. В этот момент войска группы армий продолжали сосредоточение, а где-то оборонительные работы на занимаемых рубежах. Уже 2 июля все армии передаются Западному фронту, а штаб Группы резервных армий убывает в район Вязьмы, уступая место в санатории Гнездова штабу Западного фронта.

Именно в условиях переезда штабов и переподчинения войсковых частей и соединений, общей неразберихи, продолжительного отсутствия связи и вездесущей путаницы (даже не беря во внимание бомбежки и диверсии врага) и происходит гибель генерал-майора Корнеева.

Меньше чем через месяц 20-я армия с большими потерями будет прорываться из котла под Смоленском в районе Соловьевско-Ратчинских переправ, теряя людей, технику и документы; в октябре 1941 г. армия будет окончательно обескровлена в Вяземском окружении, где в плен попадет и ее командующий. Вырвавшееся из окружения полевое управление будет расформировано, а оставшиеся в живых будут переданы на укомплектование других соединений и частей фронта.

Возникает закономерный вопрос: где в этой многомесячной трагедии первого года войны могло найтись место установлению реальных обстоятельств гибели одного человека, пусть и генерала, пусть и начальника штаба армии?

К сожалению, составители биографических сборников о судьбе генералитета Красной Армии в период Великой Отечественной войны работают только с массовым материалом: не утруждая себя точечной исследовательской работой в архивах, в исследовании всех обстоятельств биографий. До сих пор в широкой печати не

публиковались подробные документы с обстоятельством дела. Данные по следствию гибели генерала А.Д. Корнеева мы обнаружили в Центральном архиве Министерства обороны: они сохранились в фонде 20-й армии в виде шифротелеграмм, большая часть из них в массовой печати публикуется впервые.

Первым не мог остаться в стороне политотдел армии: в сообщении 28 июня Главному управлению политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) на имя Л.З. Мехлиса начальник армейского политотдела бригадный комиссар П.С. Афиногенов сообщал: «(В) связи с неоднократной бомбардировкой города Смоленска штаб армии вынужден был переместить командный пункт и вечером 27.06.41 сосредоточился в дачах Смоленского обкома ВКП(б) – Красный Бор, в 15-17 километрах от Смоленска.

Ночью около 2.00 28.06.41 [все написанное далее курсивом в шифротелеграмме зачеркнуто современником событий – М.В.] *на следовавшего к месту расположения начштаба товарища Корнеева произведено нападение. У Корнеева забрана папка с секретными документами, партийный билет и остальные документы*, начштаба Корнеев убит *нападавшими диверсантами*. Во время беспорядочной перестрелки, вероятно, своими убит и начальник отделения кадров по комсоставу майор Редькин и ранен один шофер. Ведется расследование. Подробности донесу. (Подпись Афиногенов)».

В результате такой правки сообщение получило вид: «Ночью около 2.00 28.06.41 начштаба Корнеев убит во время беспорядочной перестрелки, вероятно, своими и начальник отделения кадров по комсоставу майор Редькин и ранен один шофер. Ведется расследование. Подробности донесу. (Подпись Афиногенов)»⁴⁹. Как видим, в сообщении оказалась прозорливо вычеркнута информация о нападении на генерала немецких диверсантов и об исчезновении секретных документов.

Тем же 28 июня датирована и шифротелеграмма, направленная Ф.А. Семеновским на имя наркома обороны маршала С.К. Тимошенко, маршала С.М. Буденного и члена Военного совета Группы резервных армий Г.М. Маленкова. Речь шла о том, что в связи с преувеличенными слухами о высадке немецких парашютистов-диверсантов в армии распространяется нервозность и происходят чрезвычайные происшествия с применением огнестрельного оружия: «В результате такой стрельбы в ночь на 27 июня был убит курсант ВПУ т. Тимофеичев из команды охраны штаба. В ночь на 28-е произошел еще более возмутительный и трагический случай: убит начштаба генерал-майор т. Корнеев. Обстоятельства следующие: товарищ Корнеев следовал из Смоленска в расположение штаба армии Красный Бор, дачи Смоленского обкома ВКП(б). На перекрестке дороги к дачам образовалась пробка. Корнеев решил выйти из машины и принять меры к продвижению машин. В это время из леса подошла к нему группа красноармейцев, направляющихся в город Смоленск, во главе которой был лейтенант Мельник из 23 ОЗАД⁵⁰. Эта группа отнеслась с исключительным подозрением к генералу.

Что произошло в дальнейшем, точно не установлено, однако генерала впоследствии видели, что он бежал с криком „товарищи тревога” в направлении к расположению штаба. Не разобрав в чем дело, красноармейцы охраны подняли стрельбу и выстрелом в лоб генерал Корнеев был убит.

Вторую рану генерал Корнеев имел в спину. В этой же беспорядочной перестрелке был убит майор Редькин – начальник отделения кадров армии. На месте встречи генерал-майора Корнеева с группой красноармейцев был найден его портфель уже с поломанным запором. В портфеле не оказалось совершенно секретной директивы фронтового командования, кроме этого у генерала не оказалось партбилета. Не исключена возможность, что все это проделано при участии прямых диверсантов»⁵¹.

В этом сообщении раскрывается вопрос: какие материалы имел в своей папке, которую постоянно держал при себе, генерал Корнеев – «совершенно секретная директива фронтового командования». Если принять за основу, что папка попала в руки немецких диверсантов, то на шестой день войны вражеское командование имело данные о

развертывании группы армий (или, как минимум, одной армии) резерва на Западном фронте.

Тем временем, следствие по убийству генерала продолжалось военным прокурором 20-й армии: ночью 30 июня Главному военному прокурору Красной Армии, с копией военному прокурору Группы войск резервных армий, отправлена шифротелеграмма, данные которой, мягко говоря, шокируют: «28 июня в 2 часа 30 минут в расположении штаба армии были убиты начштаба 20 армии генерал-майор Корнеев, начальник отдела кадров майор Редькин и ранены начразведотдела армии подполковник Сабиезя, помвоенпрокурора Русанов и шофер Шафигулин.

Устанавливается: 27 июня около 23 часов генерал-майор Корнеев ездил (в) Смоленск (по) служебным делам. Перед отъездом неизвестный капитан интересовался у шофера, чья эта машина и, не получив удовлетворительного ответа, уходит.

Возвращаясь из Смоленска в 0.15 минут 28 июня, Корнеев, встретив в пути затор транспорта, сходит (с) машины, чтобы вносить порядок. Вернувшись к своей машине, Корнеев встречает неизвестного капитана, который обращается к Корнееву разрешить подъехать. Корнеев разрешает. В пути Корнеев вновь выходит из машины ликвидировать затор. Потом возвращается, берет папку с бумагами и, ничего не сказав шоферу, уходит. Вслед за Корнеевым выскакивает из машины неизвестный капитан и исчезает. Не дождавшись Корнеева, шофер в 3.30 возвращается в штаб.

После ухода Корнеева из леса раздается пулеметная очередь по движущимся колоннам. По имеющимся данным, Корнеев, остановив машину, пересеживается в танк 18-й дивизии совместно с начальником разведывательного отдела армии подполковником Сабиезя⁵².

По непроверенным показаниям, Корнеев в пути якобы убивает состав экипажа танка и убегает в сторону леса. В это время танкисты ранят Сабиезя и отправляют в госпиталь⁵³. После этого Корнеев попадает к часовым, которые обезоруживают его и доставляют к начальнику караула. Здесь Корнеев оставляет папку с бумагами и убегает. Корнеев попадает к часовым другого поста. Здесь у него отбирают все документы. Он опять убегает и попадает в руки других часовых у штаба армии. Здесь он опять убегает и кричит „Товарищи тревога”.

На окрик часового остановиться Корнеев не подчиняется и продолжает бежать. Часовой Зубков, как и предыдущие, дает четыре выстрела и легко ранит Корнеева. В это время какой-то неизвестный шофер бежит вместе с часовым и выстрелом из револьвера в упор в лоб смертельно ранит Корнеева.

В поднявшейся панике и беспорядочной стрельбе был убит майор Редькин.

Шофер-красноармеец Шафигулин набрасывается в темноте на залегшего в кустах помощника прокурора Русанова и ударом револьвера по голове наносит ему неопасное ранение. Русанов, обороняясь, ранит из револьвера Шафигулина.

Следствие по делу продолжается. Результаты дополнительно. (Подпись – Военпрокурор 20-й армии Темиров)⁵⁴.

К этому сообщению вопросов больше, чем ответов, и самый главный: зачем, пока еще идет следствие, сообщать данные по непроверенным показаниям не кому-нибудь, а Главному военному прокурору Красной Армии? Информация о генерале, который расстреливает экипаж собственного танка и пытается скрыться в лесу, из которого диверсантами велся огонь по советским войскам – это феноменальная история, которая могла очень дорого обойтись командованию армии и руководству группы войск. При этом сам военный прокурор Темиров до самого начала войны был в должности врио военного прокурора Орловского военного округа, откуда прибыла 20-я армия, а значит, прекрасно знал и весь штабной состав, и самого начальника штаба – генерал-майора А.Д. Корнеева⁵⁵.

История о расстреле танкового экипажа дополняется новыми подробностями в справке политотдела 20-й армии, направленной 2 июля начальнику политуправления армейской группы бригадному комиссару Сирюкову.

«Дополнительные данные к убийству генерал-майора Корнеева.

28.06.41 в 00.10 36 танковый полк начал разгружаться на выгрузочной площадке Красильни⁵⁶. Спустя 20-25 минут после разгрузки двое в форме НКВД без знаков различия подъехали на машине «пикап» и обратились к командиру полка тов. Хивову⁵⁷ с просьбой оказать им содействие в задержании машины ЗИС-101.

Хивов сел на их машину, усилил ход и перерезал дорогу машине и обратился к генералу с вопросом, кто он есть? Последний назвал себя генералом из 20 действующей армии. В подтверждение этого показал удостоверение, доказывающее, что он является тем, как назвался. Полковник товарищ Хивов при этом сообщает, что на обложке удостоверения генерала написано золотыми буквами.

Удостоверившись в личности генерала, полковник товарищ Хивов, отойдя в сторону, обратился к работникам НКВД, заявив, что они ошиблись в своих подозрениях. Оба работника НКВД ответили, что они, несмотря на это, будут продолжать следовать за «подозрительным» генералом.

Через 30-35 минут вторично появился генерал с подполковником на разгрузочной площадке, там, где происходила разгрузка 36 танкового полка. Подполковник обратился к полковнику товарищу Хивову и сказал, что нужно генералу проскочить зону стрельб (около тракта на Витебском шоссе). Тут же обратился к полковнику и сам генерал, чтобы его скорее отправили.

Товарищ Хивов поместил генерала в двухбашенный танк, а подполковника в другой танк. Машина генерала, которая шла впереди, почему-то часто останавливалась в пути. Товарищ Хивов несколько раз в своей машине объезжал ее для выяснения причин частой остановки. Машиной, в которой ехал генерал, управлял командир танка товарищ Крапивенский, который впоследствии оказался убитым неизвестно кем. Кроме того, убит командир взвода товарищ Токарев и красноармеец-радист второго танка Гаврилов.

По показаниям механика-водителя второго танка тов. Чупурина, устанавливается следующее: генерал находился в первом танке вместе с командиром танка с тов. Крапивенским, а механик-водитель тов. Богров в отделении управления танка. Подполковник генерала находился в другой машине. Вместе с ним на танке был Чупурин водитель, лейтенант Токарев и Макаров – командир машины, в результате частой остановки машины командир второго танка тов. Токарев приказал механику-водителю тов. Чупурину встать рядом с первым танком для выяснения причин частых остановок.

Не успев довести танк до первого танка, на расстоянии 5-6 метров механик-водитель увидел в щель, как оба люка первого танка поднялись и из них показались генерал и командир танка тов. Крапивенский.

По заявлению тов. Чупурина, генерал открыл огонь в тов. Крапивенского и двумя-тремя выстрелами последний был убит наповал. Со второго танка подбежал командир взвода тов. Токарев. Генерал также открыл огонь по Токареву, который был тяжело ранен, упал на асфальт и вскоре скончался. По заявлению тов. Чупурина, генерал открыл огонь и по машине тов. Чупурина. От произведенного выстрела генералом был убит стрелок-радист второго танка тов. Гаврилов.

В это время подполковник, находящийся во втором танке, начал проявлять беспокойство и неожиданно схватился за оружие. Механик-водитель тов. Чупурин и Фатеев, выхватив свое оружие, скомандовали: „Руки вверх“. В результате подполковник был обезоружен. На вопрос „кто он такой“ подполковник упорно молчал, когда его вывели силой из танка и поставили на жалюзи, в это время участились выстрелы. Оба танкиста двумя выстрелами тяжело ранили подполковника в голову и ноги.

Военврач 3-го ранга тов. Шихов и фельдшер тов. Козлов оказали первую помощь подполковнику и отправили в гарнизонный госпиталь города Смоленск. По всем этим данным видно, что происходила беспорядочная стрельба, в которой принимали участие бойцы 36 танкового полка, в результате стрельбы были убиты тов. Токарев, Крапивенский и Гаврилов. Ранение подполковника произошло вследствие паники со стороны тов.

Чупурина и Багрова. В перестрелке приняли участие младший политрук запаса тов. Балалаечников и бойцы 249 батальона связи, которые были обстреляны, по их показанию, шофером генерал-майора Корнеева Воробьевым. Все дело с убийством генерал-майора Корнеева передано Прокурору армии для производства тщательного расследования»⁵⁸.

Данные о том, что генерал Корнеев перемещался на танке от Смоленска до штаба в Красном Бору, противоречат данным Кунцевича и изначальным данным, направленным Главному военному прокурору Красной Армии о том, что он передвигался в штаб на своей машине ЗИС-101, в которую пригласил на дороге и неизвестного капитана. Весьма странным выглядит и повод размещения генерала в танке, чтобы «проскочить зону стрельб (около тракта на Витебском шоссе)», речь, видимо, идет о полигоне имени Ворошилова, территория которого прилегала к Витебскому шоссе по дороге на Красный Бор. Учитывая, что события происходили после полуночи, ночные стрельбы на полигоне у трассы, по которой двигаются войска, еще и в период бомбежки города немецкой авиацией, вызывают удивление.

В этой же справке подтверждается тяжелое ранение танкистами подполковника, ошибочно названного прокурорскими работниками Сабизля (см. сноску №40) – начальника разведывательного отдела армии подполковника Себелля (Сабелля) Карла Карловича. После отправки в смоленский госпиталь информации о нем не найдено. Согласно сайтам «Память народа» и «ОБД «Мемориал», в 1944 г., не имея данных о его судьбе, К.К. Себелля признают пропавшим без вести в 1941 г.

В этом донесении фигурирует и принявший участие в перестрелке 249-й батальон связи: нельзя сказать однозначно, связаны ли эти два события, но ровно через сутки, ночью 29 июня, команду из 23 человек этого батальона, которая расположилась в Смоленске, в Свирских казармах, разоружат с применением стрельбы. При этом в перестрелке погибнет один из связистов. Поводом для разоружения станут увиденные у связистов... автоматические винтовки, что даст повод заподозрить их в том, что это сброшенный немцами десант⁵⁹.

Из всех названных в вышеприведенных документах личностей почти постоянно находится рядом с убитым генералом только его шофер Воробьев из вольнонаемных, кандидат в члены партии. Даже адъютант генерала Алексеев, как верно замечает Кунцевич при встрече в Смоленске, не сопровождает Корнеева. Отсутствие охраны не должно смущать читателя: Смоленск 25-28 июня считался (и по сути являлся) тыловым городом, где разгружалось большое количество воинских частей, прибывающих в распоряжение фронта и группы армий. Командование еще только входило в реалии военного времени, а поэтому проявляло видимую беспечность.

Внимание к водителю покойного генерала окончательно было приковано на следующий день после гибели Корнеева. 29 июня, примерно в 18.00 часов, по дороге в штаб Группы армий резерва Главного Командования, который, напомним, утром этого дня прибыл в Смоленск и расположился в Гнездове, следует генеральский ЗИС-101 под управлением шофера Воробьева. В машине находится адъютант убитого генерала Алексеев с секретными документами в сопровождении курсанта Коробова.

Воробьев останавливает машину под предлогом неисправности мотора, выходит к капоту, достает револьвер и через лобовое стекло стреляет в Алексева, последнему пуля попадает в плечо. Сопровождающий Коробов реагирует мгновенно: выскочив из машины, он заряжает винтовку, получая в это время пулю от водителя «в мякоть большого пальца», и ранит Воробьева в область паха. Казалось бы, завербованный агент немецкой разведки попался с поличным. Однако у водителя находят в кармане записку, в которой он писал, что за жизнь, отнятую у товарищей Корнеева и Редькина, он отомстит фашистам.

Тем ни менее, по Воробьеву начинается следствие, сразу выясняются странные подробности: «однажды ночью, во время бомбардировки он молился, стоя на коленях. 27.06.41, будучи в укрытии ночью, он во время прохождения самолетов противника через пункт расквартирования штаба армии зажег в машине фары. Когда его спросили, почему

он сигнализирует противнику, то Воробьев ответил, что свет он включил нечаянно, якобы со сна». Учитывая следственные данные, Воробьева направляют к врачу-психиатру.

Одновременно проверяют адъютанта генерала, но на первый раз находят только то, что Алексеев имеет родственников за границей, по этой же причине в начале 1941 г. партийная комиссия Орловского военного округа отказала ему в приеме в партию⁶⁰.

Именно этот случай ввел в заблуждение Виктора Касперовича Кунцевича, который, вероятно, услышал про него в послевоенном пересказе какого-то ветерана штаба применительно к убийству генерала. В своей рукописи 1971-1972 гг. он по-иному сообщает о смерти Корнеева, однако в краткой машинописной копии воспоминаний Кунцевича в фонде полковника в отставке В.Е. Александрова читаем: «...в районе штаба армии фашистскими разведчиками был убит начальник штаба 20-й армии генерал-майор

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 7. Л. 75-76 (мфк).

¹⁹ Из стенограммы беседы с 1-м секретарем Смоленского обкома и горкома ВКП(б) Д.М. Поповым: «В ночь с 24 на 25 июня немцы уже попытались маленько подействовать на население города Смоленска с воздуха. В эту ночь один немецкий самолет сбросил одну бомбу на Смоленск, но бомбу двухтонную. Она разорвалась около типографии...» (Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941-1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 196).

²⁰ 1-й секретарь Смоленского обкома и горкома ВКП(б) Д.М. Попов так вспоминал это происшествие: «Вторая бомбежка была уже серьезная. С 25 на 26 июня немцы бомбили станцию Смоленск. Было сброшено около 112 бомб. Разбомбил он нам три эшелона, причем один эшелон с зенитной артиллерией и зенитными пулеметами» (Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941-1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 197).

²¹ «Полуторка» – разговорное название советского грузового автомобиля ГАЗ-АА грузоподъемностью 1,5 тонны. Автор перепутал марку автомобиля: «ЗИС-110» – первый послевоенный автомобиль и «ЗИС-101», на котором перемещался генерал, что найдет свое отражение и в сводках политотдела 20-й армии ниже по тексту.

²² Лисакович Николай Николаевич, 1898 г.р., – полковник, старший помощник начальника отдела связи армии по радио; Косенков Федор Васильевич, 1895 г.р., – майор, старший помощник начальника отдела связи армии по снабжению; Зосин Михаил Петрович, 1908 г.р., – капитан, старший помощник начальника отдела связи армии по радио; Кац Мирон Евсеевич, 1904 г.р., – капитан, помощник начальника отдела связи армии по радио; Кибальченко Сергей Иванович, 1905 г.р., – капитан, помощник начальника отдела связи армии (ЦАМО. Ф. 121. Оп. 12936. Д. 31. Л. 15).

²³ СВТ – самозарядная винтовка Токарева, имела коробчатый магазин на 10 патронов, а конструкция винтовки позволяла вести автоматический огонь без перезарядки до окончания боеприпасов в магазине.

²⁴ Петр Степанович Афиногенов (1902-1941 гг.) – бригадный комиссар, начальник политотдела 20-й армии. Погиб при выходе из Вяземского котла 11 октября 1941 г. у деревни Селиваново Вяземского района.

²⁵ Редькин Аркадий Иванович (1907(1905)-1941 гг.) – майор, начальник отдела кадров 20-й армии, согласно данным ОБД «Мемориал», числится убитым 28.06.1941 года, в другом документе дата выбытия не указана, ограничиваясь сообщением «Погиб на Западном фронте», место захоронения в документах не указано.

²⁶ Ошибка автора. Скорее всего, к Богушевску выдвинулся передовой командный пункт. Штаб 20-й армии до 30 июня оставался в Красном Бору под Смоленском.

²⁷ Корнеев Николай Васильевич был назначен начальником штаба 20-й армии приказом НКО №00359 от 28.6.1941 г. с должности председателя комиссии по описанию Советско-финской войны 1939-1940 гг. (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 12. Л. 4).

²⁸ Очевидно, автор в этом эпизоде использовал воспоминания генерала армии Я.Г. Крейзера, но следует заметить, что в оригинале вместо «1000 убитых немцев» взводом Рубена Ибаррури сам Крейзер написал так: «Отбивая атаку противника, его пулеметчики перебили много фашистов».

²⁹ Автор воспоминаний ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 4-5.

³⁰ Автор воспоминаний ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 16. Следует указать, что автор здесь и далее цитирует документы частично, в том числе сокращая названия частей и населенных пунктов ввиду желания сократить рукописный текст.

³¹ Командир 7-го мехкорпуса получил нелицеприятную оценку от командования 20-й армии в боевом приказании от 8.07.1941 г.: «Противник переправился через Западная Двина у Бешенковичи–Улла. Удар вашего корпуса будет решающим... Прекратить топтаться на месте» (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 40).

А.Д. Корнеев **через лобовое стекло** ЗИС-110, на котором ехал в штаб [выделено мной. Также, напомним, что неправильно названа марка машины: это был ЗИС-101 – М.К.]. С ним был неизвестный капитан в советской форме, якобы приехавший в армию для прохождения службы»⁶¹.

Окончательные выводы Кунцевича о происшествии с генералом (за год до его смерти) кажутся противоречивыми по отношению ко всему ранее написанному и сказанному – при переписке с известным смоленским краеведом и учителем городской школы №17 Анатолием Яковлевичем Трофимовым. В письме 1979 г., узнав об интересе к судьбе генерала, Кунцевич неожиданно заявляет: «Вместе с тем должен Вас предупредить, что нигде в музее или в печати показывать А.Д. Корнеева нельзя. Дело в

³² Деревни находятся на границе России и Республики Беларусь, по южной и северной стороне трассы Москва – Минск. Горяны – нежилая деревня, Сентюри – белорусские Синчуры.

³³ Очевидно, здесь сообщение указано с ошибкой, вместо Ново-Чемоданы, что южнее г. Орша, 5-й мехкорпус, выйдя из окружения, приводил себя в порядок у совхоза Высокое и Селекта, что севернее г. Орша.

³⁴ Тем не менее, командование армии было недовольно действиями штаба 2-го стрелкового корпуса. 13 июля командир корпуса получает гневную шифротелеграмму Курочкина: «Прекратить прятаться по лесам. Создать группы для уничтожения прорвавшихся групп противника. 18 сд восстановила положение по Днепру до Копыся. Вам уничтожать противника в районе Горки, куда направлен отряд 57 тд» (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 8. Л. 136).

³⁵ В оригинале приказа: «18-й стрелковой дивизии не менее чем полутора полками...»

³⁶ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 37-39.

³⁷ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2580. Оп. 1. Д. 9. Л. 32-33.

³⁸ Сихарулидзе Григорий Семенович (10.03.1899-1941 гг.) – в июне 1941 г. в звании майора назначен на должность коменданта штаба 20-й армии (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 12. Л. 27. Согласно данным ОБД «Мемориал», пропал без вести в октябре 1941 г.).

³⁹ Автор ссылается на документ: ЦАМО. Ф. 1210. Оп. 524373. Д. 2. Л. 10-33.

⁴⁰ Буняшин Павел Иванович (23.01.1902 – 7.07.1983 гг.) – на момент описываемых событий подполковник, начальник оперативного отдела штаба 32-го стрелкового корпуса 16-й армии, с 1943 г. генерал-майор.

⁴¹ ЦАМО. Ф. 121 Оп. 12936. Д. 30. Л. 6.

⁴² ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 62. Л. 4.

⁴³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 63.

⁴⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3. Л. 50.

⁴⁵ ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 7. Л. 55.

⁴⁶ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 210. Л. 6.

⁴⁷ Уже директивой Ставки ГК №0038 от 27 июня 1941 г. вводятся уточнения, что в Группу армий резерва Главного Командования включены 20-я, 21-я, 22-я армии, а 19-я армия сначала была подчинена Юго-Западному фронту, а затем будет переброшена на Московское направление и подчинена Западному фронту.

⁴⁸ Цитируется по копиям, размещенным на сайте «Память народа 1941-1945» (pamyat-naroda.ru) (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 210. Л. 6).

⁴⁹ ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 7. Л. 45 (мфк).

⁵⁰ 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион (ОЗАД) в это время находился в составе 11-й армии, которая вела бои в Прибалтике. Нам предстоит выяснить, является ли название воинской части ошибкой или существовала воинская часть с таким же номером, но с другой подчиненностью.

⁵¹ ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 7. Л. 50-51 (мфк).

⁵² 18-я танковая дивизия входила в состав 7-го механизированного корпуса, временно переданного 20-й армии, корпус имел основную задачу наносить контрудары и исполнять роль «пожарной команды» при прорыве противника в полосе фронта. В период Смоленского сражения дивизия понесла значительные потери в людях и материальной части. 1 сентября 1941 г. дивизия в Смоленской области была обращена на формирование 127-й танковой бригады.

⁵³ Под ошибочной фамилией Сабизля имеется в виду начальник разведывательного отдела армии подполковник Себелля (Сабелля) Карл Карлович, 1899 года рождения, по национальности чехо-морав (ЦАМО. Ф. 121. Оп. 12936. Д. 31. Л. 6).

⁵⁴ ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 7. Л. 71-72 (мфк).

⁵⁵ ЦАМО. Ф. 121. Оп. 12930. Д. 23. Л. 1.

⁵⁶ 36-й танковый полк входил в состав уже упомянутой 18-й танковой дивизии.

⁵⁷ Хивов Яков Иванович, 1897 г.р., – полковник, заместитель командира 18-й танковой дивизии, пропал без вести в 1941 г. В 1968 г. в учетно-послужной карточке появляется запись: «следует считать расстрелянным

том, что 25.06.41 г. в Красном Бору лично им была передана немцам директива Наркома обороны, полученная 24.06.41 г. из Москвы специальным связным. Немец, получивший из его рук очень важный документ, сам же его и убил из пистолета. Похоронен он ночью на 28.06.41 г. без знаков различия и без гроба в Красном Бору»⁶².

Тем не менее, А.Я. Трофимов не остановил поиски, и, как заявляется все в том же фонде Александрова, вместе с «красными следопытами» нашел могилу генерала в 1983 г., одновременно готовя памятник для установки на этом месте⁶³.

Было ли произведено в итоге обстоятельное следствие по установлению причин гибели армейскими следственными органами? Сохранились ли по нему какие-либо беспристрастные следственные документы? Кто принял решение сразу же информировать высокое командование о причине гибели генерала как следствие паники и стрельбы по своим? И почему личному составу штаба в то же время было заявлено о работе немецких диверсантов? Что стало с памятником, который готовили «красные следопыты» и краевед А.Я. Трофимов? На эти и многие другие вопросы мы не знаем сейчас ответа. Мы можем лишь частично проследить развитие истории с гибелью генерала А.Д. Корнеева в советской и российской историографии.

В приказе Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР от 6 октября 1941 г. №090 в причинах исключения из рядов Красной Армии было указано «Убит диверсантами», а в именном списке руководящего состава Красной Армии, погибшего в боях и умершего от ран и болезней по состоянию на 1 апреля 1944 г. того же Главного управления кадров Народного комиссариата обороны причиной выбытия генерала Корнеева указано: «Убит диверсантом в 1941 году»⁶⁴.

Версию про диверсантов подтвердит и член Военного совета 16-й армии, оборонявшей Смоленск, Алексей Андреевич Лобачев в своих мемуарах⁶⁵. Возвратившись в Смоленск 15 июля 1941 г., он вспоминает: «В землянках Лопатинского сада встретили Вахтерова, второго секретаря обкома Иванова, начальника местного управления НКВД Куприянова... Налетели самолеты и подвергли город сильной бомбежке. Пришлось укрыться в землянках. В городе уже действовали фашистские лазутчики. Более ста «мигальщиков» и организаторов всяческих провокаций выловлено. Выяснилось, что некоторые из них сброшены на парашютах, кое-кто просочился из Белоруссии и Литвы. У некоторых обнаружены рации. Зарегистрированы факты, когда немецкие парашютисты одевались в нашу военную форму. Один переодетый провокатор убил начальника штаба 20-й армии. Он был пойман на месте»⁶⁶.

Личное дело генерала, в котором могли быть интересующие нас материалы, в архиве Министерства обороны имеет ограничение доступа и обычным исследователям не предоставляется.

Ситуации придаст запутанности и назначение сразу после гибели генерал-майора А.Д. Корнеева на эту же должность его однофамильца – тоже генерал-майора Николая

немецко-фашистскими захватчиками в лагере в плену в декабре 1942 года».

⁵⁸ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 690. Д. 16. Л. 15-17 (мкф).

⁵⁹ Там же. Л. 17.

⁶¹ ГАСО. Ф. Р-2580. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

⁶² Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник» Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

⁶³ ГАСО. Ф. Р-2580. Оп. 1. Д. 9. Л. 10. Документ заявляется как машинописная копия воспоминаний В.К. Кунцевича, однако, учитывая его смерть в 1980 г., видимо, сам В.Е. Александров вносил дополнения в текст, учитывая сообщение о 1983 г.

⁶⁴ Цитируется по копиям, размещенным на сайте «Память народа 1941-1945» (pamyat-naroda.ru).

https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_prikaz73789567/ и ОБД «Мемориал» (obd-memorial.ru) <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73424631&p=3>.

⁶⁵ Лобачев Алексей Андреевич (1903-1964) – в период Смоленского сражения член Военного совета 16-й армии, оборонявшей Смоленск. В 1960 г. выходят его мемуары «Трудными дорогами», где достаточно подробно описаны события начального периода Великой Отечественной войны на Смоленщине.

⁶⁶ Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 157.

Васильевича Корнеева, который руководил штабом армии до разгрома в Вяземском котле, где был ранен и контужен.

В результате, при поверхностном исследовании даже сегодняшние земляки покойного генерала (А.Д. Корнеев родился на хуторе Троекуровка Масальского района Смоленской области, на сегодняшний момент территория Калужской области) не могут удержаться от курьезов и объявляют его погибшим в Белоруссии уже в период Вяземского сражения октября 1941 г., другие приписывают смерть «при невыясненных обстоятельствах в июле-октябре 1941 года»⁶⁷.

Как мы считаем, ошибка в дате смерти генерала Корнеева октябрём месяцем возникла с первых публикаций о судьбе погибших генералов 1941 г. в «Военно-историческом журнале». Несмотря на то, что журнал учрежден Министерством обороны и является ежемесячным изданием Генерального штаба Вооруженных Сил России, а «в проверке и уточнении», в том числе судьбы генерала Корнеева, принимали участие два полковника, генерал-майор запаса и два полковника запаса, это не спасло от ошибки в его судьбе: «Генерал-майор Корнеев Андрей Дмитриевич, 1900 года рождения. Начальник штаба Орловского военного округа. Погиб 6 октября 1941 года от руки диверсанта»⁶⁸. К сожалению, авторы ошибочно приняли дату постановления об исключении генерала из списков Красной Армии за дату смерти (приказ ГУК НКО СССР от 6 октября 1941 г. №090), а также указали прежнюю, довоенную должность.

В совокупности все эти факторы мешали исследователям и заставляли их трактовать судьбу погибшего с ошибками: так, например, в списке Д.Н. Минаева «Советские генералы и адмиралы, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны» генерал-майор Корнеев «убит своей же охраной в результате паники и стрельбы, спровоцированной нападением диверсантов в поселке Красный (Смоленская область) 28.06.1941 г.», где автор перепутал расположение штаба 20-й армии не в районе станции Красное и н.п. Красное на шоссе Москва – Минск, а в районном центре Красный. Но нельзя не заметить достаточно своеобразную версию, соединяющую сразу два варианта гибели генерала, которая в какой-то степени оказывается даже ближе, чем версия об убийстве собственной охраной⁶⁹.

Хуже всего дело обстоит с электронными интернет-энциклопедиями: и Википедия, и ее русифицированный аналог Рувики относят совхоз Белицу у Сенно не к Витебской, а к Могилевской области БССР, делая судьбу генерала Корнеева еще запутаннее.

Безусловно, мы продолжим исследовательскую работу по выяснению реальной судьбы генерал-майора А.Д. Корнеева в ту совсем не тихую июньскую ночь 1941 г. Мы также предпримем усилия и по выяснению нахождения могилы генерала в Красном Бору.

В этой связи просим откликнуться всех читателей, что-либо знающих о данном вопросе.

Виктор Кунцевич

**Воспоминания о боевых действиях войск 20-й армии на земле Смоленской в 1941 году⁷⁰
2-я часть**

«Гитлеровские генералы перед наступлением на Советский Союз придавали Смоленску особое значение, – вспоминает бывший командующий 20-й армией генерал армии П.А. Курочкин. – Отсюда, с высот у Смоленска, фашистский генеральный штаб предполагал на 40-й день войны начать последнее наступление без пауз и перерывов до Москвы и далее до Волги».

Бредовые планы гитлеровского генштаба проскользнули и в дневнике его начальника Гальдера, который 3 июля записал: «...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Однако уже первые бои 20-й армии на реке Березине, в Борисове, особенно в Толочине, Лепельском контрударе, показали, что Гитлер и его генштаб глубоко просчитались. И чем дальше фашисты прорывались вглубь нашей страны, тем очевиднее было, что его бредовые планы, как говорится, трещали по всем швам.

Вспоминается, как 30 июня крейзеровцы захватили в Толочине в плен немецкого майора, в портфеле которого оказалась оперативная карта штаба 47-го корпуса⁷¹. На ней значилось, что войска корпуса должны были 2 июля овладеть Смоленском. Но ведь от Толочина до Смоленска, наверное, не один десяток километров. Их-то фашистам надо было прогрызть.

Правда, в первые дни войны, как известно, противнику, не считаясь ни с каким потерями в живой силе и технике, удалось добиться немалых успехов.

11 июля враг захватил Витебск, подошел к Орше. Севернее и южнее Копыся форсировал Днепр. Нависла угроза выхода противника на левом крыле 20-й армии в направлении Орши, Дубровны, Красного, на правом – Лиозно, Рудни. Заметим, что в этих сражениях 20-я армия вела оборонительные бои с открытыми флангами.

Оперативное построение войск вначале было двухэшелонным, но в большинстве случаев не выдерживалось. То в одном, то в другом месте Военному совету приходилось вводить в бой войска второго эшелона, чтобы закрыть образующиеся дивизионные бреши.

19-я армия, которая должна была составлять эшелон фронта, только что разворачивалась. 16-я армия находилась в пути из-под Бердичева на Смоленск.

Таким образом, на Оршанско-Смоленском направлении до 10 июля фактически сдерживала главные силы группы армий «Центр» одна 20-я армия, руководимая генерал-лейтенантом П.А. Курочкиным, корпусным комиссаром Ф.А. Семеновским и генерал-майором Н.В. Корнеевым.

В неимоверно трудных условиях армии пришлось выполнять задачи: переходила к обороне в полосе 200-250 километров, наносила контрудар своими механизированными корпусами в тыл и во фланг Лепельской группировке противника, продолжала сосредоточение своих войск.

Более тридцати лет прошло. Старшее поколение помнит те первые грозные дни. Но нынешней молодежи, пожалуй, не все известно, какие трудности преодолели их отцы и деды в суровом сорок первом...

Тысячами смоленчан обыкновенной лопатой под бомбежками и пулеметным огнем вражеской авиации вырыты сотни километров противотанковых рвов, траншей, окопов. И, конечно, это была тоже битва за Смоленск.

К 10 июля Военный совет 20-й армии, штаб, политический отдел, весь коллектив частей и соединений сумели создать сплошной фронт обороны. Активной обороной, контрударами и контратаками удалось на главном стратегическом направлении остановить, сковать врага, измотать его, нанести противнику ощутимые потери, замедлить темпы вражеского наступления.

Только с 10 по 15 июля на Смоленской земле войска 20-й армии 22 раза контратаковали противника.

И во сто крат прав Герой Советского Союза М.А. Пронин – бывший командир прославленной 144-й стрелковой дивизии: «Мы тогда воевали не столько оружием, сколько железной стойкостью, мужеством, беззаветной преданностью Коммунистической партии и Советской Родине».

Да, сейчас трудно поверить, что пронинская дивизия, имевшая в своем составе 3850 активных штыков, сумела к вечеру 14 июля выбить из Рудни почти полторы дивизии противника и удерживать город больше суток⁷².

А ведь в одной немецкой дивизии насчитывалось до 16 тысяч солдат и офицеров. Разве это не яркий пример героизма и стойкости советских людей! Нам думается, что смоленские люди достойно оценят подвиг 144-й дивизии. И, конечно, для потомков увековечат доблесть воинов-героев, соорудят в Рудне памятник тем, кто отдал свою жизнь

в боях с немецкими захватчиками за наш родной город Рудню. Мы, ветераны 20-й армии, твердо верим в это. Они заслужили законное право.

В то время, когда 20-я армия прикрывала «Смоленские ворота», в ее тылу, северо-западнее и северо-восточнее Смоленска, развертывалась 16-я армия, имевшая в своем составе две стрелковые дивизии, которые прикрывали все дороги на Смоленск: 152-я дивизия – на рубеже Каспля, Возмище, Буда, станция Катынь, 46-я – ст. Корявино, Вейна, Колотовино.

В своих воспоминаниях «Смоленское сражение», на странице 48-й, покойный М.Ф. Лукин почему-то подчинил 57-ю танковую дивизию. Видимо, ошибочно приписав 57-й танковой дивизии бои под Красным с частями 152-й дивизии. Быть может, не следовало бы ворошить прошлое. Однако считаю своим долгом восстановить историческую справедливость.

Заранее оговоримся, что в тот период, который описывает генерал М.Ф. Лукин, 57-я танковая дивизия с 8 июля находилась в подчинении 20-й армии. И, конечно, ее воины-танкисты храбро сражались на Смоленщине, выполняя приказ только Военного совета 20-й армии. Для достоверности приведу выдержки из архивных документов штаба 20-й армии. Вот некоторые из них: оперсводка №17 за 11 июля: «57-я тд расположена в лесах в районе Гусино»⁷³; оперсводка №18 за 12 июля: «57-я тд в прежнем районе. Выделяет в Горки мотобатальон с танкrotой для уничтожения прорвавшегося противника»⁷⁴; оперсводка №20 за 14 июля: «57-я тд с 4.00 14.07 занимает Винные Луки, Черныши с задачей не допустить прорыва противника в Гусино»⁷⁵.

Далее М.Ф. Лукин вспоминает: «На рубеже река Свиная, Литивля, что 10 километров северо-восточнее Красного, вместе с 17-й танковой дивизией 5-го мк вел бои батальон капитана Орехова...» Не берусь судить, в каком районе в это время воевал Орехов, могу только добавить, что в полосе 17-й танковой дивизии такого батальона вообще не было. Да и дивизия стойко дралась с врагом совершенно в других районах.

Для исторической справедливости боевых действий указанных соединений считаю необходимым привести выдержки из доклада Военного совета 20-й армии Главкому на 22 часа 40 минут 14 июля: «5-й мк. 13-я тд ведет успешные контратаки с прорывающимся противником в направлении Гапоны, Марусиновка, 17-я тд – в районах Девинь, Ключовка. 57-я тд – на южной опушке леса на рубеже Литивля, Яково ведет бои с наступающим противником из района Красный»⁷⁶.

Полагаю, что приведенные выше архивные данные достаточны для того, чтобы достоверно показать боевые действия частей и соединений 20-й армии в те далекие суровые дни. А вот о тех боях, в которых действительно вместе сражались воины-герои 20-й и 16-й армий, к сожалению, почему-то Михаил Федорович Лукин умалчивал. И только изредка при встрече со мной Лукин говорил: «Особенно стойко дрался в Смоленске ваш 69-й корпус генерала Могилевчика. Волевой был генерал».

К исходу дня 15 июля в районах Зарубинки, Волоковой, Ново-Куприно, Архиповки, Катыни передовые части 20-й армии соединились с частями 16-й армии. С этого дня, собственно, исторически принято считать совместное трехнедельное сражение 16-й и 20-й армий за Смоленск.

Командующий 16-й армией много сделал для увековечения доблести воинов своей армии, в то время как командующий 20-й армией не помог смоленчанам разобраться в истории Смоленского героического сражения. Видимо, только поэтому в Смоленске поставили памятник воинам-героям 16-й армии. А где же братские могилы 20-й? Разве они не заслужили это законное право, чтобы к их могилам пионеры приносили цветы, чтобы комсомольцы и пионеры, вся молодежь Смоленска свято хранила Курган Бессмертия, несла почетный караул?

Мы, ветераны 20-й армии, надеемся, что допущенная историческая ошибка в ближайшее время будет исправлена.

Золотыми буквами в историю Смоленского сражения должна быть вписана рядом с 16-й армией и 20-я. Это необходимо для потомков, для исторической справедливости. Такое в народе не забывается.

[Следует отметить, что в заключении Военно-экспертной комиссии по вопросу оставления г. Смоленска нашими войсками 15-16.7.1941 года, которое вышло 9 февраля 1942 г. после изучения имеющихся документов, были даны следующие характеристики каждой из трех советских армий под Смоленском. 19-я армия: «Фактически с 16 июля 19-я армия как боевая единица перестала существовать и лишь отдельными частями в дальнейшем принимала участие в боях за г. Смоленск. Управление армией было нарушено и восстановить его в дальнейшем не удалось». В то же время 20-я армия получила крайне лестный отзыв: «20-я армия, ведя упорные бои, последовательно сдерживала противника на ряде рубежей, прикрывая центральное направление на Смоленск. Более 10 дней, благодаря умелому управлению командования армии, немецкие войска вынуждены были оттягивать на этот участок значительную часть своих сил Витебской и Оршанской группировок. Несмотря на значительное превосходство в силах, особенно в технике, немцам на этом участке сколько-нибудь значительных успехов добиться не удалось. Лишь после того, как армия, испытывая острую потребность в боеприпасах и горючем, в результате 10-дневных боев в окружении отошла к Смоленску, немцам удалось подойти к городу...»⁷⁷

Командование же 16-й армии подверглось критике за первые дни обороны города: «Со стороны командования 16-й армии, знавшего о тяжелом положении города, реальных мероприятий проведено не было, и вся борьба с наступающим противником была передана в руки только начальнику гарнизона»⁷⁸].

А тем временем события у Смоленска развертывались с особой напряженностью. 16 июля противник смял слабо прикрывающий участок 16-й армии и ворвался на южную окраину Смоленска. Правда, командарм 16-й пытается свалить вину на трудности, показывая, что кроме отряда Буняшина у него ничего не было.

Я хорошо помню разговор члена Военного совета 20-й армии Семеновского с членом Военного совета 16-й армии Лобачевым на КП штаба армии в лесу вблизи Анципирово.

Как правило, отдел связи всегда размещался почти рядом с землянками командующего и члена Военного совета. Вернувшись с линии, примостившись на самодельном столике под огромной елью возле нашей землянки, наносил обстановку из оперсводки на свою карту. В это время от Курочкина вышли Семеновский и Лобачев. Как я понял, продолжали разговор, видимо, начатый у Курочкина. В каких-то 10 метрах от меня они остановились. И тут же Семеновский сказал: «Не сердись, Алексей, за правду, проворонили вы Смоленск».

Но, к сожалению, у Михаила Федоровича Лукина все получалось просто. Приведу еще один пример. На странице 50-й [книги] «Смоленское сражение» командующий 16-й говорит: «Начальник штаба армии полковник Шалин М.А., приехав на командный пункт командира 57-й танковой дивизии полковника Мишулина в Гусево, приказал мотострелковому полку майора Оськина ночью перейти в наступление на выручку батальона Ахундова» (который попал в окружение – прим. В.К.).

Я не помню такого случая, чтобы кто-либо из других вышестоящих штабов мог отдать любое приказание той части, которая не входит в его подчинение, да еще без ведома штаба, приказ которого выполняет эта часть. К слову сказать, 57-я танковая дивизия в эти дни была настолько втянута в тяжелые бои, из которых трудно было взять не только полк, а даже один взвод. Если я не прав, пусть поправят меня те, кто прошел всю войну в крупных штабах.

Бои не затихали ни днем, ни ночью. Враг бешено развивал наступление в направлении Рудни, Голынок, Каспли, Смоленска, вдоль автостреды с запада пытался захватить перекресток дорог автострада – Витебское шоссе⁷⁹. Но командир 69-го ск

генерал Е.А. Могилевчик умело использовал свои стрелковые части, артиллерию, нанес врагу на Витебском шоссе мощный удар. Противник, понеся большие потери, бросил в бой против 69-го корпуса свежую 35-ю пехотную дивизию.

20-я армия прочно оборонялась фронтом на запад и юг, обеспечивая себя с севера, наносила удар противнику, наступающему на Смоленск с севера и северо-запада⁸⁰.

5-я пехотная дивизия противника с танками сосредоточилась в районах Выдры, Вертихово, Каспли, вела оборонительные бои с частями 69-го стрелкового корпуса⁸¹. Из Рудни моточасти врага, поддерживаемые танками, безуспешно пытались развивать наступление вдоль Витебского шоссе. Канонада не затихала ни на один час. Враг бросал все новые и новые силы. 20-я армия с тяжелыми боями отходила на рубеж река Каспля, озеро Куприно, река Днепр и наносила удар в северо-восточном направлении с целью разгрома 5-й пд противника и группировки, расположенной на коммуникациях армии юго-западнее Духовщины.

В ночь на 24 июля соединения 20-й армии занимали оборонительный рубеж:

144-я сд – Мал. Возмище, Волоковая, Шеханы;

229-я сд – (иск.) Шеханы, Пискарево, Дубровка, Мирское, Куприно;

73-я сд – (иск.) Куприно, Ладыжицы, Борок, Гнездово, Новоселье.

Штаб армии из лесов Анципирово перешел в лес вблизи совхоза Жуково. А в другом лесу, напротив, размещался штаб 16-й армии⁸².

Разгорелось Смоленское кровопролитное сражение. Против 16-й армии действовало три танковых, две мотопехотных и часть сил дивизии СС «Рейх». Против 20-й армии действовали: 15-я пд наступала с Юшина на станцию Ополье, 5-я пд – на Верховье, Волоковую, 35-я пд прорывалась на Куприно, Борок, 28-я пд противника развивала наступление в направлении Буда, Куприно.

20-я армия имела в своем составе пять (73-ю, 144-ю, 153-ю, 229-ю, 223-ю) стрелковых дивизий и три (13-ю, 17-ю, 57-ю) танковых дивизии, понесших немалые потери как в людях, а также и в технике.

16-я армия имела пять (46-ю, 127-ю, 129-ю, 152-ю и 158-ю) стрелковых дивизий, которые вместе с дивизиями 20-й армии стойко сражались за каждый дом, улицу, за каждый клочок Смоленской земли.

Таким образом, против наших двух армий, надо сказать, понесших немалые потери в предыдущих боях, враг сосредоточил три танковых, две мотопехотные и пять пехотных дивизий. Кроме того, 20-я и 16-я армии сковали три танковых и одну мотопехотную дивизию группы генерала Гота. Всего в Смоленское сражение было втянуто шесть танковых, три мотопехотных и пять пехотных дивизий противника. Двенадцать из них понесли потери в Смоленской битве на 80-85%. Эта уже была в те суровые дни немалая победа над врагом.

В своем прежнем воспоминании я говорил, повторяться вновь нет смысла. О Смоленском сражении немало сказано и написано в военно-исторической и мемуарной литературе, однако, к сожалению, нет полного, я бы сказал, законченного труда, в котором отражалось мужество и героизм советских людей, ставших на защиту своей Родины. Конечно, это нелегкое дело. Но мне думается, что Смоленская эпопея 1941 года ждет своего автора. И все мы, участники Смоленской битвы, вместе со смоленчанами надеемся на то, что Смоленское сражение сорок первого займет свое место в истории Великой Отечественной войны.

Откровенно, я и не пытаюсь охватить весь ход событий. Мне, как участнику тех сражений и офицеру штаба 20-й армии, хочется восстановить доблесть воинов-героев 20-й армии, которые в неимоверных трудностях, в кровопролитных и неравных боях отдали свою жизнь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на Смоленщине.

И здесь трудно сказать, какой армии воин-герой лучше воевал, а какой хуже. Все советские люди, руководимые Коммунистической партией, стояли насмерть и одержали

победу над врагом. Они, именно они принудили гитлеровское командование перейти к двухмесячной обороне на главном Смоленско-Московском направлении. Это главное.

К нашему удивлению, на страницах печати, да и в некоторых мемуарах, нет-нет да и проскользнет неточность, искажение. Так, например, покойный М.Ф. Лукин [в книге] «Смоленское сражение», на стр. 54 пишет: «К этому времени закончились бои севернее Красного и у станции Гусино, где противнику удалось сломить наше сопротивление. Подразделения 152-й стрелковой дивизии отошли в районе станции Катынь, Гнездово...»

Как офицер штаба 20-й армии, свидетельствую, что под Красным и Гусино 152-й стрелковой дивизии вообще не было. 152-я стрелковая дивизия с рубежа Каспля, Возмище, Буда, станция Катынь, передав этот рубеж частям 69-го стрелкового корпуса, отошла непосредственно в город Смоленск, где и дралась до последней возможности.

Почти до 28 июля войска 20-й армии прочно удерживали рубеж: 233-я сд – Дуброво, Пениснарь; 153-я – Анастасьино, Нижняя Дубровенка (западная окраина Смоленска); 73-я – Нижняя Дубровенка, Гнездово, река Днепр; 229-я – Рясина, Печерск, Корохоткино; 57-я танковая дивизия была сосредоточена на рубеже Щекино, Прудиче, Корниловка с задачей нанести удар во фланг 7-й танковой дивизии врага, занимающей оборону Ярцево–Строгово.

Фронт 20-й армии имел протяженность 20-25 километров в виде эллипса, с открытыми флангами. Коммуникации уже были к этому числу врагом перерезаны. Не обеспечивался подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего даже в самые критические дни. Военный совет 20-й армии силами трех дивизий (153-й, 73-й, 144-й), 5-м мехкорпусом и 57-й танковой дивизией наносили удар по Духовщинскому плацдарму противника, который пытался охватить 20-ю и 16-ю армии, группу войск Рокоссовского с севера, чтобы в какой-то степени улучшить свободу маневра правого крыла войск Смоленской группировки⁸³.

К вечеру 26 июля ценой больших потерь врагу удалось замкнуть кольцо по реке Днепр у Соловьевой переправы и, таким образом, войска Смоленской группировки оказались в оперативном окружении. Стало ясно, что Смоленск будет нашими войсками оставлен.

В эту же ночь командующий 20-й армией генерал-лейтенант П.А. Курочкин был назначен Главкомом, командующим Смоленской группировкой войск с подчинением штаба и войск 16-й армии. Разгорелись бои в окружении.

Утром 27 июля на командном пункте штаба 20-й армии состоялось совещание командармов, членов Военных советов и начальников штабов 20-й и 16-й армий. На этом совещании присутствовали командир 5-го мк генерал И.П. Алексеенко и командир 69-го ск генерал Е.А. Могилевчик. Было принято решение: 16-я армия отходит по левой стороне шоссе Минск – Москва, 20-я – по правой.

Члены Военных советов Ф.А. Семеновский и А.А. Лобачев с начальниками политотделов армий обсудили план партийно-политической работы в новых сложных условиях боя: темы политбесед, содержание дивизионных и армейских газет. Предусмотрели, как лучше расставить коммунистов и комсомольцев в частях, главным образом, на слабых участках. Во всех частях и подразделениях проводились партийные и комсомольские собрания, с бойцами – короткие митинги.

Вспоминаются слова Михаила Федоровича Лукина, сказанные в очерке «За каждую улицу, за каждый дом»: «И даже в такое, очень тяжелое время для армий, ни один из нас не произнес: „Надо отступать и прорываться на восток“. Мы сказали: „Будем продолжать драться за Смоленск“».

Июльское лето на редкость выдалось жарким и сухим; там, где на Смоленщине было непроходимое болото, теперь войска с тяжелой техникой и обозами свободно продвигались. Горели деревни, горели смоленские леса. Вражеская авиация буквально висела над нами. Днем и ночью она бомбила наши войска.

Но наши армии жили, сражались и наносили врагу мощные удары. Были штабы, был политический аппарат, партийные и комсомольские организации, во главе которых стоял член Военного совета 20-й армии корпусной комиссар Федор Алексеевич Семеновский. Они цементировали воинские коллективы. Постоянно находясь в массах, своим личным примером в бою, железной стойкостью, не зная усталости, правдивым и доходчивым словом помогали людям пережить те суровые дни.

Войска 20-й армии вели упорные бои, отражая яростные атаки врага на западе, севере и северо-восточнее Смоленска, одновременно подвижными частями прокладывали путь на восток.

57-я танковая дивизия к исходу дня 28 июля овладела совхозом Шокино. До двух батальонов 129-й пд противника, не выдержав натиска танкистов, откатились на северо-восток. 5-й мехкорпус захватил Зайцево, Терехи. 69-й стрелковый корпус в течение 28 и 29 июля успешно отражал атаки врага на своих флангах, не давая ему нанести рассекающий удар частей корпуса.

Противник, пытаясь рассечь армии и уничтожить их войска по частям, 28 июля перерезал шоссе Смоленск – Дорогобуж. Положение армий еще больше ухудшилось.

29 июля в районе Шейновки противник прорвал оборону 46-й дивизии 16-й армии и развил наступление вдоль шоссе Смоленск – Москва. 30 июля 16-я армия, сдерживая противника, наступающего в направлении Колодня, Днепр до Облогино, пыталась отбросить врага и восстановить прежнее положение. Однако выполнить эту задачу армии не удалось. Далеко не равны были силы.

В это же время 20-я армия отражала непрерывные атаки 129-й пехотной дивизии противника и сдерживала натиск 8-й, 28-й, 35-й и 137-й пехотных дивизий врага, не позволив ему вклиниться в армейскую полосу обороны. Ее 229-я дивизия с частью 5-го мк пробивалась к Днепру. 31 июля вышла на рубеж севернее Ляхово, Пневская слобода.

В помощь войскам 20-й и 16-й армий, прорывающимся к Днепру, шли на выручку группа генерала Хоменко, имевшая в своем составе три стрелковые дивизии, группа генерала Калинина, наступавшая с востока на запад, группа генерала Рокоссовского, действующая навстречу 16-й и 20-й армиям, и группа генерала Качалова, шедшая от Рославля на Смоленск. Генералу Рокоссовскому к 1 августа удалось разорвать вражеское кольцо окружения Смоленской группировки войск. Путь к переправам был открыт.

Тот, кому в те июльско-августовские дни удалось побывать на Соловьевой переправе, надеюсь, никогда не забудет, какое это было тяжелое сражение!

Смоленские люди свято чтут память о тех, кто отдал свою жизнь за честь и свободу Советской Родины. И, конечно, на склонах седого Днепра будет в ближайшее время поставлен памятник героям Соловьевско-Ратчинской переправы.

Последним испытанием для войск 16-й и 20-й армий был отход за Днепр. Наведенные мосты через Днепр у Соловьево и Ратчино были противником разбиты. Наведение их вновь производилось под воздействием вражеской авиации. Военный совет 20-й армии, объединивший под своим командованием всю Смоленскую группировку войск, приказал командиру 5-го мехкорпуса генералу И.П. Алексеенко совместно с 73-й и 229-й сд нанести 2 августа удар в направлении Ратчино, где и переправиться на восточный берег Днепра.

Командир 73-й дивизии полковник А.И. Акимов получил приказ Военного совета направить отряд, усиленный одним танком и двумя бронетранспортерами 5-го мк, в направлении Гринцово, Надва, Мигово, Леонидово, Рыжково с задачей занять прочную оборону на рубеже Стариново–Рыжково, всей матчастью удерживать его до окончания переправы через Днепр.

57-й тд и 1-й мсд [приказано] отходить в направлении Михайлово, Пищино, где и переправиться на восточный берег Днепра. 69-й ск (144-я и 153-я сд), прикрываясь 233-й сд, выйти к утру 3 августа в район Пнево, Заборье. Рубежами прикрытия были определены реки Большой Вопец, Хмость, Надва, Орля.

Разведка мест переправы войск армии была начата еще 29 июля. Уже тогда ею было установлено, что отдельными отрядами противник захватил плацдармы на западном и восточном берегах Днепра.

К утру 3 августа войска 16-й и 20-й армий подошли к западному берегу Днепра на участке Задня, Заборье, прикрываясь арьергардами на реках Хмость, Морево, Надва, Малиновка⁸⁴.

20-я армия вела упорные бои с противником, пытавшимся не допустить частей армии к переправам. В отдельных случаях враг переодевал своих солдат в красноармейское обмундирование и бросал их в бой, выдавая за советские войска. Но враг просчитался. Наши части сразу обнаружили их и быстро уничтожили.

В 6.00 3 августа части 229-й дивизии, вышедшие в район Морева, соединились с левофланговыми частями Рокоссовского и начали переправу в районе Заборья.

На рассвете 4 августа штаб 20-й армии и войска начали переправляться через Днепр у Соловьево и Ратчино. Раненых, артиллерию, танки и штабы переправляли в первую очередь.

Взошло жаркое августовское солнце. Туман рассеялся над рекой. Вражеская артиллерия и минометы бьют по переправам. Одна стая стервятников сменяет другую. Они бомбят переправы, скопление наших войск, обстреливают пулеметным огнем. Люди бросаются в воду, переплывают Днепр. Не умеющие плавать – тонут... Саперы буквально под адским огнем врага, не обращая никакого внимания на разрывы снарядов и бомб, стараются как можно быстрее восстановить разрушенный мост.

Находясь на Соловьевой переправе при командарме П.А. Курочкине, я наблюдал не единичные случаи, когда снаряд прямым попаданием поражал переправу, двух-трех саперов волной отбрасывало далеко в Днепр, а оставшиеся в живых, не обращая никакого внимания на вражеский обстрел, продолжали работу...

Смотришь, иной политрук или батальонный комиссар переплывет с группой бойцов на восточный берег, потом бегом возвратится обратно, возьмет следующую группу... К сожалению, в моей памяти не сохранились имена героев. Но, быть может, следопыты местных школ возьмутся за благородное дело?

Примерно в 7-8 часу утра кто-то из командиров-танкистов подошел к генералу Курочкину, доложил:

– Генерал Алексеенко тяжело ранен. Разрешите переправить...

А когда солдаты проносили на носилках генерала, Курочкин снял фуражку, подошел к нему, открыл шинель, молча посмотрел в его бледное, почти безжизненное лицо. Он лежал с закрытыми глазами, с забинтованной головой. Потом Курочкин, повернувшись, вытер платком глаза⁸⁵.

Да, генерал П.А. Курочкин любил людей, ценил их достоинство. Насколько мне помнится, не было такого случая, чтобы Павел Алексеевич, даже в самой трудной обстановке, кого-либо из нас, штабных офицеров, отругал или повысил голос. Он всегда был вежлив в обращении, внимателен к людям, в то же время требовательным военачальником. Генерал армии Павел Алексеевич Курочкин и сейчас такой, как это было 30 лет назад.

Спустя несколько дней мы узнали, что командир 5-го мехкорпуса генерал-майор танковых войск Илья Прокофьевич Алексеенко в военном госпитале №290 скончался, похоронили его где-то в Вязьме.

Я знал генерала Алексеенко по фронтовым дорогам первых дней войны. Встречался с ним в боевой обстановке под Витебском, Сенно, Оршей и Смоленском. Волевой, стойкий и мужественный был генерал. Механизированный корпус, которым командовал генерал И.П. Алексеенко, нанес не одной гитлеровской дивизии тяжелое поражение, в особенности в районах Сенно, Орша, Гусино, Смоленск. За героизм и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года Алексеенко был награжден орденом Ленина.

Долгое время, даже спустя 26 лет, могила генерала оставалась неизвестной. И вот юные патриоты – красные следопыты Воздушного полка имени Гастелло, эскадрильи 6-А средней школы №2 города Вязьмы – после упорных поисков в апреле 1967 года нашли его могилу. А благодарные вязьмичи 13 июля 1968 года со всеми воинскими почестями перенесли останки И.П. Алексеенко на воинское кладбище и похоронили рядом с могилами генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова и корпусного комиссара (генерал-полковника) Ф.А. Семеновского.

На Ратчинской переправе был ранен и командир 69-го стрелкового корпуса генерал-майор Евдоким Андреевич Могилевчик, судьбу которого я долго не знал. Но спустя много лет узнал, что Евдоким Андреевич благополучно выбрался из-под Ратчина, долго лечился в Москве. Потом храбро сражался на фронтах. Закончил войну и встретил первый день победы в Берлине. Умер в 1947 году.

Таким образом, войска 20-й армии после трехнедельного героического Смоленского сражения 4 августа, переправившись на восточный берег Днепра, заняли оборону:

1) 144-я сд (командир генерал-майор М.А. Пронин, военком бригадный комиссар А.И. Власов) – по восточному берегу Днепра, Соловьево, излучина Днепра, что один километр севернее Заборья;

2) 153-я сд (командир полковник Н.А. Гаген, военком полковой комиссар М.А. Хлызов) – излучина реки Днепр, один километр севернее Заборья, высота 179,1, Колодези;

3) 73-я сд (командир полковник А.И. Акимов, военком полковой комиссар М.А. Клименко) – Шегаки, Колодези, Клемятино;

4) 229-я сд (командир генерал-майор М.И. Козлов, военком полковой комиссар М.М. Гаврилов) – Теренино, лес южнее Теренина;

5) 233-я сд (командир полковник Г.Ф. Котов, военком старший батальонный комиссар А.С. Зарецкий) – Запрудье;

6) 161-я сд (командир полковник А.И. Михайлов, военком полковой комиссар А.И. Орлов) – Плещеево, Шульгино до станции Приднепровская, загнув фланг в сторону железнодорожного полотна Смоленск – Ельня⁸⁶.

Танковые и механизированные части отводились в резерв Ставки, которые после переправы сосредотачивались: 5-й мк – в лесу южнее Подхолмицы, 57-я тд – лес северо-западнее Теренина и 1-я мсд – лес севернее Городка.

Штаб армии разместился в дремучем лесу вблизи деревни Новоселки-Васильки. Штаб тыла – в Дорогобуже, армейская станция снабжения – станция Сафоново.

Соседом слева была 24-я армия, справа – 16-я армия.

7 августа на КП штарма прибыли командующий фронтом маршал С.К. Тимошенко, член Военного совета фронта дивизионный комиссар Д.А. Лестев, генерал-майор К.К. Рокоссовский, дивизионный комиссар А.А. Лобачев. Генералу М.Ф. Лукину на переправе придавило машиной ногу, и его на командный пункт доставили в машине⁸⁷.

Генерал П.А. Курочкин и корпусной комиссар Ф.А. Семеновский пригласили всех в землянку.

– Останемся здесь, – сказал Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Затем под вековым размашистым дубом Тимошенко и Лестев поздравили П.А. Курочкина, Ф.А. Семеновского, М.Ф. Лукина и А.А. Лобачева с правительственными наградами – орденами Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1941 года), а потом маршал сообщил об изменении в руководстве армий. Генерала П.А. Курочкина отзывала Ставка⁸⁸. В нашу армию был назначен генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, в 16-ю – генерал К.К. Рокоссовский.

Михаил Федорович Лукин принадлежал к тому поколению генералов, которые нелегкую службу в Красной Армии начали в дни октября 1917 года.

Новый командарм, как и Павел Алексеевич Курочкин, скоро завоевал уважение в нашем штабном коллективе. Общительный по характеру, вежливый в обращении, он

располагал к себе людей. Его дополнял член Военного совета Федор Алексеевич Семеновский. И сколько мне помнится, за все время, в течение которого Лукин командовал войсками 20-й армии, у них никогда не возникало разногласий. Он остался таким же до последних дней своей жизни. М.Ф. Лукин длительное время оказывал мне неоценимую помощь в розыске могилы Ф.А. Семеновского на Смоленщине.

Совершенствуя оборонительный рубеж, войска 20-й армии продолжали активные действия – развивали наступление с целью выдвижения левого крыла армии на рубеж Заборье, станция Приднепровская, станция Добромино.

На рассвете 7 августа подвижной отряд 144-й сд атаковал противника на рубеже Митьково, но овладеть им не смог. 153-я сд продолжала укреплять занимаемый рубеж севернее Заборья, высоты 179,1, Колодези и частью сил перешла в наступление с задачей овладеть Ляховом, совхозом Морево. 73-я сд, развивая успешное продвижение, в 7.00 11 августа заняла укрепленный узел противника Колодези, отбросив до батальона вражеской пехоты с танками в направлении Белая Грива, Березня. Среди убитых немцев были найдены трупы полковника и подполковника.

161-я сд (после неудачной атаки нашей авиации Клемятина), наступавшая с рубежа Сельцо, Горбы, высота 224,8 в направлении Клемятина, успеха не имела. 129-я сд двумя полками вела наступление на противника в районах Горобицы, Лугиново, прикрывая участок Ченцово, Михайловка, продолжала наступление на Клемятино, но, атакованная танками и мотопехотой противника из леса западнее Горобицы, отошла на северную окраину Горобицы, южные скаты высоты 269,⁷⁸⁹.

После неудачных попыток контратаковать наши позиции враг был вынужден на этом участке перейти к обороне.

Таким образом, войска 20-й армии, ведя непрерывные бои с танками и мотопехотой противника, развивая наступление в южном направлении, частными атаками сковали значительные силы группы армий «Центр». Армия же танковых частей не имела. Ее 5-й мк, 57-я тд и 1-я мсд после переправы через Днепр ушли в резерв Ставки и были расформированы⁹⁰. И лишь только к 10 сентября Ставка передала армии 128-ю танковую бригаду⁹¹. Но одна танковая бригада на всем участке армейской линии, конечно, обеспечить выполнение задачи не могла.

А на участке 20-й армии, как сообщалось в те суровые дни в сводках, днем и ночью «шли бои местного значения и поиски разведчиков». Но какие это были бои! Откровенно, войска вели кровопролитное сражение, сковывая и изматывая врага, не давая ему ни днем, ни ночью покоя, обеспечивая развертывание Резервного фронта. Это было тогда главное.

Для подтверждения событий привожу дословно боевой приказ Военного совета 20-й армии №55 от 16 августа 1941 года:

«Противник силой до пять полков перешел к обороне на рубеже Макеево, Митьково, Дуброво, лес южнее Головино, Малиновка, Суборовка, Клемятино, Нов. Яковлевский, пытаясь на отдельных участках безуспешными контратаками сдерживать наступление наших частей.

20-я армия, прочно удерживая рубеж реки Днепр и высоты западнее Ратчино, Пашково, левым крылом продолжает наступление с задачей овладеть Сопшино, Добромино, Клоково, Глинка.

Справа 16-я армия обороняет реку Днепр. Граница с ней прежняя. Слева 107-я сд 24-й армии наступает в направлении совхоз Беззабот.

144-й сд прочно обороняет реку Днепр на участке переправа Соловьево, лес 2 км вост. Логуново, имея передовые отряды у Макеево, Пнево и Митьково. Смену частей 153-й сд от изгиба реки Днепр до леса восточнее Логуново произвести в ночь на 17.8. Граница слева: Новоселки, (иск.) Осово, (иск.) Лагуново, (иск.) Машкино.

153-я сд, прочно удерживая реку Днепр на участке Лагуново, надпись Сарай (4 км южнее Головино), во что бы то ни стало обеспечить за собою высоты западнее Ратчино, Головино, восточная часть леса южнее Головино. В ночь на 18.8, передав участок (иск.)

Головино, Сараи 229-й сд, занять исходное положение (иск.) Ляхово, (иск.) Дуброва, Головино для наступления в направлении Федурно.

Граница слева: Zubovo, Колодези, надпись Сараи на западном берегу реки Днепр, совхоз Морево.

73-й сд 16.8, продолжая наступление, к исходу дня занять Сопшино, жел.-дор. мост; передовыми отрядами, удерживая луг западнее Сараи, захватить южную опушку леса восточнее Колпино и Малиновка.

В дальнейшем, прочно обеспечив за собою занятый район, подготовить наступление в направлении Малиновка, Колпино, Гончарово. Граница слева: Слизово, Березня, Ердцы, Сопшино.

161-й сд, продолжая с утра 16.8 наступление, к исходу дня занять Добромино, станцию Клоково.

В дальнейшем, прочно удерживая этот рубеж, занять одним полком Сопшино, железнодорожный мост восточнее станции Приднепровская, обеспечивая левый фланг 73-й сд. Граница слева прежняя.

129-й сд, продолжая с утра 16.8 наступление, к исходу дня овладеть рубежом Клоково, Глинка.

229-й сд, продолжая укрепление рубежа Ковали, Боровка, к 24.00 17.8 сосредоточиться в лесу, 2 километра северо-западнее Колодези и к 4.00 18.8, переправившись через реку Днепр, сменить части 153-й сд и 73-й сд, занять исходное положение для наступления на участке (иск.) Головино, надпись Сараи на западном берегу реки Днепр в готовности наступать в направлении совхоза Морево. Не менее полутора стрелкового полка иметь на восточном берегу реки Днепр»⁹².

20-я армия, преодолевая укрепления и контратаки противника, развивала наступление в южном направлении; прикрывая себя с запада, вела усиленную разведку в направлении Соловьево, Ратчино, Сопшино, Пашково. Нашей артиллерией было рассеяно в Ердцах до батальона пехоты противника. Враг отходил к высоте 169,7.

У устья реки Надвы артиллерия подавила две батареи и обратила в бегство пехоту противника.

229-я сд, развивая наступление в направлении станции Добромино, к 14.00 передовыми частями заняла высоту 239,6. Около 18.00 враг нанес контрудар во фланг дивизии, но продвинуться не смог. Все контратаки были отбиты с большими потерями для врага. К 22.00 дивизия достигла рубежей Мотова, высота 249,9.

153-я сд успешно развивала наступление и к 14.00 овладела северными скатами безымянной высоты и северной опушкой леса юго-западнее Вишняков. Дивизия 23 августа нанесла врагу большой урон. Он оставил на поле боя свыше 600 солдат и офицеров. Были захвачены немалые трофеи и пленные.

На участке 161-й сд к 16.00 обстановка осложнилась, завязались тяжелые бои. В 17.00 командир дивизии полковник Л.Ф. Москвитин ввел в бой резерв. Сломив упорное сопротивление противника, дивизия продвинулась в направлении Вишняки, безымянная высота, южнее кладбища Чувахи, и к 20.00 ее передовые части вышли на рубеж Вишняки, высота 205,9.

129-я сд, наступая на Клемятино, встретила сильный минометный и пулеметный огонь противника, успеха не имела⁹³.

25 августа армия готовилась продолжать наступление на юг. Но около 8.00 из района безымянная высота, что восточнее Суборовки, в направлении высоты 249,9 враг перешел в контратаку.

Усиленным огнем нашей артиллерии вражеская атака была отбита. 161-я сд захватила безымянную высоту южнее кладбища Чувахи. В этом бою гитлеровцы потеряли около 800 солдат и офицеров, 8 танков, три орудия, отошли в прежнее положение⁹⁴.

28 августа войска 20-й армии занимали прежние рубежи и готовились к частичной перегруппировке. В течение ночи и утра противник вел методический артиллерийский и

минометный огонь из Пнева по узлам дорог и расположениям войск в районах Кушково, Климово, Добриково, Сапшино. Ответным огнем нашей артиллерии на участках Макеево, Пнево, юго-западнее Пашково части армии уничтожили несколько минометов и орудий, подавили пулеметные гнезда и рассеяли до трех батальонов пехоты противника⁹⁵.

Направленец Западного фронта полковник А.В. Васильев докладывал фронту, что на одном из участков 20-й армии противник применяет разнообразные формы провокационных действий. Например, 15.08 из района населенного пункта Н противник трижды переходил в атаку. Солдаты противника были пьяны. Атаки отбиты с большими потерями для врага.

В ночь на 18.08 одна из частей (144-я сд) в пункте Н. (урочище Нивки) была контратакована противником. Атака сопровождалась провокационными выкриками на русском языке.

В ночь на 19.08, в момент нашего наступления на пункт Н. (Нивки), противник через громкоговоритель вел провокационную агитацию на русском и немецком языках. В ответ наши части пункт Н. подожгли.

20.08 одна наша часть, переправившись через реку Н. (Надва), была встречена контратакой противника в сомкнутых боевых порядках. Наши части контратаку врага отбили с большими потерями для противника. Противник в беспорядке отброшен в прежнее положение.

19.08 рота противника, переодетая в красноармейскую форму, контратаковала наши части в районе пункта Нивки. Контратака отбита с большими потерями для врага⁹⁶.

Из приведенных данных видно, что враг применял все средства, весь свой разбойничий арсенал, все формы провокаций против наших войск. Но безуспешно. Наши воины-герои, разгадав уловки врага, наносили ему поражение за поражением.

Ниже приводятся дословно телеграфные переговоры командующего 20-й армией генерала М.Ф. Лукина с командующим Западным фронтом маршалом С.К. Тимошенко от 2 сентября 1941 года:

– «Товарищ Лукин! Доложите кратко, что сделано к исходу дня, что делается ночью и какая перспектива рисуется на завтра?

– Товарищ маршал! После 40-минутной артподготовки четыре дивизии перешли в 10.00 в наступление, преодолевая целый ряд минных полей, две полосы проволочных заграждений, окопы полного профиля, блиндажи, ДЗОТы и встречая упорное сопротивление на всем участке, особенно со стороны Пнево и леса, что южнее Дуброво, Головино, причем этот лес со всех сторон сплетен проволокой с блокгаузами. Части вышли: Пронин (144-я сд), река Водва, что километр южнее Скрушево, роща южнее урочища Нивки, восточная окраина Митьково, сейчас продолжается бой за овладение Ляхово с захватом его с северо-востока и юга.

Сильный артиллерийский и минометный огонь противника из района Пневская Слобода нами не мог быть подавлен из-за отсутствия спецкабеля для работы звуковзводов и отсутствия наблюдения корректировки с воздуха⁹⁷.

Гаген (153-я сд) ведет бой за рощу Ляхово. Москвитин (161-я сд) захватил Дуброво, закрепляется в 300 метрах от Бабеева. Левый фланг его ворвался в восточную опушку рощи, что южнее Головино. Частью сил захватил восточную опушку леса, что южнее Дуброво. Одним батальоном во взаимодействии с Акимовым (73-я сд) стремится срезать противника в лесу южнее Головино. Акимов, преодолевая минные поля и два ряда проволочных заграждений, вышел 1,5 километра западной линии Сараев, помогая Москвитину отразить противника. В лесу левый фланг Акимова, переправившись через Днепр, ведет бой за Малиновку.

Для характеристики их боеспособности можно отметить такой факт, что проволоку, как правило, под пулеметным и минометным огнем резали ножницами и рубили лопатой, а в некоторых местах, в частности, в лесу у Москвитина, переходили

проволоку через брошенные шинели. За день боев противнику нанесено большое поражение.

Пленные подтверждают наличие перед фронтом этих частей пехотой дивизии, которая три дня тому назад была полностью пополнена. Наше наступление, по словам пленных, было неожиданным.

Козлов (229-я сд) в 17.00 перешел коротким ударом в направлении с высоты 249,9 на юг и сумел продвинуться на 500 метров. Филатов (46-я сд) содействует артиллерийским огнем Козлову.

Филатов сидит широко. Приказал ему иметь в запасе два маленьких (?). Большого выделить не могу. Завтра после короткого огневого налета продолжаю выполнять Ваш приказ. Настроение бодрое и уверенное»⁹⁸.

Войска 20-й армии своим правым крылом и центром в течение дня 4 сентября вели упорные бои на укрепленной полосе противника. Уцелевшие после часовой артподготовки опорные пункты врага, занятые его пехотой в окопах, переплетенных проволокой, оказывали упорное сопротивление.

144-я, 153-я и 161-я сд в течение дня четыре раза переходили в атаку, подходили к проволочным заграждениям, резали проволоку, но всякий раз огневые точки противника, закопанные на обратных скатах, фланговым огнем отбивали наступающих.

73-я сд своим правым флангом вела тяжелые бои с противником на северной опушке леса южнее Пашкова и рубеже западнее Сарай.

Батальон 392-го сп в результате ожесточенного боя у хутора юго-восточнее Сапшина был атакован противником из леса Еردةцы, отошел юго-восточнее Сапшина. Утром полк перешел в наступление и восстановил прежнее положение.

229-я сд на прежних позициях вела активную разведку и укрепляла свои оборонительные рубежи.

129-я сд к 19.00 достигла восточной опушки леса высоты 222,8.

128-я танковая бригада сосредотачивалась в районе Быкова, Савина⁹⁹.

На 16 сентября 20-я армия имела задачу прочно обороняться по реке Днепр, Соловьево, Сапшино, Мотово, Чувахи, высота 224,8, река Устром до Праслово, уделяя особое внимание прочности обороны своих флангов и стыкам с 16-й и 24-й армиями.

Полоса обороны армии с 16 сентября по 5 октября была:

144-я сд занимала оборону справа от 16-й армии по реке Днепр, Соловьево, Заборье.

73-я сд – Заборье, по реке Днепр, Сарай, река Нерипица, Злыдня, Сапшино.

129-я сд – Березня, Мотово, Лобзино, Чувахи, Самоболтаевка.

229-я сд занимала рубеж Васюки, Екимово, Юркино, Ромаданово, переходила в армейский резерв, в котором уже находились 128-я тб, – Быково и отдельный кавполк – хутора Федоровские.

В полосе 20-й и левого крыла 16-й армий действовали части 9-й и 3-й полевых армий противника. Против нашей 144-й сд – 8-я и 137-я пд, против 73-й сд – 263-я пд, против 129-й сд – часть сил 263-й и 137-й пд, усиленные артиллерией и всей 3-й танковой группой врага¹⁰⁰.

10 сентября в 20-й армии произошло четвертое изменение командующих. Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин принял 19-ю армию. В нашу 20-ю перешел генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков¹⁰¹. Генерал-лейтенанта И.С. Конева Ставка назначила командующим Западным фронтом вместо перешедшего на Юго-Западный фронт маршала С.К. Тимошенко. И только по-прежнему корпусной комиссар Ф.А. Семеновский оставался в 20-й старожилом. Но спустя много лет я узнал из архивных документов, что и его дважды пытались отозвать (19 августа он назначался вторым членом Военного совета Западного фронта, а 5 сентября – первым членом Военного совета Резервного фронта).

Как-то в разговоре с М.Ф. Лукиным я спросил:

– Михаил Федорович, помните ли Вы, почему Семеновский тогда остался в 20-й?

Лукин ответил:

– Семеновский, да и мы, командармы, видели, что от этих перебросок добра не жди... Ты покопайся в архивах, найдешь его докладные в ЦК и лично Сталину...

К сожалению, найти указанных документов пока не удалось.

В течение августа и сентября войска 20-й армии, ведя боевые действия, упорно трудились над укреплением своего рубежа, добиваясь наибольшей плотности огня как на переднем крае, так и в глубине обороны.

Все дивизии имели вторые эшелоны, а армия свой резерв. Из числа коммунистов и комсомольцев (политбойцов) создавались отряды истребителей танков. Они устраивали завалы, смело пробивались в тыл врага и дерзко нападали на фашистские танки.

Во всех частях и соединениях проводились занятия по разработанной штабом армии программе. В полках отрабатывали с личным составом приемы рукопашного боя, действия кинжалом, штыком, преодоление минных полей, проволочных заграждений, действие разведчиков, взятие без шума «языка». Обучали бойцов, особенно новичков, технике борьбы с танками и авиацией противника.

В Дорогобуже уже работали курсы младших лейтенантов, а в дивизиях – младших командиров.

20-22 августа на командном пункте в Новоселках состоялось армейское совещание секретарей ротных партийных и комсомольских организаций. В совещании участвовало 352 человека, в том числе военкомы полков и дивизий.

– Пора обобщить опыт партийно-политической работы в частях, прежде всего в ротах, на батареях, – говорил в докладе корпусной комиссар Ф.А. Семеновский.

Как опытный политработник, он считал, что рота должна стать центром всей партийно-политической работы на войне. Именно в роте можно оказать наиболее эффективное влияние на весь личный состав полка в деле повышения боеспособности, стойкости в бою. И он постоянно требовал, чтобы основное внимание военкомов сосредотачивалось именно на ротных партийных и комсомольских организациях.

Командующий М.Ф. Лукин, член Военного совета А.Ф. Семеновский, штаб, политотдел армии целые дни и ночи находились в войсках. Они помогали командирам частей совершенствовать оборону – создавать систему огня, строить новые ДЗОТы, завалы, заграждения, траншеи полного профиля с ходами сообщения, минные поля, а также организовывать партийно-политическую работу в ротах, на батареях – требовали повышения стойкости, организации всех сил и средств на отпор врагу.

Но уже в первой половине сентября в разведсводках армии и соседей отмечалось, что противник готовится возобновить наступление. Враг подтягивал в район Рудни, Смоленска, Духовщины, Ярцева, Монастырщины новые силы встык 16-й и 19-й армиям, правого крыла 20-й армии.

В полосе 20-й армии противник в конце сентября активных действий не проявлял, а продолжал сосредоточение своих сил в районе Кардымово, Соловьево, станция Пересветово, Макеево, Малиновка.

Военный совет, оценивая обстановку, 10 сентября издал приказ войскам – активизировать боевую разведку всех видов, действиями сильных разведотрядов держать противника в постоянном напряжении, дезорганизовывать работу его штабов, тыла, вскрывать замыслы, резервы, его ближайшие намерения.

Анализируя сложившуюся обстановку на вяземско-московском направлении и выполняя приказ фронта, Военный совет 16 сентября представил командующему фронтом план боя, задачи и решения армии по организации прочной обороны, бои первого эшелона, возмещение армейских резервов и исходное положение войск для нанесения контрударов врагу. Ниже дословно приводится план 20-й армии от 16 сентября 1941 года:

«1. Сведение о противнике»

Всей системой войсковой, агентурной и воздушной разведки установлено наличие перед фронтом армии части 8-й, 137-й и 263-й пд противника, усиленных артиллерией и

всей 3-й танковой группой. Одновременно подтверждается сосредоточение в районе Кардымово двух-трех пехотных дивизий противника и не менее 300 танков (одна пополненная или не менее двух полнокровных танковых дивизий) в готовности к переходу в наступление в ближайшие дни.

2. Наступление противника ожидается:

а) Силами двух-трех пд (в первом эшелоне) и до двух пд (во втором эшелоне) в направлении Соловьево, Коровники, Дорогобуж.

б) И на этом же направлении до 300 танков (одна-две дивизии), которые по условиям местности могут быть построены также в два эшелона, причем второй танковый эшелон с задачей развития прорыва после преодоления тактической глубины обороны войск 20-й армии.

в) Вспомогательный удар враг может нанести силою 1,5-2-х пд в направлении Алексеево, Васюки, Усвяты.

г) Наступление пехоты и танковой группировки противника возможно на стыке с 24-й армией в общем направлении на Дорогобуж, Вязьма.

д) Одновременно следует ожидать наступления крупных пехотных и танковых сил противника в Ярцевском районе, наступление врага в полосе 16-й и 24-й армий связывает резервы этих армий, резервы фронта и предопределяет необходимость вести бой, рассчитывая только на свои части, входящие ныне в состав 20-й армии.

3. Задачи 20-й армии и решение на организацию обороны.

20-я армия прочно обороняет занимаемое положение, уничтожая эшелонированными в глубину армейскими резервами прорывающиеся части противника, не допустив их выхода [в район] Дорогобуж, Вязьма. Главные усилия армии сосредотачиваются на ее флангах. Главным образом на правом фланге.

Общая протяженность фронта обороны по спрямленной линии равна 54 километрам. Опираясь на подготавливаемые оборонительные рубежи, оставить в первом эшелоне 144-ю сд (471-й, 783-й сп) и 129-ю сд. Две дивизии (229-ю и 73-ю), каждая без одного полка, иметь во втором эшелоне для контрудара прорвавшемуся в глубину противнику. Передовое охранение оставить на западном берегу реки Днепр и в районе Злыдня.

4. Оборонительные участки и плотность обороны.

а) 144-я сд обороняет участок устье реки Вопь, Заборье, стык дорог (1,5 километра южнее Заборье), протяженностью 16 километров.

б) 471-й сп 73-й сд обороняет участок стык дорог (1,5 километра южнее Заборье) до Мотово – протяженностью 11 километров.

в) 129-я с 783-м сп и кавалерийским полком обороняют рубеж Мотово, хутора Ново-Брыкино – 27 километров.

Предположение, что фронт главного удара противника в районе Соловьево будет равен примерно в 3,5 километра, то на этом участке мы будем иметь дивизионной артиллерии и артиллерии усиления по 10-18 орудий на километр главного удара противника (без минометов и противотанковой артиллерии), с учетом выдвижения огневых позиций артиллерии 73-й стрелковой дивизии.

На участке 129-й сд общая артплотность равна, примерно, 3 орудия на километр фронта. На возможных направлениях главного удара противника артиллерийская плотность (с учетом артиллерии 229-й сд) добавится:

а) на направлении Алексеево, Васюки – до 13-ти орудий на километр,

б) Ново-Яковлевичи, Горовицы – до 20-ти орудий на километр.

5. План боя.

1) Считая, что в составе боевых порядков частей первого эшелона отсутствуют резервы (из-за малочисленности частей и большой протяженности фронта обороны), главные усилия войск сосредотачиваются на поражение противника перед передним краем, на переднем крае.

2) Одновременно для частей первого эшелона подготавливаются: а) на участке 144-й сд две отсечные позиции фронтом на север и северо-запад: первая – Сверколучье, хутор Пустой, река Устром. Вторая – (иск.) Челновая, Часовня, Кушково, озеро Старый Днепр; б) три батальонных района: первый – Ковали; второй – Козы, Челновая; третий – Елча; в) на фронте 129-й сд – второй рубеж обороны Кучерово, Васюки, Слободка, Вишняки, Петрово, река Варсиха; г) армейская отсечная позиция – Новоселки, Балакирево, Смородинка, Красный Холм, хутора Теренино.

6. Бои частей первого эшелона.

1) При прорыве противника на правом фланге части 144-й сд должны нанести поражение противнику на переднем крае, отрезать пехоту от танков, не допустить его продвижения далее рубежа Свирколучье, Коровники, устье реки Устром, обеспечив развертывание и ввод в бой армейских резервов. 2) При развитии главного удара противника на левом крыле армии 129-я сд с той же задачей, последовательной обороной на первом и втором рубежах, должна обеспечить развертывание и ввод в бой частей 73-й и 229-й стрелковых дивизий.

7. Возмещение армейских резервов.

1) 73-я сд (без 471-го сп и 2-го дивизиона 562-го гаубичного артиллерийского полка) сосредотачивается в районе Ковали, Челновая, Подхолмица, Михайловка, имея задачу подготовить противотанковый район на один полк – Ковали, Челновая, Елча. Противотанковый район на один батальон – Подхолмица. Остальными частями дивизия подготавливает и остается в противотанковых районах Заборье, Михайловка.

2) 229-я сд (без 783-го сп), находясь Привольная, хутора Федоровские, подготавливает отсечную позицию – Новоселки, Балакирево, Смородинка, хутора Теренино.

8. Исходное положение для контрударов.

а) В случае, когда главный удар противник будет наносить в районе Коровники, 73-я сд развертывается на рубеже Ковали, Козы, обеспечивая свой правый фланг, наносит удар на Свирколучье, Соловьево. 229-я сд – Челновая, (иск.) Часовня, Кушково, наносит удар на Коровники, Соловьево.

б) В случае, когда удар противника направлен по левому флангу армии, 229-я сд развертывается на рубеже Балакирево, Смородинка, наносит удар на Юркино, Антипино. 73-я сд – Красный Холм, хутора Теренино, наносит удар противнику Тишково, Ведерники»¹⁰².

Таким образом, Военный совет 20-й армии принимал все возможные меры, направленные на достойный отпор врагу, даже теми средствами, которыми располагал в те суровые дни. Однако выполнить эти мероприятия Военному совету, к сожалению, не удалось.

26 сентября Военным советом был получен приказ фронта, которым приказывалось усилить бдительность, всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника. Подготовить артиллерию для контрнаступления.

С каждым днем обстановка на вяземско-московском направлении становилась тревожней и тревожней. Все данные сводились к тому, что враг вот-вот возобновит наступление. В полосе нашей армии было спокойно, конечно, спокойствие относительное. Хуже дела шли у соседей.

27 сентября Военный совет вновь получил боевое распоряжение фронта: «... мобилизовать все силы армии, дивизий, включая тыловые части и учреждения, с целью закопаться в землю, отрыть окопы полного профиля в несколько линий и ходами сообщения. Построить проволочные заграждения, противотанковые препятствия, ДЗОТы...»

Во второй половине дня 27 сентября в штаб армии прибыл командующий фронтом генерал-полковник И.С. Конев вместе с членом Военного совета Н.А. Булганиным. В

землянке командарма состоялось совещание командиров и военкомов соединений 20-й армии.

А когда генерал И.С. Конев вышел из землянки, прощаясь, Ершакову и Семеновскому сказал: «Обратите внимание на левый фланг армии и на юг...» Командарм и член Военного совета доложили, что они понимают всю сложность обстановки на стыке с 24-й армией Резервного фронта.

Как потом из военно-исторической литературы и архивных документов стало известно, противник на Московском направлении к концу сентября 1941 года сосредоточил почти миллионную армию в составе 78-ми отборных дивизий, около 2000 танков, до 1000 самолетов, тысячи орудий и другой разной техники. Против 30-ти слабоукомплектованных стрелковых дивизий, 2-х моторизованных, 3-х кавалерийских дивизий и 4-х танковых бригад Западного фронта враг бросил 48 хорошо укомплектованных, отборных дивизий.

Еще в первой половине августа запасной командный пункт 20-й армии был построен вблизи Дорогобужа, в большом лесу западнее города, недалеко от деревни Дежино. Пять раз штаб армии переходил из Новоселок в Дежино.

Весь день 1 октября над нами шли стая за стаей немецкие самолеты. Последние стервятники прошли, когда уже темнело. И все стихло. Но мы, фронтовики, хорошо помним, какой обманчивой бывает на фронте тишина.

В ночь на 2 октября в штабе армии и войсках никто не спал. Последний раз уточнялись все детали предстоящего боя. А на рассвете 2 октября, как говорил покойный М.Ф. Лукин, «земля дрогнула».

Как известно, противник силами 3-й танковой группы и 9-й полевой армией нанес мощный удар в направлении Холм-Жирковского, встык 19-й и 30-й армий. Гитлеровские войска, неся огромные потери, к исходу 2 октября сумели прорвать оборону фронта и на отдельных участках вклинились в глубину нашей обороны на 10-15 километров.

В это время штаб Западного фронта из Касни перешел в район Красновидова, западнее Можайска.

3 октября враг овладел Холм-Жирковским, вышел в тыл 19-й армии, которой уже командовал генерал М.Ф. Лукин. Обозначился прорыв противника с севера.

Второй удар силами 4-й танковой и 4-й полевой армий враг нанес на Спас-Деменском направлении против войск 24-й армии, соседом справа была 20-я армия. 4 октября противник вышел в район Спас-Деменска, Ельни.

Таким образом, войска 20-й армии западнее Дорогобужа оказались охваченными вражескими войсками с обоих флангов. Нависла реальная угроза окружения. Во второй половине дня 6 октября танковыми и моторизованными соединениями, а также высаженным восточнее Вязьмы крупным воздушным десантом юго- и юго-западнее Вязьмы враг замкнул кольцо окружения. Разгорелось тяжелое и кровопролитное сражение наших войск в окружении.

2 октября на участке 20-й армии противник производил огневую и войсковую разведку с целью выявления системы нашей обороны и огня. В районах Митькова, Ляхова, из восточной опушки леса южнее Головина, из оврагов устья реки Нерипицы враг силою до взвода автоматчиков пытался ворваться в расположение наших войск.

В 9.00 гитлеровцы произвели несколько коротких артналетов по частям, расположенным на рубеже Коровников. На остальных участках армии велась редкая артиллерийская и пулеметная перестрелка. Положение частей 20-й армии было без изменений¹⁰³.

Таким образом, в полосе 20-й армии противник вел разведку на второстепенных участках, не выявляя себя на основных направлениях, маскируя истинные намерения. Гитлеровское командование наносило удар на двух главных направлениях, затягивая в мешок немалые силы наших войск, стоявших насмерть на главном, Московском направлении. А тем временем войска 20-й армии продолжали укреплять свои рубежи и

бдительно следили за происками врага. Противник в течение ночи на 3 октября активности на нашем участке не проявлял. Только всю ночь освещал ракетами наш передний край. Наши дивизии оборонялись на прежних рубежах. Штаб 20-й армии по-прежнему размещался в Новоселках¹⁰⁴.

Весь день 3 октября 20-я армия своими передовыми отрядами успешно отражала повторные попытки противника прорваться на отдельных участках в наше расположение. Главные силы армии продолжали подготовку своих оборонительных рубежей. Положение частей оставалось без изменений¹⁰⁵.

С рассветом 4 октября войска армии по-прежнему на своих рубежах отражали атаки мелких групп противника и вели наступательные бои.

144-я сд своими передовыми частями вела напряженные бои на западном берегу Днепра, отражая неоднократные атаки небольших групп противника. Ее 471-й сп правым флангом прочно удерживал рубеж (иск.) устье реки Нерипицы, Поганое, Байдик. Левым – в течение ночи вел упорные бои за овладение Белой Гривой.

129-я сд, удерживая рубеж реки Устром, вела ожесточенные бои в районе высоты 221,7, Чувахи, Самоболтаевка; 457-й полк, усиленный одним батальоном 343-го полка и тремя эскадронами кавполка, 4 октября перешел в наступление северо-западнее Сельца, севернее Слизова, высота 220,1.

229-я сд, содействуя частям 144-й дивизии, к полуночи вышла на исходный рубеж Кучерово, Милеево, захватила Белую Гриву, Клемятино. Преодолевая упорное сопротивление врага, к 16.00 4 октября овладела Сельцом, подошла к высоте 235,6 и северной окраине Самоболтаевки¹⁰⁶.

Вечером 4 октября штаб 20-й армии перешел на запасной командный пункт в Дежине, а войска по-прежнему на своих рубежах отражали яростные атаки врага и продолжали бои за восстановление положения в районах Белая Грива, Самоболтаевка, Клемятино. Но уже 5 октября обстановка на фронте 20-й армии резко ухудшилась. Враг перешел в наступление, прорвал оборону и развивал удар в направлении Дорогобуж–Вязьма, пытаясь рассеять армию по частям. Угроза окружения перед войсками армии встала во весь рост. На всем участке фронта шли упорные бои. Гитлеровцы бросали в бой танки, пехоту. Канонада не затихала ни на один час. Вражеская авиация непрерывно бомбила наши части, дороги, особенно шоссе Минск – Москва. Пылали пожарища в смоленских деревнях.

В ночь на 6 октября соединения 20-й армии, теснимые врагом, по приказу Военного совета фронта начали организованный отход в направлении Вязьмы.

– В этих случаях, – говорил М.Ф. Лукин, – можно было бы просто сняться с рубежей, оторваться от врага и избежать окружения. Но оторвутся ли войска, успеют ли отойти и занять новый рубеж? Основная тяговая сила в войсках – лошади, а противник хорошо моторизован, он может легко смять наши дивизии и невредимым выйти на ближние подступы к Москве¹⁰⁷.

Что верно, то верно. И Военный совет 20-й армии принял решение отходить от рубежа к рубежу медленно, с боями, сдерживая и изматывая врага.

К рассвету 7 октября обстановка в полосе 20-й армии еще больше ухудшилась. Войска 24-й армии, отходившие в направлении Дорогобужа, вышли на оборонительный участок 20-й армии и нарушили план отхода частей 20-й армии.

Командир 144-й стрелковой дивизии генерал-майор М.А. Пронин получил приказ на выход к рубежу Красное, с одновременным продвижением на восток и выходом на рубеж Козелки. 9 октября дивизия вышла в район деревни Семлево и завязала упорные бои с противником, захватившим в 15.20 7 октября Семлево.

В этом бою был смертельно ранен военком дивизии, бригадный комиссар А.И. Власов. Вскоре Алексей Иванович скончался. Обязанности его принял находившийся в дивизии представителем Военного совета военком тыла 20-й армии бригадный комиссар Лебедев.

В дальнейшем дивизия по приказу Военного совета, прорвав немецкое кольцо окружения в районе Семлева, мелкими группами пробивалась с боями в районах Дашковка, Босово, Савинка, Лысково, Быково, Аксентьево, Пушкино. 17 октября в районе Дорохова вышла и соединилась с основными силами Западного фронта.

Остальные наши дивизии (129-я, 73-я и 229-я) к 10 октября вышли юго- и юго-западнее Вязьмы и в районах Семлево, Дятлово, Поляново, Гришино, Селиваново завязали тяжелые бои с танковыми и моторизованными дивизиями противника.

Свидетельствую о том, что все наши дивизии и отдельные части, хотя и понесли в жестоких и кровопролитных боях под Вязьмой значительные потери, прорвались из окружения и соединились с войсками фронта. Они так же стойко и мужественно сражались под Москвой.

5 октября, возвращаясь из 229-й дивизии на командный пункт штаба армии, который перешел из Дежина на место находившегося нашего 208-го запасного стрелкового полка (забыл точное название пункта), около 16.00 дня я встретил в лесу южнее Вязьмы члена Военного совета корпусного комиссара Ф.А. Семеновского. Он стоял возле своей выдавшей виды эмки и разговаривал с незнакомым мне майором, уточняя по своей карте обстановку¹⁰⁸. Заметив меня, Семеновский прервал разговор с майором, приказал мне находиться при нем. Потом добавил:

– Вон там, в кустах, стоит наша радиостанция, идите и добивайтесь связи со штабом фронта.

Вскоре и сам пришел, поднимаясь к нам в машину, спросил:

– Ну как, молчит?

Штаб Западного фронта на позывные не отвечал. Всю ночь на 6 октября начальник радиостанции младший лейтенант Сорокин со своими радистами непрерывно вызывал штаб фронта. На радиостанции безотлучно находился Ф.А. Семеновский. Связаться нам тогда со штабом фронта так и не удалось. Пробовали вызвать Москву, но, видимо, ввиду устаревших радиоданных Москва тоже не отвечала.

С рассветом Ф.А. Семеновский решил поехать в Вязьму. Везде по дорогам отходили наши войска. Отходило и население. И, конечно, проехать было не так-то легко. Мы въехали в город со стороны Селиванова, в лесу которого должен был находиться штаб нашей армии.

Узкие улочки забиты обозом, машинами, людьми. Свернули в сторону, под небольшим деревом остановились. И тут увидели идущего в нашу сторону полкового комиссара, хорошо знакомого Семеновскому. Окликнули его. Он остановился и, заметив нас, быстро подошел, представился.

Семеновский, протягивая ему руку, шутя заметил:

– На ловца и зверь бежит.

И сразу же спросил:

– Где штаб и командующий фронтом?

Полковой комиссар доложил, что штаб и командующий два дня тому назад из Касни переехали куда-то в район Гжатска, а дивизионный комиссар Д.А. Лестев, мол, здесь, в Вязьме.

– Коль, говоришь, начальник политуправления фронта здесь, значит, порядок, веди быстрее, – приказал Ф.А. Семеновский.

Собор отыскиали быстро. Он стоял на небольшой возвышенности. В его подвале находились Д.А. Лестев, генерал-майор К.К. Рокоссовский, дивизионный комиссар А.А. Лобачев – член Военного совета 16-й армии, секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Попов, несколько незнакомых мне генералов, офицеров и гражданских лиц с автоматами и винтовками.

Семеновский со всеми тепло поздоровался и спросил Лестева:

– Где найти штаб и командующего фронтом?

– Уехали в район Гжатска, – ответил Лестев.

И тут же предложил Семеновскому немедленно ехать в Волоколамск и там вступить в командование новой армией.

Семеновский, не раздумывая, заявил:

– Войска армии дерутся под Вязьмой, там штаб и командарм, а я – член Военного совета, как бы удираю от своих войск. Я должен ехать только к своим войскам.

Его поддержали К.К. Рокоссовский, А.А. Лобачев и Д.М. Попов.

Потом, обращаясь к Лестеву, Семеновский спросил:

– Какие будут указания? Мне ехать пора.

– Под Москвой тяжелое положение. Быстрее выходите к Москве.

Больше Лестев Семеновскому ничего не сказал. Из Вязьмы мы выехали проселочной дорогой в сторону Селиванова, вблизи которого находился штаб нашей армии.

8 октября Военный совет 20-й армии обратился к своим войскам: «...Столица нашей Родины в смертельной опасности... Любой ценой удержим бешено рвущегося фашистского зверя... Будем достойными сынами Великой партии Ленина! Коммунисты и комсомольцы, будьте в передовых рядах!.. Смерть немецким захватчикам!» – так заканчивалось это обращение.

И воины-герои 20-й армии с честью выполнили перед Советской Родиной воинский долг. Они стояли насмерть. В жестоких боях, истекая кровью, отбивали атаку за атакой и наносили гитлеровцам большие потери.

Как сейчас свидетельствуют многочисленные документы, в октябрьское Вяземское сражение 1941 года было втянуто 28 отборных вражеских дивизий, нацеленных на Москву, которым так и не удалось выйти на свои рубежи, предусмотренные операцией «Тайфун».

Очень теплые слова о героях Вяземской битвы сорок первого сказаны Маршалом Советского Союза И.С. Коневым в книге «Битва за Москву»: «Войска 19-й, 20-й, 24-й и 30-й армий – это воины-герои, и перед ними все мы склоняем головы...»

Часто, обдумывая пережитое на войне, вспоминаю, как тогда под Вязьмой вместе с корпусным комиссаром Ф.А. Семеновским мы приехали в 129-ю дивизию, стойко сражавшуюся вблизи деревни Гришино. Командир дивизии генерал-майор А.И. Городнянский доложил:

– Моральный дух бойцов и командиров высок. Люди дерутся стойко. Боеприпасы на исходе, но до утра продержимся. В полках создали команды по сбору снарядов и патронов... Делаем, товарищ корпусной комиссар, все возможное.

Да, советские воины-герои в те суровые дни и ночи под Вязьмой сделали не только все возможное, а почти невозможное. Они своим мужеством, отвагой и стойкостью, беззаветной преданностью Ленинской партии и Матери-Родине сковали в смоленских лесах главные силы группы армий «Центр» и не позволили им развить наступление на Москву.

Не помню такого случая, чтобы кто-либо из бойцов даже в самую отчаянную минуту бросил винтовку, поднял руки... Да разве только один я это помню! Тот, кому судьбой войны довелось быть участником вяземских сражений, надеюсь, скажет то же самое, что и я. Но вернемся к событиям далеких дней.

Вечером 8 или 9 октября (точно не помню) начальник радиостанции младший лейтенант Сорокин вручил командующему радиogramму генерала М.Ф. Лукина. Ершаков молча ее прочитал и передал Семеновскому.

Ф.А. Семеновский, прочитав радиogramму, сказал:

– Да, драгоценное время потеряно.

И тут же передал ее мне. Она долгое время хранилась в моей сумке. Но при переходе линии фронта в составе 45 вооруженных бойцов и командиров в районе Волова Тульской области 18 ноября 1941 года вместе с картой и другими документами была

сдана в штаб полка 3-й армии. Название полка, конечно, кто мог нам, «окруженцам», тогда сказать?

В радиোগрамме М.Ф. Лукин сообщал, что он назначен командующим Вяземской группой войск и что им отдан приказ войскам на прорыв и выход в полосу 20-й армии, якобы здесь меньше немцев. Но какое там меньше! В ней, как сейчас помню, упоминалось о радиোগраммах И.В. Сталина и И.С. Конева. Содержание дословно не помню, но, очевидно, Верховный и командующий фронтом требовали быстрейшего прорыва и выхода войск к Москве.

К 10 октября положение частей и соединений крайне осложнилось. В это время с 73-й и 144-й дивизиями радиосвязь прекратилась. И только по-прежнему радиосвязь была с соседней 19-й армией, а через нее и со штабом фронта. С другими армиями никакой связи не было.

Военный совет 20-й армии, оценивая сложившуюся обстановку (отсутствие боеприпасов, продовольствия, медикаментов) в ночь на 10 октября донес радиোগраммой генералу М.Ф. Лукину и командующему фронтом И.С. Коневу: «Боеприпасы на исходе. Положение войск критическое. Отдаем приказ войскам на самостоятельный прорыв и выход к Москве»¹⁰⁹.

Всем нашим (229-й, 73-й, 144-й, 129-й, 108-й, 112-й) дивизиям и другим частям с кровопролитными боями удалось прорваться из окружения и соединиться с войсками фронта. В дальнейшем они героически громили немцев под Москвой. Остальные части 20-й армии мужественно сражались под Вязьмой почти весь октябрь, потом мелкими группами пробивались к своим. Многие ушли в лес и доблестно воевали в партизанских отрядах.

С утра 10 октября разгорелись упорные бои за деревню Селиваново. Она несколько раз переходила из рук в руки. Гитлеровцы бросали танки, канонада не затихала ни на один час. Вражеская авиация буквально висела над нами. Порой казалось, что здесь и места живого нет. Но стоило только подняться немецкой пехоте, как все оживало.

Вспоминается такой эпизод (а их было сотни), как тогда неподалеку от нашего командного пункта, в небольшом соснячке, прямой наводкой громила фашистов наша артбатарея. На батарее осталось в живых только двое тяжелораненых героев – лейтенант и сержант, да две пушки.

За несколько часов жаркого боя герои подбили три немецких танка и отбили не одну атаку врага. Оба героя погибли. К сожалению, никто не знает их славных имен, так они, очевидно, и остались без вести пропавшими.

И еще один эпизод из боев за деревню Селиваново. Участник этого боя И.В. Псурцев, проживающий ныне в городе Славянске Донецкой области, пишет мне: «После непрерывных дней упорных боев в то самое хмурое утро на опушке леса заняли оборону. В числе других бойцов из нашего 228-го отдельного саперного батальона нас было двое: я да старший сержант Лаптуновский. Остальные бойцы из разных подразделений нашей 152-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Чернышев.

Здесь же доукомплектовали наш взвод, в который мы с Лаптуновским попали вместе. Командир взвода, лейтенант, назначил меня своим помощником. Получив скудный сухой паек, кое-кто начал разводить костры, но тут же нам запретили, чтобы не демаскировать. А как только начало рассветать, пошли в бой. Перешли небольшой ручеек, вышли на бурьянистое поле, бесшумно подошли к деревне.

Справа и слева с криком „ура“ наши бойцы неудержимо ринулись на врага, засевшего в деревне Селиваново. Ни разрывы снарядов и мин, ни сплошной пулеметный огонь, ни крики и стоны раненых не могли нас остановить. Горела земля, горели крестьянские избы. Но вскоре фашисты, не выдержав нашего упорного натиска, бросились наутек. За какие-то считанные минуты адского боя мы вторично захватили деревню Селиваново и продвинулись на километр, полтора...»

Шел седьмой час напряженного боя. Немцы, видя, что им никак не удастся уничтожить нас, решили нанести одновременно двойной удар, намереваясь отсечь селивановскую группу от основных сил 20-й армии, а затем окружить и уничтожить.

Подбросив значительные силы, в 9-м часу противник повел наступление против правофланговой группы войск, которой командовал военком штаба 20-й армии бригадный комиссар В.Я. Михайлов. В другом месте, левее, где командовал начальник политотдела 20-й армии бригадный комиссар П.С. Афиногенов, фашисты пошли в лобовую атаку.

В это время юго-восточнее Селиванова немцам удалось потеснить наши части. Западнее деревни, со стороны железнодорожного полотна Вязьма–Брянск прорвалась немецкая пехота. Создалось угрожающее положение.

В 10-м часу был тяжело ранен начальник штаба 20-й армии генерал-майор (ныне генерал-лейтенант в отставке) Н.В. Корнеев.

Корпусной комиссар Ф.А. Семеновский под охраной бойцов отправил на повозке раненого генерала в безопасное место и сам лично руководил боем.

Оценивая обстановку, особенно на правом фланге, Ф.А. Семеновский приказал В.Я. Михайлову нанести удар в направлении железнодорожного полотна, прорвавшихся немецких автоматчиков уничтожить. В дальнейшем пробиваться в направлении Кайдаково, Исаково, Дубенск, выходить лесами к Москве. Бригадный комиссар П.С. Афиногенов получил приказ сковать противника юго-западнее Селиванова, изматывая его, с боями отходить в общем направлении на Гжатск.

Бригадный комиссар В.Я. Михайлов, воодушевляя бойцов и командиров, подавая им пример стойкости и отваги, вместе с ними отбивал яростные атаки врага. Одновременно он принимал решительные меры к ликвидации вражеского полукольца, образовавшегося на правом фланге.

В последний раз Василий Яковлевич поднял бойцов в контратаку, и с многоголосным «ура» немцы были смяты и далеко отброшены. Он бежал, размахивая автоматом, увлекая за собой бойцов, но тут же скошенный фашистской пулей комиссар рухнул прямо в густую траву. Похоронили мы тогда Василия Яковлевича Михайлова на опушке леса юго-западнее Селиванова¹¹⁰.

Спустя 20-30 минут прибежавший офицер (сейчас не помню кто), запыхавшись, доложил Ф.А. Семеновскому, что убит Афиногенов, но ту территорию, на которой осталось тело Афиногенова, захватили немцы.

К 12 часам в четвертый раз мы выбили немцев из деревни Селиваново. Дальше пробиться не смогли, потому что кроме винтовки и штыка, автомата, гранат и саперной лопаты у нас уже ничего не было.

На освобожденной местности среди убитых Афиногенова мы тогда не нашли. И только спустя 26 лет мне удалось установить, что полковой комиссар Кудрявцев и бригадный комиссар (ныне генерал-майор в отставке) Н.В. Толмачев вынесли с поля боя тело Петра Степановича и где-то в лесу похоронили. Партбилет и орден Ленина Н.В. Толмачев вынес из окружения и сдал в политуправление Западного фронта. Вот почему мы тогда не нашли убитого Афиногенова. Раскрылась мучившая меня долготелая тайна.

Но через час-полтора ценой больших потерь фашистам удалось вновь вернуть деревню и юго-западнее Селиванова небольшую группу наших войск отрезать от основных сил 20-й армии, в которой в числе других командиров был и корпусной комиссар Ф.А. Семеновский.

Надо правду сказать, что только к вечеру 10 октября, а не 2-3 октября, как это, к сожалению, некоторые мемуаристы пытаются утверждать, всякая связь с дивизиями и генералом М.Ф. Лукиным прекратилась. Посланные делегаты штаба армии назад не вернулись. Многие отделы из-под Сафонова на последний селивановский командный пункт не прибыли.

Кроме начальника оперативного отдела полковника Неранина, двух-трех его помощников, пяти связистов, трех офицеров разведотдела, нескольких человек особого,

шифровального отделов, политотдельцев и до роты охраны штаба при командующем и члене Военного совета из офицеров штаба никого не было. Но в боях за Селиваново, прорыв у которого был намечен, многие из них погибли, а некоторые, очевидно, ушли с войсками. В одной контратаке под этой деревней потерялся командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.Н. Ершаков. Все наши попытки разыскать его не увенчались успехом.

Много лет спустя, после войны, я узнал, что Ершаков под Вязьмой попал в плен¹¹¹ и в концлагере Хаммельбург весной 1942 года умер.

Таким образом, к вечеру 10 октября при Семеновском в числе других находились: полковник Неранин, майор или подполковник (точно не помню) Ужинский, пишущий эти строки, его секретарь Василий Гамаюнов, особист старший политрук Гугняев и другие, фамилий которых не помню. Понесся немалые потери, мы отошли в лес, заняли круговую оборону. Но и немцы уже не пытались преследовать нас.

Корпусной комиссар Ф.А. Семеновский, усевшись на пеньке, долго рассматривал карту, командирской линейкой прикинул куда-то расстояние, обвел карандашом какой-то кружок на карте, а затем встал, поправил ремень, противогаз, забросил за спину автомат и, как бы советуясь с кем-то, сказал:

– Ночью попробуем прорваться. Сидеть ни одной минуты нельзя.

Вскоре к нему подошел майор-артиллерист, доложил, что у него имеется три орудия с небольшим количеством снарядов. Подошел капитан-танкист, у которого два танка и несколько штук снарядов, а у пехотинца, батальонного комиссара, – три станковых и шесть ручных пулеметов и больше роты бойцов.

Слушая доклады командиров, Семеновский заметил:

– Жидковато. Враг силен. Но риск и героизм благородное дело.

Он собрал в лесу все наличные силы, сформировал несколько подразделений и в ночь на 11 октября организовал прорыв из немецкого кольца.

Осенние дни коротки. Уже вечерееет. В лесу почти темно. Вторые сутки, не прекращая, лил проливной дождь пополам со снегом. Вернувшись, разведчики доложили, что в деревне Селиваново фашисты закапывают в землю танки.

Семеновский прервал доклад разведчиков, сказал:

– Ага! Выдохлись, горючего нет...

Далее разведка доложила, что в сторону железной дороги немцы выставили усиленный заслон с танками и артиллерией.

Ф.А. Семеновский с командирами подразделений провел короткое совещание, на котором поставил задачу: в час тридцать минут внезапно атаковать врага, прорвать немецкое кольцо, броском перейти полотно железной дороги, углубившись в лес, с запада обойти Вязьму и продвигаться лесами в направлении ушедших наших войск.

Как только стемнело, немцы трассирующими пулями открыли беспорядочную пулеметную стрельбу. Взвиваются в небо немецкие ракеты, освещая местность.

Заняв исходное положение, Ф.А. Семеновский посмотрел на свои карманные часы, сказал: «Пора!». И сразу же подал команду «Огонь!».

Все, что было собрано Семеновским в лесу, мгновенно обрушилось на врага. Но фашисты встретили нас плотным пулеметным и автоматным огнем. Завязался жаркий бой, переходящий в рукопашную схватку.

В суматохе и темноте я потерял из виду Семеновского. Бросился в одну сторону, в другую. И вдруг вижу: прямо на меня из-за кустов направляются три здоровенных фрица. Прижавшись к стволу толстого дерева, я скосил их автоматной очередью. И вблизи заметил Семеновского. Метким ударом он разил фашистов. Когда подбежал я на выручку, он как раз в это время огрел автоматом фашиста по голове, тот с визгом упал. Тут же я дал короткую очередь, сбив несколько немцев, наседавших на корпусного комиссара Ф.А. Семеновского.

Около часа продолжался неравный бой. У каждого из нас тогда было одно желание: во что бы то ни стало прорваться к своим войскам.

Так, например, командир взвода лейтенант Жук на глазах своих бойцов бросился в гущу немцев, метнул в них гранату. Уложил около десятка врагов. Осколком гранаты и сам был убит.

Старшина Анохин в рукопашной схватке прикладом винтовки и штыком убил немало немцев. Будучи трижды раненым, истекая кровью, он бросился на вражеский пулемет и гранатой уничтожил его.

Два красноармейца Дубченко и Козлов, подкравшись, забросали гранатами немецкую пушку. А те, у кого кончились патроны, громили фашистов прикладом винтовки, штыком, а то и просто саперной лопаткой. Но, к сожалению, многие герои Вяземской битвы так и остались без вести пропавшими. Плачут их матери, жены и дети больше тридцати лет...

Один наш танк загорелся сразу, второй устремился вперед, но вскоре вздрогнул, завертелся на месте, и языки пламени охватили его. У артиллеристов кончились снаряды. Справа умолк наш станковый пулемет. Заметно поредели ряды. Плотность огня с каждой минутой слабеет. Семеновский заметил, что атака захлебывается. Тогда он решил роту капитана Лыскова оставить для прикрытия, а остальных повернул ближе к полотну железной дороги Вязьма – Брянск. Но и там прорваться нам не удалось. Отошли, заняли оборону. Наши потери были велики, а среди уцелевших большинство были раненые. Автор этих скупых строк тоже был ранен, когда в рукопашной прикрывал своим телом Семеновского.

А с рассветом немцы начали прочесывать лес. И снова разгорелся жаркий бой. Отбивая атаку за атакой, мы отошли подальше в лес. Стало ясно, что прорваться нам уже не удастся. Фронт на востоке был далеко. Канонады почти не слышно. Только по-прежнему в лесах под Вязьмой то в одном месте, то в другом вспыхивала пулеметно-ружейная стрельба. Потом прокатится дружное «ура!». Где-то справа и слева рвутся снаряды, мины. Низко над лесом шныряют вражеские стервятники. Заметив где-либо наши войска, они начинают бомбить.

Почти весь октябрь продолжалось кровопролитное сражение под Вязьмой. И, конечно, это героическое сражение было за Москву.

20 октября 1941 года Ставка 20-ю армию расформировала. Но небольшая группа войск, руководимая членом Военного совета 20-й армии корпусным комиссаром Ф.А. Семеновским, продолжала наносить врагу немалые потери.

Как сейчас утверждает бывший командующий Вяземской группой войск генерал М.Ф. Лукин, к 10 октября окруженные войска под Вязьмой разгромили на 90-95% девять дивизий противника. Командующий группой армий «Центр» фон Бок был вынужден отвести их в Семлево, Вихоры, Дорогобуж, Смоленск на переформирование. Тринадцать дивизий, в том числе шесть танковых, понесли потери до 75%¹¹².

Под вечер 11 октября, не добившись желаемых успехов, враг прекратил против нашей группы атаки. А может быть, противник считал нас уничтоженными! Но мы жили, сражались и наносили врагу ощутимый урон. И когда бои затихли, на лесной поляне собрались командиры подразделений, которые внимательно слушали невысокого темноволосого человека с открытым волевым лицом, с тремя ромбами на петлицах.

– Положение не из легких, – откровенно говорит он, – будем пробиваться в Брянские леса... Ближайшая задача – переправа через реку Угру и выход в район станции Баскаковка. Между Вертерховым и Баскаковкой перейдем железную дорогу...

В это время к нему подошел летчик в звании капитана и, протянув записку, доложил:

– Товарищ корпусной комиссар, за вами прислан самолет, я уже несколько дней разыскиваю вас по лесам.

Семеновский прочитал записку, мельком взглянул на командиров, застывших в ожидании его ответа, сказал:

– Доложите, товарищ капитан, дивизионному комиссару Лестеву, что корпусной комиссар Семеновский оставление своих войск в тяжелую минуту рассматривает как предательство. В самолет возьмите тяжелораненых.

И, повернувшись к командирам, закончил:

– Ясна задача, товарищи? Тогда разойдемся, и помните, что от нашего умения и выдержки зависит судьба сотен людей.

В этом эпизоде особенно ярко проявились черты характера коммуниста, военачальника, человека, который всегда считал своим долгом быть там, где труднее, где опаснее, где необходимо поднять боевой и моральный дух, возглавить и повести солдат в бой. Таким сохранила моя память корпусного комиссара Федора Алексеевича Семеновского.

В ночь на 12 октября мы тронулись в намеченный путь. Сначала пробивались от Вязьмы на юг, а потом на юго-запад. При выходе из леса, на опушке, сбив немецкий заслон, вышли в открытое вспаханное поле. Семеновский торопил всех, чтобы за ночь преодолеть открытую местность. Люди шли молча, помогали раненым и больным. Совершив почти 20-километровый марш без остановок и отдыха, огибая деревни, на рассвете вошли в большой еловый лес. Бойцы, уставшие и промокшие, буквально валились с ног, падали на мокрую землю и сразу же засыпали мертвым сном.

Еще под Селивановом в беседе с бойцами Семеновский обратил внимание на то, что многие не имели плащ-палаток. И это помогло. Все обзавелись плащ-палатками, кто – отечественными, а некоторые раздобыли в бою немецкие. А как под стать они сейчас, когда идут проливные дожди.

Семеновский обошел людей, осмотрел каждого сидящего, кого-то тронул за плечо, а затем подозвал майора Скворцова и военврача 3-го ранга Иванова и сказал:

– Смотрите, товарищи! Люди на сырой земле спят, а вон те в луже. Подымайте всех, натяните палатки... Людей надо беречь!

Вскоре прибыли разведчики, они доложили, что слева от леса, в трех-четыре километрах, деревня, там полно немцев. Справа открытое поле, впереди чернеет лес. В четырех километрах проходит небольшая дорога, по которой беспрерывно движутся немецкие части в сторону Вязьмы.

Семеновский выслушал разведчиков, сделал пометки на своей карте, затем приказал майору Скворцову усилить посты. Ни одному человеку из леса не выходить. Потом разрешил развести несколько костров, обсушиться да сварить зерно, обмолоченное бойцами, и согреть кипятком. Но тут же часовые заметили, что из деревни к лесу идут три человека.

Когда они подошли поближе, часовые разглядели их: шли незнакомые не спеша, оглядываясь, в красноармейских шинелях и пилотках без звездочек. Оружия не было. Часовые решили, не поднимая шума в группе, задержать неизвестных.

Подпустив поближе, скомандовали: «Руки вверх!». От неожиданности беглецы чуть было не упали.

Обыскали их, но кроме вонючей немецкой листовки ничего не нашли. Сняли с них брючные ремни, завязали глаза и привели к Семеновскому. В одном заметно было подавленное настроение. Он молчал и не мог смотреть в глаза корпусному комиссару.

Допрашивая задержанных, Семеновский спросил:

– В деревне немцы, как же они вас отпустили?

Двое с нахальной улыбкой ответили:

– Где их нет?! Вон как прут. Уже Москву взяли.

– Кто вам об этом сказал? – последовал вопрос.

– Вчера в деревне радио слушали. Немцы врать не будут, – с той же нахальной улыбкой ответили все те же двое.

– Где ваше оружие? – строго спросил корпусной комиссар.

– А зачем оно нам? Хватит! Навоевались, – опять ответили двое.

Тогда Семеновский приказал начальнику штаба полковнику Неранину построить всех и перед строем предателей расстрелять. Но когда полковник Неранин, после краткого выступления Семеновского, scomандовал взводу лейтенанта Захарова «Огонь!», тот, который все время молчал, навзрыд заплакал, упал и, хватаясь руками за землю, заявил:

– Они, сволочи, в лесу бросили винтовки, сами сдались в плен, подговорили меня. Охотно согласились идти в лес, разыскивать наших и агитировать их сдаваться в немецкий плен. Они предатели.

Двоих предателей тут же расстреляли, а этого белокурого парня с голубыми глазами за чистосердечное признание Семеновский оставил в отряде, поручив майору Скворцову глаз с него не спускать.

Боец оправдал доверие комиссара. Был смелым, решительным и находчивым. В одном бою, когда положение казалось безвыходным, он с гранатой ринулся в стаю наседавших немцев, пожертвовав собой, решил исход боя. Немцы отступили.

Жаль, что в моей памяти не сохранилось славное имя героя. Не знают его дерзкого и героического подвига родные и друзья. Не знает мать, проплакавшая более 30-ти лет. Юноше всего-навсего было тогда не более 20-ти лет. Этот случай потряс всех нас. И Семеновский решил провести общее совещание со всей группой.

– Мы не окруженцы, – говорил он бойцам. – Мы воинская часть, которая продолжает выполнять боевую задачу! Как бы тяжело ни было – мы с вами в строю.

Потом Ф.А. Семеновский провел партийное и комсомольское собрания, на которых были созданы партийная и комсомольская организации. На собрании обсуждались вопросы о дисциплине, о бдительности. Вопросы об оружии, боеприпасах, продовольствии и медикаментах являлись главнейшими. Приказом №1 от 12.10.41 г. были назначены: начальником штаба – полковник Неранин, командиры и политруки подразделений, начпрод с небольшой группой бойцов, начальником санитарной службы – военврач 3-го ранга Иванов. Комендантом был назначен майор Скворцев. Корпусной комиссар Ф.А. Семеновский встал во главе отряда.

В этот день – 12 октября – собственно, и было положено начало действий партизанского отряда Семеновского, которого приказано было называть «Товарищ Алексеев».

Уже совсем стемнело, когда закончилось организационное собрание. Настроение людей как-то поднялось, у каждого из нас появилась уверенность. Теперь всех вело вперед нетерпение – скорее прийти в брянские леса, обосноваться и немедленно вместе с местными партизанами начать борьбу с немецкими захватчиками.

В первые дни пребывания на оккупированной врагом Смоленщине мы своими глазами увидели «новый мировой порядок». И это еще больше вызвало у каждого лютую ненависть к врагу и его пособникам.

Было совсем светло, когда отряд входил в большой лес. Командиры подразделений, проверив людей и снаряжение, доложили Семеновскому, что за ночной переход никаких потерь нет. Военврач Иванов¹¹³ доложил, что из тяжелораненых двое ослабли, пришлось нести их на плащ-палатках.

Возвратившись, разведчики доложили, что в трех километрах хутор из восьми хат, расположенный рядом с этим же лесом. Немцев на хуторе вообще не было. Проходит большак в каких-то 10-15 километрах. Между хутором и дорогой протекает речка небольшая, но глубокая. Мост взорван.

Тогда было решено обследовать хутор и, если будет безопасно, зайти в него всем отрядом.

Люди на хуторе добродушные, не напуганные фашистами: немцев здесь никто не видел, но повадки врага знают. Когда все вопросы охраны и размещения людей были

решены, Семеновский вошел в дом, в котором разместился полковник Неранин со своим штабом.

Через некоторое время к Семеновскому пришел бригадир колхоза, житель хутора. Они долго беседовали. Бригадир рассказал, что в 1930 году он на хуторе организовал первый колхоз в районе, был долгое время его председателем. Затем колхоз объединили с соседним колхозом, а его оставили бригадиром. Жили до войны не так богато, но хлеба хватало. И вот теперь война.

На последнем бюро секретарь райкома сказал: «По решению обкома я и бюро райкома остаемся на местах».

Однажды в сумерках к нему приехал свояк Кузьма, который сообщил, что по указанию райкома партии нужно подобрать место для базы партизанского отряда. Блуждая по лесу, он нашел радиостанцию, отремонтировал и теперь по ночам слушает Москву.

Семеновский прервал рассказ бригадира, спросил:

– Где находится райком партии?

Бригадир ответил, что он не знает. Распоряжение Кузьме передала незнакомая девушка, которая местонахождение райкома не сообщила. А днями она заходила к нему на хутор. На его вопрос «Как можно поговорить лично с секретарем райкома», девушка ответила: «Сейчас нельзя. Придет время, сами поговорите».

Я смотрел на его порозовевшее лицо, слушал его рассказ и думал: пока жив этот сильный духом человек, не быть гитлеровскому «новому порядку» на Смоленской земле.

Ф.А. Семеновский вздохнул, а потом проговорил:

– Да, конспирация должна строго соблюдаться.

Присутствуя при этом разговоре, заметил, что, когда Семеновский услышал «райком», глаза его как-то по-особому заискрились. Ведь он, инструктируя разведчиков, говорил им, что через местное население надо искать партийное руководство, оставленное для развертывания партизанского движения, сам принимал действенные меры по розыску райкомовцев. И вот, казалось бы, подпольный райком партии найден. Он точно где-то здесь, рядом, но советские люди-патриоты бережно охраняют его.

Семеновский задумался, а затем сказал:

– Не знаешь, где райком. Говоришь – разыскать невозможно. А если попытаться разыскать?

Бригадир признался, что найти райком партии он сейчас не может.

– Ну что ж, веди, показывай свою рацию, – проговорил Семеновский.

Во дворе погреб, там небольшие кадушки с грибами, квашеной капустой. В углу – свекла, морковь, здесь же и картофель. Он поднял одну бочку, выбросил из-под бочки какой-то хлам, достал железный ящик, открыл его: перед ними стояла рация РБМ. Включил. И вдруг знакомый голос диктора: «Говорит Москва... Передаем последние известия. От советского Информбюро...» Затаив дыхание, стараемся с Гамаюновым записать каждое слово Левитана. Больно отдавалась в сердцах знакомая фраза: «После упорных боев наши войска оставили...»

Корпусной комиссар приказал начальнику штаба размножить сводку и разведчиков направить со сводкой в ближайшие села. Затем собрал секретарей партийных и комсомольских организаций, политруков подразделений и приказал им провести в ротах политбеседы.

Перед выходом, 15 октября, на хуторе состоялся митинг. Здесь собрались люди из многих деревень – старики и старухи, мужчины и женщины с малыми детьми, сельская молодежь. На митинге выступил Ф.А. Семеновский. Он закончил словами: «Бейте врага! Смерть немецким захватчикам!». В ответ прокатилось громкое «ура».

На этом митинге наши люди раздали населению более двухсот сводок информбюро и листовок, составленных Семеновским, отпечатанных Гамаюновым, мною и писарем штаба Ивановым.

Быть может, кто-либо из жителей того хутора прочтет, вспомнит октябрь 1941 года. Автор этих строк будет весьма благодарен всем, кто откликнется, расскажет о тех далеких днях.

16 октября нам не повезло. Рассвет застал нас в небольшом сосновом бору. До большого лесного массива было далеко. Преодолеть открытую местность за один ночной переход невозможно. Разведка доложила, что слева и справа деревни, в которых полно немцев.

Корпусной комиссар Ф.А. Семеновский приказал начальнику штаба усилить посты, всем залечь и, притаившись, ждать темноты. Уже вечерело. И вдруг часовые сообщили, что из деревни справа по направлению леса идут пять немцев.

Корпусной комиссар приказал командиру взвода лейтенанту Круглову выставить засаду, уничтожить их без боя, огонь не открывать. Лейтенант повторил приказание и со взводом скрылся в кустах.

Вот уже хорошо видны их звериные лица, слышна чужая речь. Осталось каких-то десять метров, пять, два... Четырех на месте уложили, а пятый кинулся бежать. Поднялась стрельба. Как и следовало ожидать, немцы на грузовиках выслали до роты автоматчиков. Разгорелся бой. Вскоре фашисты подбросили подкрепление. Появились немецкие танки. Маневрируя по сосняку, отряд продолжал отбивать атаку за атакой. И, когда совсем стемнело, нам удалось вырваться и уйти. Немцы, очевидно, посчитали нас за сильное соединение, собрав больше сотни трупов и не досчитавшись восьми танков, побоялись преследовать нас, ушли.

А партизаны Семеновского хотя и понесли значительные потери, но перед врагом не дрогнули, храбро сражались и победили.

Командир третьей роты старший лейтенант Жадневский до войны где-то на Брянщине учительствовал, а когда началась война, он был призван в армию и служил в нашем отделе связи 20-й армии начальником канцелярии. Человеком был сугубо гражданским, по характеру спокойным, но дисциплинированным и аккуратным, исполнительным в работе. За это все мы его уважали. Заместитель начальника связи полковник Н.Н. Лисакович часто говорил: «Наш канцелярист заслуживает правительственной награды».

В этом бою, когда фашистский танк мчался по лесу, на ходу стреляя, Жадневский, подпустив танк поближе, швырнул в него связку гранат. Немецкий танк был уничтожен. Потом он поднял своих бойцов и с громким «ура» ринулся в атаку. Атака врага была отбита. Он еще несколько раз поднимал своих партизан в атаку и погиб, когда уже темнело.

Погиб и наш писарь, коммунист, рядовой Иванов, который никогда не расставался с портативной пишущей машинкой. Я хорошо знал Иванова. Он с августа 1940 года работал техником по вольному найму в нашем отделе войск связи штаба Орловского военного округа. И как только началась война, Иванов, не дожидаясь повестки военкомата, 22 июня добровольно в городе Орле вместе с нами ушел на фронт. Он остался в моей памяти храбрым солдатом.

В этом бою Ф.А. Семеновский был ранен в левую руку и правую ногу. Помню, как Федор Алексеевич отошел в кусты, снял шинель, китель... Попросил меня, Гамаюнова помочь ему перевязать раны. Когда мы предложили позвать врача, он отказался, заявил:

– Разболтает всем. Людям и так тяжело.

А нам приказал о его ранении никому не говорить. Легко забросил за спину автомат и пошел как ни в чем не бывало. Так, в отряде никто не знал о ранении своего командира.

19 октября, когда уже темнело, мы подошли к какой-то небольшой деревне. Разведка доложила, что в школе до взвода немцев. Они пьянствуют, насилуют женщин, грабят население. Небольшая деревянная школа, ярко освещенная электрическим светом от тархтевшего во дворе движка, стояла на возвышенности, в стороне от деревни.

Командир отряда решил ночью разгромить эту банду. Выполнение операции он поручил второй роте старшего лейтенанта Медведева. Ночью Медведев с ротой пробрался к школе, бесшумно сняли часовых, и десятки гранат почти одновременно разорвались в помещении. Большинство немцев перебили сразу, очумевших от взрывов расстреляли.

Наши потери не имели, благополучно возвратились в отряд. Корпусной комиссар бойцам и командирам 2-й роты перед строем объявил благодарность. Эхом отозвались в чаще леса четкие слова партизан: «Служу Советскому Союзу!».

В ночь на 20-е в деревне Алексеевке, что в полутора километрах от районного центра Всходы, под самым носом штаба какой-то разбитой под Вязьмой немецкой дивизии при помощи колхозников Афанасия Климовича Орлова, Натальи Орловой, Прасковьи Шкодовой, Варвары Титовой, Феодосии Карповой и многих других честных людей мы на лодках и плотах переправились через шумную реку Угру и двинулись в направлении Баскаковки.

На второй день, в сумерках, подошли к большаку Всходы–Баскаковка, по которому почти непрерывно двигались в сторону Всходов немецкие обозы, грузовики с солдатами и разными грузами. Мы залегли на обочине. Лежим час, второй, а обозы и машины идут и идут, кажется, и конца им нет.

Но тут из-за поворота выскочили четыре, одна за одной, легковушки.

Кто-то из нетерпеливых щелкнул затвором винтовки. Семеновский остановил, сказал:

– Так воевать нельзя. Врага надо бить умением.

Затем он отвел отряд вглубь леса, заявил:

– Дорогу будем переходить с боем.

Снова, рассредоточившись поротно, залегаем на обочине дороги. Ждем, пока скроются грузовые машины. На большаке небольшой перерыв. Люди заволновались, что сорвется бой, которого с нетерпением все ждали.

Но тут из-за поворота показались повозки. Тарахтя колесами, они приближались к нам. На первых повозках гитлеровцы спят, на остальных – тоже. Когда обоз в 30-35 повозок поравнялся с нами, громкое «ура» и шквальный пулеметно-ружейный огонь разорвал лесную тишину. Разрыв гранат, крики, стоны людей, ржание перепуганных лошадей... За несколько минут внезапного боя немецкий обоз был разгромлен.

Немцы потеряли до сотни солдат и обоз, троих взяли в плен, когда они пытались удрать.

Наши потери: двое убитых и девять человек раненых. В этом бою был ранен и автор этих строк, когда вместе с бойцами прикрывал отход отряда.

На скорую руку осматриваем, что за груз везли немцы. Может быть, продовольствие? Все изголодались. Последние дни едим только печеную в золе картошку, вырытую на заброшенных полях, да конину. Но еще больше, чем продукты, нам нужны медикаменты, перевязочные материалы. Кроме раненых в этом бою, мы несем на самодельных носилках двенадцать тяжелораненых и больных бойцов и четырех командиров, не считая ходячих раненых, а их было в отряде немало. Мало ли у нас было боев и стычек?! На перевязочный материал идут разорванные нательные рубахи. Но обрабатывать раны нечем.

Военврач Иванов с надеждой смотрит на бойцов, обследовавших содержимое повозок: ничего подходящего, какие-то запчасти.

– Слышите, гудят машины? В лес! Да побыстрее! – командует корпусной комиссар Ф.А. Семеновский.

Вечером 23 октября мы подошли к деревне Ключики¹¹⁴. Деревенька небольшая, удобно раскинувшаяся между лесом. Вблизи железная дорога Вязьма – Брянск, та самая, которую пытались мы перейти у деревни Селиваново.

Разведчики доложили, что в деревне и ближайших селах немцев нет. Правда, двух-трех солдат днем жители видели на станции Баскаковка. Железная дорога немцами не охраняется. Ближайший немецкий гарнизон находится в 15-20 километрах.

У Семеновского точно какое-то предчувствие: очень не хотелось ему заходить в эту деревню. Но военврач Иванов настоятельно докладывал, что за пять суток без перевязок у многих тяжелораненых в ранах завелись черви. Начальник штаба полковник Неранин предложил:

– Немцев вблизи нет. Зайдем, быстро доктор перевяжет раненых, а там...

– Ну, хорошо! – наконец-то согласился Семеновский. – Заходим на один час. Только не мешкать. Через час-полтора переходим железную дорогу.

Жители встречают нас радостно. Каждый из них хочет чем-нибудь помочь. В одной избе располагается врач с ранеными, напротив, в большом доме – штаб.

Женщины готовят простыни, белье, горячую воду, помогают развязать раны. Семеновский обошел посты, а затем зашел к раненым. Врач уже заканчивал шестую перевязку. Он посмотрел, сказал:

– Торопитесь, товарищ Иванов. – И тут же вышел.

Примостившись на длинной скамейке, стоявшей около стены, я ждал очереди на перевязку. Вот остался старший сержант с перебитой рукой, а потом моя очередь.

И вдруг внезапно ночную тишину вспарывают автоматные и пулеметные очереди. Разгорелась ураганная стрельба. Дальше все идет точно в дурном сне. Легкораненые с оружием мгновенно бросаются в окна. Меня, майора и капитана хозяин дома Семен Михайлович Агеев с женой Евдокией Семеновной и девяти-одиннадцатилетней девочкой, поддерживая, выводят черным ходом в огород.

Когда мы вышли, я увидел в слабом свете, падающем из окна избы, фигуру Семеновского с автоматом в руках.

С несколькими бойцами, отстреливаясь, он скрылся в темноте. Больше корпусного комиссара Ф.А. Семеновского не видел. От 100-120 человек нас осталось в живых только пять. Три дня просидели мы в лесу, ожидая своих, особенно своего командира Федора Алексеевича Семеновского. На вторые сутки еще двое подошли. Теперь уже нас было семеро. В деревне полно немцев. Конечно, сидеть вблизи деревни было опасно.

Однако нашим разведчикам ночью удалось проникнуть в деревню, поговорить там с жителями, которые рассказали о том, что, как только отряд вошел в Ключики, староста верхом на лошади куда-то ускакал. Из рассказа жителей нам стало ясно, что предатель привел немцев, помог фашистам разгромить весь отряд. В ночь на третьи сутки мы ушли.

Спустя много лет я узнал, что предатель был среди нас, который, видимо, и послал старосту к немцам. Совершив злодеяние, разумеется, предатель переметнулся к фашистам. Но от возмездия враг не ушел: в 1942 году он был в районе Москвы пойман и, конечно, получил по заслугам.

Фамилию предателя умышленно не называю, да имеет ли сейчас это какое-то значение.

Бывший помощник начальника штаба 20-й армии, майор в отставке В. Кунцевич [подпись].

Апрель 1972 года. Город Оренбург

Источник: Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник». Ф. 9. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-50.

Комментарий ко 2-й части очерка Виктора Кунцевича

Вряд ли можно поспорить с тем, что очерк Виктора Касперовича Кунцевича уникален. В нем представлен широкий набор сведений из архивных документов и личных воспоминаний. Феноменальная память автора дает большой материал для работы

историков, краеведов, поисковых отрядов. Одно только описание действий отряда Ф.А. Семеновского по выходу из Вяземского котла служит примером активности окруженных войск Красной Армии при умелом руководстве и резко контрастирует с современными представлениями о всеобъемлющей катастрофе под Вязьмой в октябре 1941 г. и неспособности окруженных войск оказать систематическое, результативное сопротивление.

Что же было дальше? Какова судьба Виктора Кунцевича после трагических событий в Вяземском котле? Каков его вклад в дело изучения и сохранения памяти о Смоленском сражении? Вот что рассказал о нем в конце 1960-х гг. фронтовик Ю. Шакутин: «...И не победное разноцветье салюта вспоминает солдат. Встает перед глазами солдата самое трудное и горькое из пережитого... Я знаю одного солдата – Виктора Касперовича Кунцевича. Война для него закончилась в сорок девятом. Четыре года в огне, в боях. Четыре – на койке в госпиталях. После госпиталя он приехал в Оренбург. В этот город в сорок втором из осажденного Орла вывезли командирские семьи. И чуть ли не в первый день встретила солдата на улице жена его бывшего командира. Припала к плечу, забилась в беззвучных слезах.

– А Федя? Федя где? Вместе уходили... Без вести... Разве мог Федя без вести?.. Как же так?..

...Не мог заснуть после встречи солдат. Снова и снова вставала перед глазами глухая октябрьская ночь сорок первого. Огненные всполохи короткого боя... Их группа – около сотни бойцов и командиров 20-й армии – десятки сутки выходила лесами и болотами из окружения... И почти каждый день или сами бросались в отчаянную атаку, или, заняв круговую оборону, отбивались от нападающих врагов.

Их вел коренастый человек в реглане¹¹⁵, с суровым, словно окаменевшим, лицом – член Военного совета 20-й армии корпусной комиссар Федор Семеновский... Они зашли в глухую деревушку часа на два, чтобы перевязать раненых. Кунцевич тоже был ранен в плечо... Он отдирал засохшую повязку, ожидая очереди к врачу, когда на краю деревни стеганули автоматы дозорных. Кунцевич выскочил из избы и увидел в мертвом свете ракет бегущих во весь рост немецких автоматчиков. Семеновский в наброшенном на плечо реглане что-то кричал бойцам, показывая в сторону речки и леса, хотя и с той стороны тоже вспыхивали нити трассирующих пуль.

Он успел увидеть еще яростное и перекошенное лицо пулеметчика, который пинком ноги отбросил ставший ненужным без патронов пулемет, и, рванув из-за пазухи гранаты, шагнул навстречу автоматчикам.

Кунцевич не добежал тогда до речушки. Что-то ударило его в голову, и он упал на рыхлую землю. Последнее, что видел, – бойцов, перебегающих речку, и Семеновского, который, прижавшись к дереву, бил из автомата вдоль берега. Потом, через много лет, он узнает, чем закончился этот ночной бой. А тогда потерял сознание.

Очнулся Кунцевич в землянке на куче листьев, пахнущих прелью... Кунцевича и еще двух бойцов подобрали в ту ночь на огородах хозяева избы, где он был на недолгом постое, – Евдокия Семеновна и Семен Михайлович Агеевы. Прятали в клуне, завалив соломой и навозом, потом переправили в лесную землянку.

Больше недели Евдокия Семеновна отпаивала раненых козьим молоком. Перевязывала раны, прикладывала прохладные травы и шептала что-то скороговоркой, через слово поминая Господа Бога. Кунцевич так и не увидел своей спасительницы... Через годы и годы он узнает, что и Евдокию Семеновну, и деда ее, и еще четверых парнишек-комсомольцев немцы сожгли в избе живьем. А тогда, чуть-чуть окрепнув, Кунцевич и его товарищи, запасшись молоком и вареной картошкой, ушли однажды ночью на восток, в сторону Москвы... Потом он сражался под Москвой, в окопах Сталинграда, был на Курской дуге. Пил воду из Днепра, дошел до Берлина. Воевал в Японии...

Я все думаю: что заставило Кунцевича, еще не оправившегося после четырех лет госпиталя, взяться за выяснение обстоятельств гибели Семеновского? Они не были друзьями. До войны служили в Орле в одном округе. Кунцевич занимал невысокую воинскую должность в штабе округа¹¹⁶. Семеновский был членом Военного совета. Он и видел-то его всего два раза на парадах. А на фронте, хоть и были с первого дня вместе, в штабе армии не общались. И даже в те горькие октябрьские дни, когда волею случая оказались в одном полку, когда пробивались из окружения, они не сошлись особенно близко.

Все мы – и те, кто не воевал, и кто прошел фронты, – наверное, до конца дней своих будем в неоплатном долгу перед погибшими в сражениях солдатами. И долг наш во сто крат выше перед теми, кто умирал в самый тяжкий год войны – сорок первый... На их долю достались самые трудные дни. Они умирали только с верой в победу. Они умирали в неравном бою.

Кунцевич начал с писем. Разослал запросы в Главное политическое управление Советской армии и Военно-Морского флота, в Главное управление кадров МО СССР. Ответ пришел однозначный – пропал без вести. Он написал боевым друзьям Семеновского. Сообщили: с сорок первого никаких известий. Письма, письма... Розыски в архивах. И ни в одном документе ни слова о Семеновском. Ни плохого, ни доброго слова. На розыски, на копание в архивах ушел не один год.

И все больше думал он о той глухой октябрьской ночи, деревушке, где видел Семеновского в последнем бою. Но Кунцевич помнил лишь одно: деревня была где-то в Смоленской области. Как она называлась, он не знал. И он решает: надо разыскать деревню, поговорить с жителями, может быть, они помогут напасть на след комиссара.

Он берет отпуск и едет на Смоленщину. Глухие лесные деревушки. И почти возле каждой – безымянная речушка. И лес с обеих сторон. Свои истории. В одной его повели на поляну, где в полуобвалившемся окопе запрокинулся немецкий танк со съехавшей на бок башней. В густой траве под ногами звенели гильзы. На старой полузасохшей березе он прочел заплывшие слова: «Окружены. Нас пятер...» В другой ему показали землянку, почти такую, в какой прятали солдат старики Агеевы. В третьей рассказали про командира. Двое суток отбивался от целого отряда немцев, а потом взорвал и себя, и избу.

Но ни в одной деревне – а он прошел их за месяц более десятка – никто не помнил ночного боя. Никто не узнал Кунцевича, никто не хоронил человека в кожаном пальто.

Тогда он засел за карты. Перечел все сводки Совинформбюро с октября сорок первого. Снова разослал письма. На этот раз ему повезло. Откликнулся генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. Помог связаться с начальником штаба, отыскать в архивах боевые карты 20-й армии. По ним Кунцевич установил квадрат, где могла быть незнакомая деревня.

И снова в отпуск на Смоленщину. И снова впустую. Он чувствовал, что ходит где-то рядом, и даже лес казался ему знакомым. А деревня как сквозь землю провалилась... Но, уезжая из Смоленска, он оставил в редакции местной газеты небольшую статью.

Как он не додумался до этого раньше?.. Через полмесяца пришло письмо из деревни... Ключики: „Знаем, у нас...”¹¹⁷.

Газетой, в которой опубликовал свое письмо Кунцевич, был смоленский «Рабочий путь». Следует заметить, что тогда Виктор Касперович не точно указал название деревни, у которой их группа была отрезана от основных сил 20-й армии: Селиверстово вместо Селиваново, но остальные географические данные были воспроизведены верно: «24 октября 1941 года в районе станции Баскаковка–Куземки группа переходила железнодорожную линию Вязьма–Спас-Деменск. В небольшой смоленской деревне (название не помню), которая находилась в километре от линии, группа попала в плен. Впоследствии корпусной комиссар Федор Алексеевич Семеновский якобы был расстрелян фашистами где-то недалеко от той деревни». Письмо заканчивалось словами: «Многое известно о жизни Семеновского, но не удалось пока узнать, где на Смоленщине

он захоронен. Может быть, среди читателей этих строк найдутся люди, которые были очевидцами тех памятных событий октября 1941 года и знают место захоронения Ф.А. Семеновского»¹¹⁸.

Сам Кунцевич в своей статье «Тайна смоленских лесов» в газете «Красная звезда» упоминает, что большую помощь в розыске могилы комиссара ему оказали, кроме газеты «Рабочий путь», угранская районная газета «Искра» и районное радио: «Среди читателей газет и слушателей радио нашлось немало очевидцев, и 16 июля мы вместе с районным военкомом майором Н. Емельяновым выехали в деревню Ключики...»¹¹⁹

Но вернемся к статье Ю. Шакутина. «Трое шли ржаным полем... Они остановились, не доходя леса.

– Тут его скосили, – сказал один из мужчин глухо, – а мы вон в том овражке прятались...

В ту ночь двое деревенских парнишек пасли в лесу лошадей. Когда начался бой, ребята забились в овраг. И они видели, как, перебравшись через речку, к лесу отступали бойцы. Последними отходили двое. Один рослый, без рубахи, грудь в бинтах. Другой коренастый, в кожаном пальто. Им оставалось совсем немного до леса, когда сбоку ударил пулемет. Рослый упал сразу, а другой еще долго отстреливался, перебегая с места на место.

Уже все бойцы скрылись в лесу, а он все стрелял и стрелял, не давая немцам перейти речку. Но они перешли ее где-то выше и взяли его в кольцо. А он все отстреливался и дважды бросал гранаты...

Его и похоронили возле дороги. И могила называлась могилой Неизвестного генерала. Школьники цветы носили. Но потом дорогу запахали, холмик просел и затерялся»¹²⁰.

В уже упомянутой статье «Тайна смоленских лесов» Кунцевич называет и имена очевидцев: «И вот тогдашние четырнадцати-пятнадцатилетние мальчишки Володя и Миша Агеевы, Петя Кросаников (сейчас им уже около 40 лет) без всяких колебаний, увидев фотографии Федора Алексеевича Семеновского, твердо и уверенно заявили: „Вот этого человека мы тогда видели“».

Шакутин, с которым Кунцевич поделился этой историей, продолжает: «Он вернулся на это поле месяца три спустя. Понадобилось немало времени, прежде чем добился Кунцевич разрешения на вскрытие предполагаемой могилы Семеновского. Пришлось обращаться к военному министру.

И вот снова Ключики... Бульдозер осторожно снял первый пласт земли, прошитый восковыми нитями корней... Потом еще пласт. Бульдозерист Сергей Егорович Смирнов почти после каждого захода останавливал машину.

– Ну и работа нервная, – жаловался он Кунцевичу, вытирая рукавом потное лицо. – Дай, браток, подымлю...

– Я ведь тоже всю сквозь на танке прошел. Чего-чего не видел. А тут в дрожь бросает...

...Кунцевич первым заметил сапог, вывернутый бульдозером из влажной земли.

– Стой! Танкист, стой! – закричал он Смирнову и упал на колени, чуть ли не под самый нож бульдозера. – Сдай назад, танкист!

И, еще не веря себе, стал отбрасывать руками жирные комки земли. Обозначился темный провал прямоугольной формы. Пальцы Кунцевича вдруг нащупали твердый предмет. Он подумал вначале, что это пряжка от ремня или осколок, но, когда протер рукавом, тускло блеснула алая полоска эмали. Орден! Орден Красного Знамени! Теперь сомнений не было¹²¹. Это могила Семеновского. Под винтом, отодрав почерневший кусочек материи, он с трудом разобрал цифры. Номер сошелся»¹²².

Останки Федора Алексеевича Семеновского были торжественно перезахоронены в городе Вязьме, на Екатерининском кладбище, рядом с могилой генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова.

Удивительно, но до сих пор местные краеведы, журналисты и издания не могут сойтись во мнении, когда произошло перезахоронение, вот лишь несколько дат, которые мы собрали в результате поиска: «в июле 1966 года», «11 сентября 1965 года», «в сентябре 1968 года». Все это еще раз указывает на то, что крайне необходимы исследовательские, всеобъемлющие и доступные широкому кругу читателей труды по истории Смоленского сражения и его персоналиям.

Следует особо отметить, что все данные, собранные Кунцевичем, опровергают расхожую версию о том, что Семеновский был взят в плен и расстрелян как комиссар. Кроме этого, совершенно очевидно, что и сам Семеновский прекрасно знал немецкий приказ о запрете пленения комиссаров, о немедленном расстреле последних на месте. Вопрос о его судьбе в последние часы жизни остается открытым.

Сам Виктор Касперович Кунцевич, попав в окружение под Вязьмой, как и его товарищи, вначале автоматически получил статус пропавшего без вести. К сожалению, мы не имеем данных из его личного дела или полной автобиографии, поэтому можем пользоваться лишь открытыми источниками информации: из данных сайтов «Памяти народа», ОБД «Мемориал» и воспоминаний его сослуживцев.

Напомним, что в своей рукописи Кунцевич упоминает, что вышел из окружения в полосе обороны 3-й армии, в районе Волово Тульской области. После выхода, как и весь командный состав, его ждала проверка в органах НКВД с зачислением в запасной стрелковый полк. С сентября 1942 г. он на должности адъютанта командира стрелкового батальона 99-го запасного стрелкового полка 33-й запасной стрелковой бригады (дивизии), в 1943 г. назначен помощником начальника штаба этой же части.

В апреле 1945 г. Кунцевич откомандирован «на укомплектование польских формирований в СССР». Занял должность помощника начальника отдела снабжения и ремонта отдела связи 1-й армии Войска Польского. Был уволен в запас в октябре 1947 г. с должности помощника начальника связи Силезского военного округа Войска Польского. Здесь не стоит удивляться переводу белоруса по национальности в польскую часть: «Народное войско польское», во избежание неконтролируемых процессов в национальных частях (как получилось с польской «армией Андерса» в 1942 г., когда она эвакуировалась в Иран и вошла в состав британской армии на Итальянском фронте), комплектовалось не только лицами польской национальности, но и представителями других народов, имеющих «близкое звучание» фамилий, из-за чего в армии появилось много анекдотов на данную тематику. Кроме этого, Кунцевич владел польским языком.

За участие в Великой Отечественной войне В.К. Кунцевич был награжден орденом Отечественной войны II степени, четырьмя советскими медалями (включая «За боевые заслуги») и тремя польскими медалями.

После войны Виктор Касперович принимал активное участие в советах ветеранов тех частей и соединений, к которым имел отношение, помогал коллегам, историкам и краоведам. Все как один исследователи, которым он помогал, с теплотой отзываются о нем в своих работах, выражая благодарность за оказанную помощь.

Кунцевич имел большой личный архив, в том числе с перепиской ветеранов 20-й армии в Смоленском сражении (включая карты, фотографии, документы). Часть этого уникального материала он хотел передать смоленскому краеведу А.Я. Трофимову для музея 17-й школы (точнее, передать для копирования оригиналов) через своего брата, кандидата исторических наук, работавшего в Витебском пединституте¹²³. Очевидно, сделать это не удалось: письмо было отправлено в конце 1979 г., а в фонде уже упомянутого полковника в отставке В.Е. Александрова значится, что Виктора Касперовича не стало в 1980 г.

Где в настоящее время личный архив Кунцевича, в котором собраны уникальные данные для изучения Смоленского оборонительного сражения, неизвестно. Со временем для местных исследователей даже имя человека, так много сделавшего для увековечения

памяти Смоленского сражения 1941 г., постепенно угасло, оставшись лишь в архивах нескольких государственных учреждений.

Наша работа призвана не только напомнить о событиях начального этапа Великой Отечественной войны на Смоленщине, но и возродить в памяти современников имя настоящего патриота, воина и талантливого исследователя Виктора Касперовича Кунцевича.

Автор выражает благодарность за оказанную помощь в исследовании многим своим коллегам, и, в особенности, Смоленскому государственному музею-заповеднику и соратникам из Смоленской областной общественной организации «Поисковое

⁶⁷ Ссылки на данные публикации не приводим по этическим соображениям.

⁶⁸ Отдали жизнь за Родину // Военно-исторический журнал. 1993. №5. С. 18.

⁶⁹ Цитируется на основании: https://zhurnal.lib.ru/m/minaew_d_n/sov_general_2_1.shtml

⁷⁰ Авторское название 2-й части очерка: «Воспоминание о боевом пути войск 20-й армии на земле Смоленской за период с 10 июля по 20 октября 1941 года».

⁷¹ Сам Крейзер вспоминал об этом эпизоде так: «Особенно ожесточенные бои велись за город Толочин, где 1-я мотострелковая дивизия добилась значительного успеха. Когда гитлеровцы овладели Толочином, было принято решение ударом с ходу по сходящимся направлениям выбить их из города. На другой день, 8 июля, началась атака дивизии, занявшей охватывающее положение этого пункта своим боевым порядком... Наш удар был неожиданным для противника. В результате короткого ожесточенного боя противник был выбит из Толочина (в этом бою было взято в плен 800 солдат и офицеров, захвачено 350 автомашин и знамя 47-го берлинского танкового корпуса). Дивизия в течение суток удерживала город».

⁷² Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 1210. Оп. 484202. Д. 1. Л. 10-33.

⁷³ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 86-87.

⁷⁴ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 84-85.

⁷⁵ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 148.

⁷⁶ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 37-39.

⁷⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475. Л. 147.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Имеется в виду перекресток шоссе Москва – Минск и Витебского шоссе у н.п. Архиповка.

⁸⁰ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3083. Д. 24. Л. 16-19.

⁸¹ Подробнее о боях в этом районе со стороны немецкой 5-й егерской дивизии можно прочитать в книге: Адольф Райнике. 5-я егерская дивизия. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2014. С. 86-110.

⁸² Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3083. Д. 24. Л. 23-24.

⁸³ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3088. Д. 24. Л. 83-85.

⁸⁴ Автор ошибочно указал в качестве рек населенные пункты Морево и Малиновка (в то время Старая и Новая Малиновки) в районе рек Хмость и Надва.

⁸⁵ Алексеенко Илья Прокофьевич – генерал-майор, командир 5-го мехкорпуса, был тяжело ранен в голову в 6 часов утра 2 августа 1941 г. на своем командном пункте. 3 августа от полученного ранения скончался в госпитале в городе Вязьме. Похоронен на Екатерининском кладбище города (Сайт «Память народа», копии документов: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 80. Л. 32).

⁸⁶ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 1210-А. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

⁸⁷ Сообщение 1 августа 1941 г.: «Тов. Тимошенко. На переправе Лукину машиной придавили ногу, ходить не может. Как видимо, перелом. Врачом установлено: требуется госпитальное лечение. Прошу оказать. Подпись А.А. Лобачев (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 10. Л. 29).

⁸⁸ Автор упоминает новости о смене командования 7 августа, однако уже приказ войскам 16-й и 20-й армий 6 августа 1941 г. гласил: «Сего числа на основании приказа Маршала Советского Союза т. Тимошенко объединенное командование 16-й и 20-й армиями сдал командующему 16-й армией генерал-лейтенанту Лукину и убыл к месту нового назначения. (Подписи: командарм 20-й армии генерал-лейтенант Курочкин, Семеновский (член Военного совета) и Корнеев (начальник штаба) (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 10. Л. 48).

⁸⁹ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 1210-А. Оп. 1. Д. 1. Л. 142.

⁹⁰ 5-й механизированный корпус был расформирован 10 августа 1941 г. Как отмечалось в журнале боевых действий: «Корпус вышел из окружения со значительным количеством личного состава и незначительным количеством материальной части... Документация боевых действий штаба корпуса при выходе из окружения была уничтожена (сожжена) за исключением боевых приказов» (Сайт «Память народа», копии документов: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 80. Л. 38).

⁹¹ Сформирована из остатков 57-й танковой дивизии, была разгромлена во время Вяземского окружения.

⁹² Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 100. Л. 27-28.

объединение „ДОЛГ”»: Нине Германовне Куликовских, Илье Владимировичу Гурееву, Роману Васильевичу Стрельцу.

Примечания

⁹³ Автор ссылается на ЦАМО. Ф. 208. Д. 100. Л. 24.

⁹⁴ Автор ссылается на ЦАМО. Ф. 208. Д. 100. Л. 38.

⁹⁵ Автор ссылается на ЦАМО. Ф. 208. Д. 100. Л. 57.

⁹⁶ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 100. Л. 39.

⁹⁷ «Звуковзводы» – речь идет об артиллерийской инструментальной (звуковой) разведке. С помощью специальных звукоулавливающих колонок на переднем крае обороны по кабелю (о нехватке которого идет речь в донесении) в момент улавливания звука от выстрела артиллерийского орудия ток проходил на так называемую «центральную станцию» и записывался в виде «кардиограммы», которую дешифровали с помощью математических формул, высчитывая место нахождения вражеского орудия. Подробнее о действиях одного из таких дивизионов, в том числе и на Смоленщине, можно прочитать в книге: Кузнецов М.В. Федор Глушков. Фронтовой дневник «звукового разведчика» Смоленск: Маджента, 2023.

⁹⁸ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 100. Л. 84-85.

⁹⁹ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 100. Л. 101.

¹⁰⁰ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3088. Д. 58. Л. 73.

¹⁰¹ Генерал-лейтенант Ершаков Филипп Афанасьевич (1893-1942) назначен командующим 20-й армией приказом Ставки №37498 от 11.9.1941 г.

¹⁰² Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 58. Л. 29-32.

¹⁰³ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 58. Л. 39.

¹⁰⁴ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

¹⁰⁵ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 58. Л. 40.

¹⁰⁶ Автор ссылается на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 58. Л. 56.

¹⁰⁷ Автор ссылается на рукопись М.Ф. Лукина. 1969 г. С. 296.

¹⁰⁸ «Эмка» – разговорное название советского легкового автомобиля ГАЗ М-1 («Молотовский-первый»).

¹⁰⁹ Автор ссылается на рукопись М.Ф. Лукина. 1969 г. С. 315.

¹¹⁰ Михайлов Василий Яковлевич (1900 (1901)-1941 гг.) – бригадный комиссар, заместитель начальника штаба 20-й армии считался пропавшим без вести, пока в мае 1942 г. ошибочно не стал считаться погибшим именно в это время, в июне 1942 г., был официально исключен из списков Красной Армии как погибший.

¹¹¹ В 2024 г. в Смоленский государственный музей-заповедник местными копателями был передан наградной шильдик, найденный на местах боев на территории области: текст на нем гласит: «Командиру 80 стрелкового полка тов. Ершакову от Революционного Военного Совета Белорусского Военного Округа За отличную стрелковую подготовку Приказ войскам Б.В.О. 1928 №270/114». В ходе работы в Центральном архиве Министерства обороны нам удалось установить, что указанная металлическая наградная табличка крепилась к седлу генерала: за отличную подготовку полка в 1928 г. он был награжден кавалерийским седлом и месячным окладом.

¹¹² Автор ссылается на рукопись М.Ф. Лукина. 1969 г. С. 301-305.

¹¹³ Скорее всего, речь о Иванове Михаиле Ивановиче, 1903 г.р., – военврач 2-го ранга, начальник первого отделения санитарного отдела 20-й армии (ЦАМО. Ф. 373. Оп. 6671. Д. 11. Л. 24), согласно данным «ОБД «Мемориал», пропал без вести в октябре-декабре 1941 г.

¹¹⁴ Ключики – деревня Угранского муниципального округа Смоленской области, расположена между деревней Баскаково и ж.д. станцией Баскаковка.

¹¹⁵ Реглан – вид пальто, зародившийся в военной среде с начала XIX века. Название произошло от имени британского генерала (затем фельдмаршала) Фрицой Реглана (1788-1855), которому впервые пошили пальто, крой рукава которого начинался от выреза горловины, ввиду того, что, потеряв руку в битве при Ватерлоо (1815), он столкнулся с трудностями надевания обычного пальто.

¹¹⁶ Согласно данным отдела кадров Орловского военного округа, В.К. Кунцевич до войны числился в должности бухгалтера, техника-интенданта 2-го ранга. Военного образования не имел, получив гражданское среднее образование, затем в 1940 г. занял должность заведующего делопроизводством войск связи Орловского военного округа (ЦАМО. Ф. 121. Оп. 12936. Д. 31. Л. 15).

¹¹⁷ О войне, о товарищах, о себе. Сост.: И.П. Селищев, Б.Ф. Шуканов. М.: Политиздат, 1969. С. 65-70.

¹¹⁸ Фондохранилище ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник». Коллекция «Документы». СМЗ НВ 8345/3.

¹¹⁹ Там же... СМЗ НВ 8345/4.

¹²⁰ О войне, о товарищах, о себе. Сост.: И.П. Селищев, Б.Ф. Шуканов. М.: Политиздат, 1969. С. 70-71.

¹²¹ Орденом Красного Знамени Ф.А. Семеновский был награжден в 1938 г. В конце июля 1941 г. он повторно был награжден этим же орденом приказом Президиума ВС СССР, но, видимо, эта награда так и не была вручена лично.

¹²² О войне, о товарищах, о себе. Сост.: И.П. Селищев, Б.Ф. Шуканов. М.: Политиздат, 1969. С. 72.

¹²³ Архив ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник». Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 1 об.